

# ГУБЕРНСКИЙ

# ДОМ

ИСТОРИКО-  
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ  
КУЛЬТУРНО-  
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ  
НАУЧНО-  
ПОПУЛЯРНЫЙ  
ЖУРНАЛ

3/93



КОСТРОМА

# ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-  
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ  
КУЛЬТУРНО-  
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ  
НАУЧНО-  
ПОПУЛЯРНЫЙ  
ЖУРНАЛ

## 3/93

### *Время Общество Знание*

- Станислав Лесневский. И бьется сердце Снегурочки 2  
Виктор Розов. Благословенна эта Кострома, в которой было все 3  
Евгений Степаненко. От Щепкина до Соломина 8  
Ксения Котляревская. Друзей моих прекрасные черты 16  
Василий Дягилев. Говорить о вечных ценностях 21  
Борис Белов. Непридуманные истории 22  
Владислав Гостищев. Кто мы такие? 23

### *Свидетельства Архивы Документы*

- Виктор Бочков. "Наше великолепное Щельково" 25  
Борис Негорюхин. Театр в Костроме: первые полвека 30  
Лариса Сизинцева. Товарищество новой драмы 36  
Мария Калининкова. Воспоминания о городской опере 40  
Николай Костромской (Чалеев). Мемуары 43  
Сергей Потехин. Говори, напевай о любви негромкой 48

### *Литература Искусство Культура*

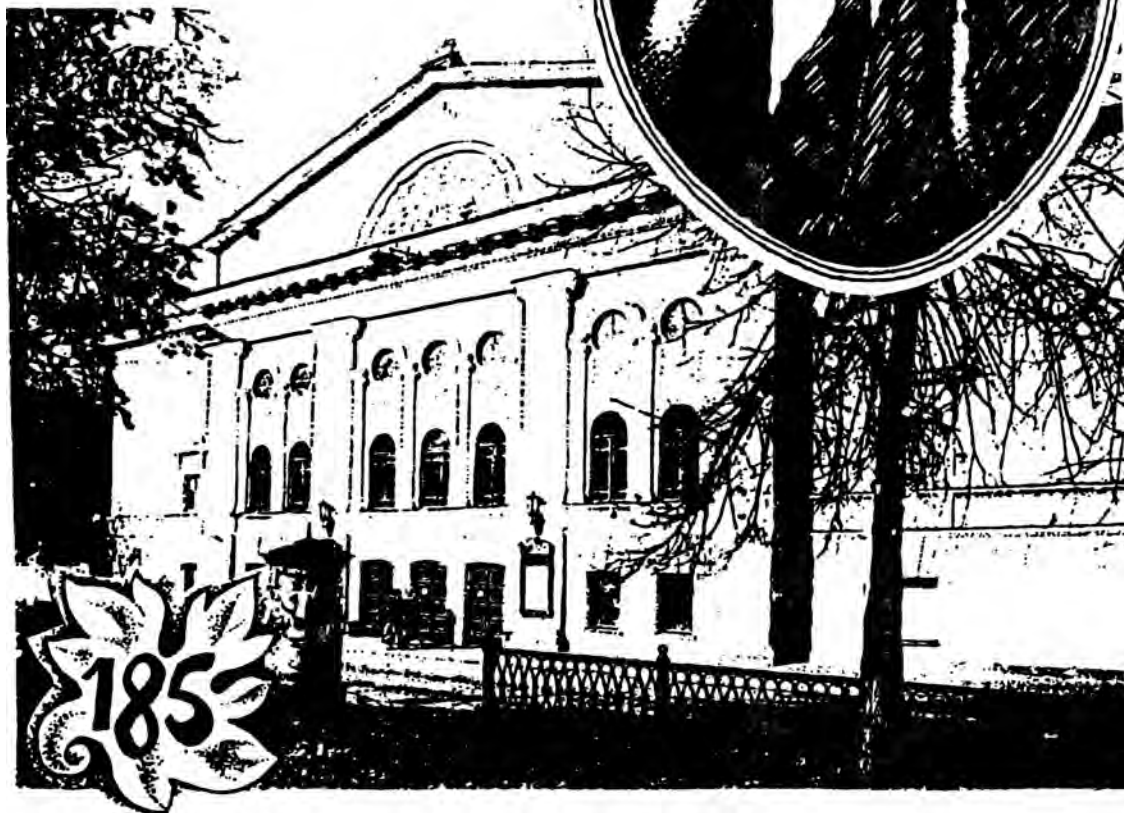
- Сергей Максимов. Воспоминания об Островском 51  
Алексей Писемский. Первое посещение театра 53  
Нина Басова. С автографом драматурга 54  
Алексей Попов. Воспоминания и размышления 56  
Игорь Дедков. Ольга Гуссаковская. Дневник рецензента 58  
Вениамин Бекишев. Чародей из страны берендеев 60

Учредитель: администрация Костромской области.  
Попечители: областное отделение Российского фонда  
культуры, областной государственный архив,  
Костромское епархиальное управление, Совет  
ректоров костромских вузов,

# ТЕАТР И ДРАМАТУРГ

*«Кострома, как отчина первого основателя Российского театра Волкова и славного актера Яковлева, достойна, чтобы театр ее имел летопись свою».*

А. Семигорский «Репертуар и Пантеон». 1843 г., том II.



Когда родился Александр Николаевич Островский, театру в Костроме было 15 лет. С тех пор эти даты постоянно соприкасаются между собой, вот и в этом году и театру и драматургу - юбилей, с разницей в 15 лет. Да что даты, творческая судьба Островского и жизнь театра связаны крепко, по сей день. Каждое десятилетие в Костромском театре проходят российские фестивали Островского, каждый новый театральный сезон открывается здесь пьесой Островского, каждый вечер приходят сюда любящие Островского зрители.

Да, еще 150 лет назад Кострома была достойна иметь летопись своего театра, тем более достойна теперь, когда из свитка она превратилась в фолиант. И лишь малая часть его - этот номер «Губернского дома». Но даже сюда вошло очень многое и самое разное: история театра и его сегодняшний день, актерские судьбы и мемуары театральных деятелей, воспоминания об Островском его современников и малоизвестное творчество Александра Николаевича как сказочника, этнографа, поэта... И построен номер по театральному принципу: отделы журнала - действия спек-

такля, а в антрактах - байки и стихи. В числе авторов этого номера - известные красавцы, журналисты, писатели, живущие в Костроме или связанные с ней своим творчеством. Открыть же его добрым словом должен был Владимир Яковлевич Лакшин, желавший, но не успевший это сделать, скоропостижно скончавшись за два дня до намеченной отпусковой поездки в Щельково. Светлая ему память...

Итак, любезные читатели-зрители, Вы приглашаетесь на журнально-театральную премьеру. Вот уже третий звонок. Занавес!

СТАНИСЛАВ ЛЕСНЕВСКИЙ

## И БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ СНЕГУРОЧКИ



Литературный критик Станислав Лесневский - автор книг о жизни и творчестве Жуковского, Тютчева, Искрасова, Блока, Твардовского, составитель ряда сборников, посвященных русской поэзии. Столичный писатель, он творчеством своим связан с культурой российской провинции, в том числе и Костромы.

Театр русской провинции... Может быть, только в России театр занимал такое место в духовной жизни небольшого губернского города. И если русское слово «душа» покорило Европу, покорило мир с Толстым, Достоевским, Тургеневым, Чеховым, то это была и русская театральная душа.

И с тех пор, как я в студенческие, а может, и в школьные еще годы услышал с мхатовской сцены: «О! Если половину этих сокровищ ты бросишь публике...» - я ощущаю Островского не «бытописателем», а романтиком, трагиком, артистом высоких нот и широких жестов вдохновенного театра русской провинции. «Господа, я предлагаю тост за всех служителей искусства, за всех тружеников на этом благородном поприще, без различия степеней и талантов!»

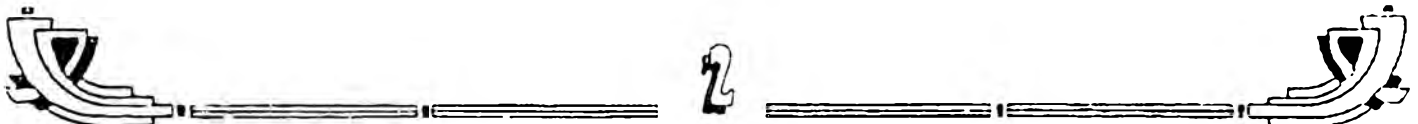
Оттого я всегда волнуюсь, когда вхожу в театр Саратова, в театр Костромы, в театр Владимира... «Гений места», как говорили древние, гений русской провинции витает над божественной дощатой сценой. Этот гений говорит: «Рспины приходят из Чугуева». Я не устаю удивляться, что в Костроме, именно в Костроме есть дом, надпись на котором отмечает место рождения Федора Волкова — отца русского театра. И что поблизости стоит дом, в котором останавливался творец русского театра - Александр Островский. И что Берендеево царство - на костромской земле. Зимой в Щелыкове, в лунную ночь, я видел, как бьется, сжимается, пульсирует песчаное дно в прозрачном роднике... Все знают, что это бьется сердце Снегурочки.

Юный Пушкин поступил в лицей, когда на костромской сцене играли «Недоросля» Фонвизина и «Ябеду» Капниста. В середине века в Костроме ставят Гоголя, Грибоедова, Тургенева, Островского, Сухова-Кобылина. Чехов пришел в костромской театр в восьмидесятые-девяностые годы. К концу века в Костроме показывают «Власть тьмы» Толстого.

Для меня одно из самых таинственных и удивительных событий костромской театральной жизни - постановка драмы Александра Блока «Роза и крест». Я слышал рассказ об этом спектакле от известного пушкиниста С.М.Бонди, брат которого - Ю.М.Бонди был художником-режиссером. Но Блок уже умирал, когда его заветное драматическое сочинение обрело короткую театральную жизнь... И так далеко от берегов Невы... «Радость, о Радость-Страданье, боль неизведанных ран», (Кстати, интересно, что юный Александр Блок играл Мизгирия в любительской постановке «Снегурочки». И хотел умереть на сцене от разрыва сердца...)

Театр, носящий великое имя А.Н.Островского, пережил в послереволюционные годы столько эпох и перестроек. Как и все мы... Во время фестиваля «Вехи», смотря в Костроме столичный спектакль, я поймал себя на мысли, что вот мы и дожили до дней, когда «красных» играют примерно так же, как еще недавно играли «белых». Но хорошо ли это?

Обретенную свободу предстоит наполнить глубоким театральным осмыслением и переживанием происшедшего с нами исторического «возврата». К нам возвращается память - нравственная, духовная, национальная. Бьется сердце Снегурочки. Многие поколения зрителей благодарны Костромскому драматическому театру имени А.Н.Островского за высокие мгновения правды и красоты.





## Время Общество Знаки



ВИКТОР РОЗОВ

# БЛАГОСЛОВЕННА ЭТА КОСТРОМА, В КОТОРОЙ БЫЛО ВСЕ...

21 августа исполнилось 80 лет Виктору Сергеевичу Розову. О том, что значила в жизни известного драматурга Кострома, беседа с В.С.Розовым журналиста Владимира Сморчкова.

*-Виктор Сергеевич, в своей книге воспоминаний «Путешествие в разные стороны» вы вспоминаете, как в 41-м на фронте вы читали своему взводу лермонтовское «Бородино» и почувствовали, что строки поэта вдруг сделались вашим собственным текстом. Размышляя над тем, почему вот этот мимолетный факт вашей биографии так глубоко и во всех подробностях врезался в память, вы написали: «Прожитая жизнь имеет свою первую систему, свои первые узлы». И в этой книге вы действительно свободно путешествуете в разные стороны - и в пространстве и во времени, - но очень часто возвращаетесь в Кострому. Видимо, здесь много таких вот «первых узлов»?*

- Еще бы! Вообще я считаю, что формирование личности всерьез происходит где-то с восьми лет и к 18-19 годам человек формируется. А я родился и прожил первые пять лет в

Ярославле, и здесь я ничего не запомнил, кроме стрельбы в дни мятежа. Следующие пять лет я прожил на Ветлуге - здесь я уже помню почти все. И когда мы с братом спустя более чем полвека предприняли поездку в эти места, здесь почти все было для меня узнаваемым. А уж в Кострому мы перебрались в конце 23-го года - мне уже десять лет было, а учиться в Москву отсюда я уехал в 1934 году, в 21 год. Но и после этого здесь оставались родители, родственники, друзья, а потом родные могилы на костромском кладбище, так что приезжаю сюда практически каждый год. А уж в воспоминаниях возвращаюсь сюда, наверно, каждый день.

Одну из глав своей книги я назвал «Я счастливый человек». А почему счастливый? Счастливым меня сделала Кострома. Прежде всего потому, что здесь я рос среди природы. От нашего дома на улице Кооперации до Волги по улице Чайковского один квартал. И по-

тому все детство на природе. Волга, купание, ныряние, рыбалка, пески на той стороне. А Волга была настолько чиста, что когда мы часто уезжали в Васильевское или на Козловы горы, где песочек, купание отличное, - можно было лечь животом на берег и губами пить воду из Волги. И никакая холера не брала. Сейчас, к сожалению, это нелепо.

В детстве я постоянно видел небо, бегущие облака, видел солнце и видел Волгу гладкую и лазурную, и видел ее бурную, с белыми барашками наверху. И вечно эта лодка, этот бредень, удочка, рыбалка, ночные походы... Ай-я-яй! Оттого, вероятно, я всегда был счастлив, что чувствовал свое слияние с природой, что я тоже ее частица. Ах, как мы сейчас, особенно горожане, оторвались от этих животворящих сосков природы и не получаем этого целебного молока, а где-то все варимся в своих заботах, в каких-то, вроде бы кажется тебе, благородных стремлениях. А в основном это суэта, суэта. Нет, я счастливый, потому что во мне с детства жило это

чувство жизни, без которого просто невозможно достойно существовать. А ведь посмотрите, какие мы стали сегодня в большинстве своем! Ворчим, если дождик идет: «Ой, какая гадость, опять дождик!» Солнце сильно светит - «Ой, какая жара!»

Жили мы бедно. Сколькoя себя помню в Костроме, дома на столе одна клeсeнка, которая по углам протерлась, стулья колeсногис. Всегда: «Мама, дай что-нибудь поесть, хоть кусочек хлеба». - «Подождь до ужина, а то что вечером будешь...» Вроде бы очень сурово жили. Но опять было какое счастье - я рос среди порядочных людей!

Папа и мама не были людьми образованными, они скорее были малообразованы в смысле школьном, но образованы духовно. Я не помню, чтобы дома были скандалы. Не помню, чтобы меня поминутно одергивали: что ты ноги не вытер? Где ты был? Куда пошел?.. Помню, на Костромке катался на лыжах. Уже подтаял снег - я провалился по пояс в воду. Пришел домой. Уж и не знаю, как бы современная мама отчитывала своего ребенка, а моя тогда сказала: «Высуши валенки, пересоднись». И больше ничего.

В семье я получил и первое воспитание такого рода. Раньше по Костроме ходили мороженщицы с тележками и кричали: «Мороженое! Мороженое!». Мама совала пятак или десять копеек, и я бежал опрoметью. Один раз дала пятиалтынный. Я побежал, купил мороженое, принес в кулачке сдачу и даю маме. Она посмотрела и говорит: «Витька, она тебе лишние три копейки сдала - бeги, догони, отдай!» И я мчусь по Кооперации, кричу: «Тетенька, тетенька, вы мне лишнюю денeжку сдали!» Понимаете, это запомнилось тоже на всю жизнь, это служит ориентиром поведения твоего в жизни.

А вот пример другого рода. Это уже позже, лет семнадцать или восемнадцать мне было. Первая любовь. Пошел на свидание на Мясницкую улицу. Не помню, было это ранне лето или поздняя весна, но птицы пели здорово, - и я простоял у заветной калитки до утра. Вернулся домой. А у нас одна комната - тихонько иду к своей кровати. Мать, конечно, не спала. И единственная её фраза: «Витька, котлеты в печке, наверное, еще теплые, - поешь».

И все. Нынeшняя мама как бы сказала: «Паразит! Я тут волнуeсь, не сплю из-за тебя...» И так далeе. А моя не спугнула первого моего чувства, несслыханно светлого счастья, которое мне было подарено в этот вечер вот этим стоянием у калитки. И я всегда, встречаясь с молодежью, говорю: не давайте топтать свои чувства - отгоняйте резко, сурово. А ведь затоптать их могут не только родители, но и сверстники, и учителя...

Мои родители не были педагогами, а вот отец Кирилла Воскресенского был педагогом, а его мать, Анна Купрeяновна, была, по моему нынeшнему разумению, просто святая женщина. Воскресенские жили в собственном доме как раз напротив дома, в котором поселились мы. И вот во дворе - то их небольшого дома мы вечно и паслись компанией человек в десять-двенадцать, до пятнадцати. И ни разу от Анны Купрeяновны мы окрика не слышали. Дескать, что вы тут целой оравой делаете. Сейчас это трудно даже представить. Тeперь ведь и в дом-то не пускают своих собственных детей, потому что - ну, как же - ковер или натертый пол... «Идите, идите-ка отсюда!». Так и идет. А потом родители спрашивают: откуда, мол, они такие? Впрочем, об этом я уже не раз писал.

*- Фотографию этой дворовой компании вашего детства я видел на стене у вас в Москве. Кем стали эти люди? Какие-то отношения сохранились между вами?*

- Кстати, кто-то из моих гостей сказал недавно, рассматривая эту фотографию: «Знаете, Виктор Сергеевич, у людей, которые родились на такой широкой великой реке, и склад души особый». Наверное, так и есть. Мы все учились в 4-й девятилетке имени Энгельса (сейчас это главный корпус технологического института). Школу мы любили. Но не за уроки. По-моему, учиться никто из школьников не любит. «Надо» - это слово очень важное, я его уважаю, но это совсем другое дело. А вот дружба - это же не «надо», это просто то, что никогда, ни за деньги, ни за что не купишь. Но это самое счастье и есть. И мы упивались этим общением, нашей дружбой. И спустя многие годы не только воспоминания друг о друге сохранили, но и встретились и в

Москве, и здесь, в Костроме, хотя с годами это становилось все труднее, а сейчас многих уже и нет в живых.

Одно могу сказать, все остались порядочными людьми, да и работники вышли хорошие, хотя при встречах карьерой друг друга не очень-то и интересовались. Про Игоря Волнухина, например, только на похоронах, которые были с большими воинскими почестями, и узнали, что был наш Игорь очень крупным военным инженером, специалистом по каким-то важным приборам, которые были на кораблях всего Военного Флота. А для нас он ведь был по-прежнему хорошим контактным парнем и веселым: поплясать уж очень любил. И так до самого последнего момента. Мальчишки есть мальчишки...

Кирилл Воскресенский закончил Артиллерийскую Академию и преподавал в Высшем артиллерийском училище в Ленинграде. Федя Никитин стал главным металлургом одного из заводов, делал, как я теперь понимаю, металл для спутников. Похоронили мы Федю нынче. И вот, кстати, о том, что для нас родина значила. Дочь Феде рассказала, что перед смертью он потерял рассудок, перестал узнавать родных. А незадолго до кончины было некоторое просветление, и Федя все повторял два слова: «Волга, Кострома... Кострома, Волга...»

На этом снимке три девушки. Наталья Воскресенская закончила в Костроме текстильный институт, руководила в Смоленске большим комбинатом, потом ее перевели в Министерство легкой промышленности завeдoвать главком льняной промышленности. А Катя Шелина и Вероника Беляева кончили пищевой институт. Вроде бы пищевой - подумаешь! А Катя завeдoвала в Кремле питанием высокопоставленных гостей - королей и премьер-министров, а Вероника кормила высших военных дипломатов. Вот так!

К сожалению, многих из нашего поколения унесла война. Об одном своем друге Кирилле Пржевужском я написал в своей книге. Он был расстрелян под Элистой в воздухе, неудачно был заброшен десант. А из Кирилла вполне мог бы получиться интересный поэт и драматург.

*- Виктор Сергеевич, в своей книге, описывая Нью-Йорк, вы*





Труппа Костромского Тюза, 1933 г. Виктор Розов - в верхнем ряду третий слева.  
 Фото из семейного архива Милицы Васильевны Вороновой-Сотсковой.

*восклицаете, что Кострома - это лучший город мира. Не преувеличиваете?*

- По крайней мере, ничуть не лукавлю. Потому что та духовность, которой было сильно наше поколенье, здесь не только возможна, она просто сама просится в человека. И дай Бог, чтобы и вас сегодня это питало. Но как это сегодня донести до людей, что ничто тебя не украсит снаружи, если внутри сам себя не украсишь. Я люблю повторять старинное изречение: «Царствие Божие внутри нас». А в Костроме не только русское раздолье, Волга, природа, не только порядочные люди, среди которых я жил... Недаром же в мемуарах моих звучит мысль: «Благословенна эта Кострома, в которой было все!..»

Ведь здесь был и сам облик старинного города: мы можем не замечать его, но он воздействует на нас. Знаете, какой я запомнил самую первую встречу с Костромой? Когда мы семьей: мать, старший брат и я (отец уже

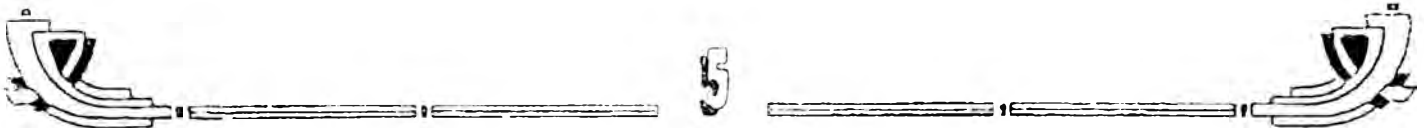
был в Костроме) увидели панораму с того берега Волги, где находился тогда железнодорожный вокзал, мы с Борисом принялись считать, сколько же в Костроме церквей. И просто сбились со счета. А ведь раньше величина города в какой-то степени определялась количеством в нем церквей. Ой, какой огромной показалась нам Кострома после Ветлуги! Это потом уже ураганом конца 20-х-30-х годов многие из этих прекрасных храмов были сметены. И уже напоследок, когда я уже учился в Москве, но был в это время в Костроме, очевидно, на каникулах, взорвали кафедральный собор с его прекрасной колокольней - и Кострома стала плоской...

*- Кстати, как раз об этом я хотел вас спросить: неужели одни только светлые воспоминания остались от Костромы? Ведь время было трагическое?..*

- Было все. Было немало бессмысленного, жестокого и трагического, но не стану кривить

душой, чтобы задним числом показаться умнее, чем мы были тогда. Мы, молодые, сносилась тогда довольно спокойно и к разрушению храмов - видно, были уже во власти идеи о том, что «мы наш, мы новый мир построим...». Хотя, конечно же, помню и голод, начавшийся вслед за массовой коллективизацией, и то, как стали пустеть многие деревни под Костромой: одних крестьян выслали насильно, другие бежали сами, кто от преследований, кто от голода.

Помню, как в центре города, в здании суда проходил процесс над крестьянином одной из пригородных деревень. Коллективизацию здесь проводили с таким напором, что этому крестьянину отрубили пальцы обеих рук. Каким-то чудом ему удалось скрыться, он прятался в окрестных полях. А потом, доведенный до отчаяния, в порыве мести поджег - неведомо как и умудрился-то, с такими вот обрубками рук, - деревню с двух



концов. Приговор ему был - расстрел. Так вот через репродуктор, установленный на здании суда еще раньше (отсюда многие костромичи впервые услышали голос Москвы) - этот процесс транслировался. На площади стояла толпа народа, и реакция большей части людей, как я помню, выказывала их симпатию и сочувствие этому несчастному крестьянину.

В общем, было все. Но молодость, молодость... И мы верили, надеялись, вселелись, играли...

- *Интересно, как же на смену детским играм пришла игра на сцене? Театр ведь тоже вошел в вашу жизнь в Костроме?*

- Я люблю повторять такое выражение: кто один раз хотя бы одной ногой ступил на театральные подмостки, с них не уйдет никогда. А дело было, когда я учился в школе, кажется, еще в седьмом классе. Однажды Александр Михайлович, наш учитель физкультуры и руководитель кружка, в котором мы после уроков всякие там пирамиды делали, занимались на кольцах, на брусьях, пришел в зал с каким-то небольшим ростом человеком, щеголеватым, нарядным по тем бедным временам. Нас выстроили в шеренгу, и тот щеголеватый подошел и пальчиком показывал: «Этого... Этого... Этого...» И под конец показал и на меня, щупленького и невзрачного: «И вот этого». Оказалось, в театре шла советская пьеса и по ходу спектакля на сцене должны были маршировать физкультурники. И вот мы в майках, в трусиках, в тапочках из одной кулисы по сцене проходили в другую. Так я попался на театральный крючок.

А потом был ТРАМ - театр рабочей молодежи. Им руководил прекрасный режиссер Владимир Платонович Кожич, который впоследствии был главным режиссером театра имени Пушкина в Ленинграде. В ТРАМе я играл еще школьником. Откровенно говоря, там началась и моя литературная, если так можно выразиться, деятельность. Для ТРАМа, для агитбригад при нем я писал массу всевозможных сценков на злобу дня, в основном по темам, которые подсказывало чтение газет. Играли эти сценки не только в Костроме - летом выезжали на гастроли по близлежащим домам отдыха. Были нехитрые декорации, сделанные из

фанеры, которые мог один человек нести на плечах. Играли преимущественно за сду: иногда давали нам на всех и двести рублей, но что можно было на них купить, а вот досыта насестся - это да! Населись - и поехали в следующий дом отдыха, добираясь на барже или на лодке. Столько было приключений! Но молодость, знаете, сил много, радости внутри тебя много.

Тем временем школа была позади. А время было такое, что мне, сыну служащего, хотя и маленького, надо было, как тогда говорились, вывариться в рабочем котле, чтобы поступить учиться дальше. И я год работал на фабрике «Искра Октября» чернорабочим. Лишь тогда смог поступить в индустриальный техникум (бывшее Чижовское училище). В техникуме я проучился недолго: не люблю я науки точные.

Тем временем ТРАМ каким-то очередным постановлением был закрыт. И вот мы, костромские ребята и девушки с фабрик, из техникума под руководством Николая Александровича Овсяникова создаем в Костроме новый театр - ТЮЗ. Это было в том здании, где сейчас театр кукол. А построено оно как дом-читальня имени А.И.Островского на благотворительные средства, которые собирались по всей России. В первые годы после революции здесь работал театр студийных постановок А.Д.Попова, впоследствии знаменитого нашего режиссера, затем здесь был театр-передвижка, которым руководил Борис Седой (такой псевдоним выбрал себе врач по образованию Б.М.Славочинский, ставший впоследствии прекрасным режиссером и театральным педагогом). Вот сколько талантливых, даже блистательных имен было в тогдашней театральной жизни Костромы!

Так вот к нашему времени здание это уже больше напоминало каменный сарай: там гнилая картошка, тут какие-то ящики. Мы приводили в порядок, очищали и сцену, и маленькое закулисное помещенье, и зал. И потом был первый наш большой спектакль - «Недоросль». И.А.Овсяников очень интересно поставил Фонвизина - так лихо, новомодно, с введением музыки, пения. Вообще наш коллектив отличало, что ряд актеров обладали

хорошими музыкальными голосами, и это было использовано режиссурой. «Недоросль» мы играли бесчисленное количество раз, играли и на сцене драмтеатра и даже на арене цирка. Ездили и по домам отдыха. Как какое-то театральное чудо, которого больше в жизни не встречал, вспоминаю наш спектакль на веранде бывшей шляпинской дачи в Порошино. Приехав сюда, мы попали вдруг в ту эпоху - Простаковых, Скотинина, Стародума. Этот скатертининского времени дом с колоннами, с широкой верандой, с большой поляной перед ней, где сидели наши зрители.

Мы обыгрывали и верхний балкон, выходили из дома, приходили с дорожек от подсобных службных помещений. Под гору там спускается дорога. Когда по ней приезжал Стародум-Пржевужский, Софья по аллеям мчалась к нему в широком платье. Стародум прыгнул с телеги, побежал ей навстречу, и они обнялись. Я играл Скотинина и наблюдал эту сцену из-за кустов сирени - меня чуть слеза не прошибла. Я выключился как актер и был уже всецело зрителем этой сцены.

Не забуду, как закончился спектакль и зрители сидели долго молча на этой поляне, ждали, когда мы, разгримировавшись, придем к ним. Как они благодарили нас! А один интеллигентного вида москвич сказал буквально такое: «Я знаю хорошо и МХАТ, и Малый, и другие театры, но такого спектакля, как этот, никогда не видел». Это такая была для нас высокая похвала. И когда я вспоминаю спектакль в Порошино, думаю всегда о том, какое это высокое искусство - донести до зрителя сам аромат эпохи. А, к сожалению, с современной сцены оно уходит, и даже когда играют классические пьесы, играют на современном манер, совершенно не заботясь, как перенести меня, зрителя, в иное время.

Вначале наш ТЮЗ был любительским, о его существовании мало кто знал, и мы сами ходили по учреждениям, фабрикам и заводам: «Дяденьки, тетеньки, купите билетик». Но уже скоро театр в городе полюбили, он порой конкурировал с театром взрослым. И мы, актеры, стали получать зарплату, хотя и небольшую.





В Костромском ТЮЗе я играл роли, вроде бы важные, играл, наверное, очень плохо, но с большой любовью. Очень любил Скапена в «Проделках Скапена», потому что бегал, прыгал, скакал, кричал, и это очень мне тогда нравилось. А вот роль Фигаро в «Женитьбе Фигаро» не любил. Вероятно, в этом возрасте монолог «О женщины, женщины, лживые, коварные создания...» еще не воспринимается. Ужасно длинный этот монолог я произносил так, чтобы только скорее отбарабанишь. Играл я и китайца в оперетке «Гейша». Никак не мог овладеть этим жанром, потому что я парень рефлектирующий, а оперетта требует определенного легкомыслия. Но помню, на одной из репетиций я стал вдруг не то, чтобы хулиганить, а шалить - и неожиданно «попал» в жанр. И с таким удовольствием и танцевал, и пел, и реплики все произносил. Очень важно почувствовать жанр, и тогда ты свободен...

Я до сих пор жалею, что в Костроме не стало ТЮЗа. Он перестал существовать, как началась война. Всех ребят взяли на фронт. И многих там убили. Но меня к тому времени в Костроме уже не было. Я, парень в общем-то сообразительный, поняв, что актер - профессия серьезная и этому надо учиться, в 1934 году уехал в столицу. Но Кострома уже крепко сформировала мои устои, здесь я получил и первое актерское крещение - и в столице все это здорово помогло.

*- Но ведь был в вашей жизни и еще один костромской период, правда, менее продолжительный, и именно здесь была написана пьеса «Вечно живые», которая сделала впоследствии вас знаменитым?*

- Да, в 42-м году я, выписавшись из госпиталя, прискал к отцу и, сидя на костылях, решал нелегкий вопрос: как жить дальше? Ведь актерскую профессию я, конечно же, потерял...

Опять же пробовал писать сценки и скетчи на находившихся здесь агитбригад. А потом днем, когда отец и жена брата были на работе, я сделаю кое-какие домашние дела, постряпаю - и сажусь за свою первую крупную вещь. В 43-м году в темной, голодной, холодной Костроме мне захотелось рассказать о том, что я сам пережил на войне. Война еще не кончилась, я прискал в столи-

цу, один театр прочитал пьесу: «Виктор Сергеевич, отнесите в Главлит». Отнес. Потом старичок цензор сказал: «Я прочел вашу пьесу - и плакал, плакал. Но разрешить не можем». И я ушел счастливым, оттого что хотя бы один человек плакал над тем, что я написал.

А увидела сцену эта пьеса лишь через тринадцать лет. Ею открылся в Москве новый театр - «Современник». В том же году режиссер Калатозов попросил меня написать сценарий - и фильм «Летят журавли» получил Большую пальмовую ветвь на фестивале в Каннах. Кстати, это единственный советский фильм, удостоенный такой награды...

*- А реальная основа фильма - ваш личный опыт? Есть ли какие-то прототипы у героев этой пьесы и этого фильма?*

- Доктор Бородин сложился из моего отца и моего дядюшки Александра Федоровича, с которым мы жили в одной квартире. Отец был человеком строгим, даже суровым. На него наложило отпечаток пребывание в плену еще в первую мировую войну. Он был служащим, сначала очень мелким, потом дослужился до бухгалтера. А вот дядя был знаменитым в те годы в Костроме врачом. От него даже некоторые фразы я взял. Вот Бородин говорит, предлагая выпить на дороге: «Там на заветной полочке». Была такая у дяди Шуры в его кабинете, где непременно стоял спирт в маленькой бутылочке. И хотя сам он был непьющим, гостю говорил: «Там на заветной полоч-

ке возьми»... А вот Ирина - во многом с моей двоюродной сестры Татьяны. У нее характер был довольно резкий, хотя она была добрейшей души человеком. Ее так и дразнили: «Солдат в юбке». В Борисе какие-то черты и слова мои. Я ведь, как и он, добровольцем ушел на фронт. Но конечно, все это не является ни копией ни слепком - в писании пьес я многое отдаю воображению.

Кстати, Костроме я обязан рождением и еще одной пьесы - «Брат Алешка». У Воскресенских в их небольшой, но очень хорошей библиотеке было прекрасное издание Достоевского, в то время запрещенного автора. Я взял у них и читал. И, братья мои, что такое порой творится в душе человека? Время от времени я перерывчивал «Братьев Карамазовых», чтобы не перелистнулась страница, на которой я остановился, - и скакал по комнате. Вроде убийства, кровь и т.д. А я скакал от радости! Потом я понял, почему. Потому что я соприкасался с гением. И вот эта встреча с Достоевским в юности в Костроме помогла мне через много лет написать пьесу, которую взял блестящий режиссер Эфрос и замечательно поставил.

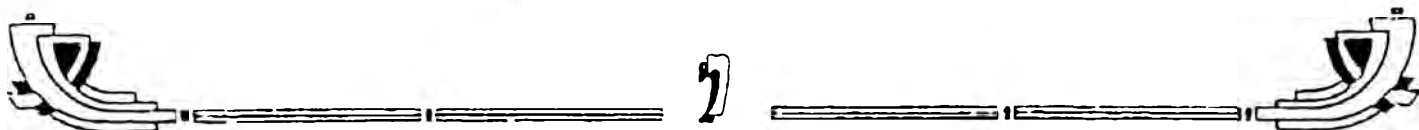
Так что открывать для себя гениев желательно тоже в молодости, когда так полны все впечатления бытия, как сказано у поэта. И еще раз спасибо за это Костроме, духовный мир которой, как мне кажется, был в те годы высок и чист.

## ИМЕМ СОБЪЮЖИТЬ



Сотрудничество Костромского драматического театра и Виктора Сергеевича Розова началось во время войны, когда в 1943 году наша театральная бригада выехала на Калининский фронт со спектаклями «Русские люди» Симонова и «Правда - хорошо, а счастье лучше» Островского. Розов в это время вышел из госпиталя и принял горячее участие в создании концертной программы для бойцов, которая пользовалась в частях огромным успехом. Приказом по фронту костромским артистам была объявлена благодарность.

С тех трудных и незабываемых лет дружба Розова с Костромским драматическим театром не прекращалась. Здесь были поставлены семь лучших его пьес - «Ее друзья», «В добрый час», «Вечно живые», «В поисках радости», «Неравный бой» и другие, связанные с впечатлениями и переживаниями костромской юности.



## ОТ ЩЕПКИНА ДО СОЛОМИНА

Знаменитости в Костроме

Говорят, провинция восторженна. С воодушевлением принимает каждую знаменитость, как бы отдавая ей дань благодарности за снисхождение к провинциалам. Не знаю, не знаю... Может и так. А может - иначе. Во всяком случае, костромскую театральную публику во все времена удивить было делом безнадежным, ибо городской театр изначально славился артистами, одаренными, что называется, милостью Божьей. По свидетельству историка А.Семигорского, уже в 1810 году «явились на сцене костромской таланты, какие были бы не последними и на столичных театрах». А какие корифеи русской сцены навещали Кострому!..

Так, осенью 1852 года в городе появились афиши, приглашавшие зрителей в театр на открытие нового сезона. Начинаясь он трагедией В.Шекспира «Гамлет». В роли принца датского на костромской сцене впервые выступал известнейший провинциальный актер Николай Хрисанфович Рыбаков, тот самый трагик Рыбаков, который явился прототипом Несчастливцева в «Лесе» А.Н.Островского.

Костромичи, наслышанные о самобытном таланте Н.Х.Рыбакова, ждали этой встречи с нетерпением. И надо заметить, в своих ожиданиях не обманулись. Правда, поначалу явившийся публике Гамлет, статью похожий скорее на русского богатыря, нежели на утонченного аристократа, вел себя как-то натянуто, неестественно, о чем рецензент не преминул отметить в журнале «Пантсон» (1853 г., т.VII, кн.1). По его разумению, сцена с тенью не произвела должного эффекта, поскольку Гамлет перед нею равнодушно декламировал, а сама тень была чрезвычайно смешна и походила «на святочных наряженцев». Зато в следующих сценах игра Рыбакова была одушевлена, его Гамлет будто переродился. Особенно впечатляющей стала сцена встречи с

матерью в четвертом действии. «Оглушительные рукоплескания» были наградою Рыбакову. Его несколько раз зывали после каждого действия, исключая первое.

Памятью первый успех Николая Хрисанфовича на костромской сцене, известный антрепренер того времени, начавший свой творческий путь в Костроме, Николай Иванович Иванов, театральный сезон 1854-1855 годов также открыл «Гамлетом» с участием Н.Х.Рыбакова. Костромичи приняли «первого трагика провинции» с еще большей теплотой и сердечностью, о чем свидетельствуют «Костромские губернские ведомости» тех лет. Гамлет в исполнении Н.Х.Рыбакова не был слабым, безвольным и большим человеком, неспособным на героические деяния. Он был жертвой безвременья, «мучником разительных человеческих слабостей». Несправедливость и неправда существующего порядка - вот причина душевного недуга Гамлета, раскрывавшаяся Рыбаковым, как прежде Мочаловым.

В 1863 году костромичи видели Гамлета в исполнении

негритянского актера Айра Олдриджа. Играл он на английском языке, зрителям раздавался перевод. Все спектакли с участием американского гастролера прошли с невероятным успехом, о чем писали «Костромские губернские ведомости» от 21 января 1863 года.

Весной 1858 года на костромской сцене играл Михаил Семенович Щепкин, «гордость русского национального театра». Главной целью его поездки был Ярославль, куда Михаил Семенович присажал, чтобы отдать поклон от актеров основателю театра Федору Волкову. «Волковы мы всем обязаны, - говорил М.С.Щепкин. - Кто, где, когда привил к нашей жизни новое искусство? Он, незабвенный наш Федор Григорьевич Волков... Мы, артисты, русские люди, должны воздвигнуть ему памятник, это наша прямая обязанность».

Естественно, Михаил Семенович не мог обойти стороной и Кострому, «отчину основателя русского театра», сыграв здесь три своих коронных роли: матроса Симона в драматическом водевиле французских авторов Ф.Соважа и Б.-К.Делурье «Матрос», Гарпагона в комедии Ж.-Б.Мольера «Скупой», Любима Торцова в пьесе А.Н.Островского «Бедность не порок».

По свидетельству очевидцев («Костромские губернские ведомости» от 3 мая 1858 года) костромской театр давно не жил такой полнокровной жизнью, как в ту неделю, с 14 по 21 апреля. За это время было сыграно пять спектаклей, но на них «побывал почти всякий костромич, имсющий лишнюю копейку в кармане... В каждый из этих спектаклей театр был полон... у подъездного крыльца его не было свободного проезда; только и речей было, что о театре...»

Несмотря на свой 70-летний возраст, Михаил Семенович в глазах костромской публики с честью поддержал славу свою, особенно в спектаклях «Матрос» и «Скупой». Как писал местный



А.Олдридж. Рис. Т.Г.Шевченко

рецензент: «Сила игры его и выразительность физиономии Михаила Семеновича в этих двух пьесах были так велики, что многие из зрителей, смотря на него в »Матросе«, плакали, а в »Скупом« чувствовали достойное отвращение. Такой все это было исполнено глубокой, потрясающей правды! Кроме полного знания сценических эффектов, Михаилу Семеновичу способствовала в этом его удивительная мимика, при помощи которой он так пластично живописует те движения души, в передаче которых бессильно слово человека».

Повезло костромичам и в том отношении, что они увидели ветерана русской из сцены в одной из последних ролей Щепкина - в образе Любима Торцова в комедии А.Н.Островского «Бедность не порок», сыгранного им в свой бенефис 21 апреля.

Позже исследователи театральной жизни Костромы отмечали, что приезд М.С.Щепкина сыграл большую роль в культурной жизни города. Костромская публика получила прекрасную возможность познакомиться с высоким сценическим искусством, а у актеров местного театра после спектаклей с участием именитого гастролера, «естественности, этого первого достоинства сценической игры, было несравненно больше, чем прежде».

Спустя пять лет, в начале мая 1863 года, Кострому посетил «рыцарь слова», «любимый актер Поволжья», организатор «Первого товарищества русских актеров» Василий Николаевич Андреев-Бурлак, сыгравший Счастливец в «Лесе» А.Н.Островского, Иудушку в «Господах Головлевых» М.Е.Салтыкова-Щедрина, одну из своих коронных ролей - Недыхляева в пьесе драматурга-волгара И.Шпагинского «Кручина». Здесь Василию Николаевичу после прощального спектакля преподнесли лавровый венок и вручили приветственный адрес зрителей.

В мае 1888 года гастрольные пути-дороги вновь привели Андреева-Бурлака в Кострому. В этот приезд он сыграл Мармеладова в «Преступлении и наказании» и моноспектакль «Волжские сцены» собственного сочинения. Так случилось, что 5 мая сыгранный им спектакль «Преступление и наказание» стал последним в жизни Василия Николаевича Андреева-Бурлака.



Портрет М.С.Щепкина работы И.Е.Резина. 1888 г.

После закрытия занавеса он почувствовал себя плохо, а 10 мая скончался в Казани от воспаления легких, где и был похоронен.

22 октября 1878 года на костромской сцене была представлена драма А.Н.Островского «Гроза», роль Катерины исполняла Гликерия Николаевна Федотова. Образ этот был совсем не случайным в репертуаре комедиантессы. Он давно жил в ее сердце и мыслях. В разговоре с близкими людьми Гликерия Николаевна о Катерине говорила:

- Играю я эту роль смолоду, и только теперь понимаю, как надо ее играть. И совсем я не понимала раньше того, что Катерина - луч света в темном царстве. А надо, чтобы сквозь каждое ее слово, каждое движение где-то проглядывал этот сияющий луч, который стремится прорвать тьму. И пусть Катерина, не найдя дороги к светлой и радостной жизни, погибает: к этому концу ведет не беспомощность, не грусть и не внутреннее опустошение. Напротив - яркий порыв. И только сейчас ему нет выхода из темного царства, но когда-нибудь будет, скоро будет... Вот так задумал Катерину Островский, так ее и играть надо.

Так Г.Н.Федотова и играла, находя живой отклик и понимание в сердцах благодарной костромской публики.

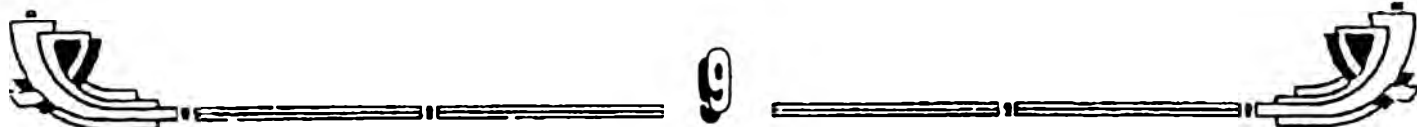
Михаил Провович Садовский являлся представителем блестящей артистической семьи, судьба которой неразрывно связана с Московским Малым театром. Его учителями были отец Пров и близкий друг семьи А.Н.Островский. Свыше 60 ролей сыграл Михаил Провович в пьесах своего учителя.

22, 24 и 25 мая 1898 года в Костромском театре состоялись гастроли товарищества артистов Малого театра во главе с семьей Садовских. Репертуар состоял из пьес А.Н.Островского - «Свои люди - сочтемся», «Лес», «Таланты и поклонники», в которых М.П.Садовский играл Подхалюзина, Счастливец и Мелузова.

Гастроли москвичей имели и благотворительные цели. Десять процентов сбора от каждого спектакля поступало в пользу Костромской народной читальни им. А.Н.Островского (ныне здание театра кукол), чтобы устроить в ней сцену и давать представления по общедоступным ценам.

Самым памятным событием театрального сезона 1900-1901 годов стали гастроли в Костроме «подлинного короля сцены» Павла Орленева. Начались они 17 ноября 1900 года трагедией А.К.Толстого «Царь Федор Иванович», в которой Павел Николаевич играл заглавную роль. В рецензии на спектакль «Костромской листок» писал: «Простота, искренность, оригинальность и смелость толкования этой роли прямо изумительны. Артист дает живой, выдержанный образ царя-инока, поразительный по силе детали, оттеняет тончайшие штрихи душевных движений и на протяжении нескольких актов передает настроения, дающие тон всей роли».

24 ноября здесь состоялась премьера «Братьев Карамазовых», Орленев играл роль Мити. Местный критик игру артиста оценил высоко, признав, «что талантливый артист с блеском доказал свою высокую способность к истолкованию персонажей психически неуравновешенных», а его Дмитрий Карамазов - «живое, близкое и понятное для зрителей лицо».



С потрясающим драматизмом сыграл Орленев и Раскольников в «Преступлении и наказании». По свидетельству очевидцев, с первой же сцены в трактире, когда Раскольников слушал Мармеладова, по лицу первого было видно, как в душе его растет и крепнет мысль убить «беспощадную, ни на что не нужную старушонку», чем захватывал зрителя и «одной несмой мимикой держал его в оцепенении».

Способность «держат зрительный зал в повиновении» П.Н.Орленев показал и в свой следующий приезд в Кострому в начале 1901 года, выступив в трагедии А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович», обеих инсценировках романов Ф.М.Достоевского, в «Гамлете» В.Шекспира.

Премьера «Гамлета» состоялась 10 января, в среду, в бенефис антрепренера Д.А.Бельского. «Костромской театр ломился от наполнившей его публики, т.к. гастрوليрующий в Костроме г.Орленев в первый раз должен был выступить в роли Гамлета», - отмечал местный критик, так

описывая исполнение Гамлета Орленевым: «Без сомнения, г.Орленев много и долго поработал над ролью принца датского. Игра его, за немногими исключениями, была равна. красива и в некоторых отдельных сценах оригинальна: таково исполнение знаменитого монолога «Быть или не быть». Монолог этот артист начал в глубокой задумчивости с книжкой в руке, как будто бы он высказывался по поводу записанных в ней мыслей, затем тон его окреп, и он, кажется, вопреки характеру всего монолога, вложил в дальнейшие слова много жару и решимости...»

Немаловажную роль сыграла Кострома и в личной жизни Павла Николаевича. Еще в первый приезд в отзыве на спектакль «Братья Карамазовы» рядом с именем Орленева впервые упоминалось имя Аллы Назимовой, про которую говорилось, что она хоть и молода годами для роли Грушеньки, но «каждое ее появление вызывало живейший интерес в публике». И мало кто знал, сколько усилий приложил Павел



Г.Н.Федотова

Николаевич к тому, чтобы имя юной дебютантки (она была на десять лет моложе Орленева) появилось в программе.

Когда Павел Николаевич в первый раз увидел из зрительного зала Назимову в небольшой роли в инсценировке популярного романа Г.Сенкевича «Камо грядеши», он испытал настоящее потрясение и потребовал, чтобы ей поручили роль Грушеньки. «Труппа протестовала против этого, но я уже чувствовал, что слово гастролера - закон, и настоял на своем», - вспоминал Павел Николаевич на склоне лет.

По словам людей, близко знавших Аллу Александровну Назимову, она была единственной женщиной в жизни Орленева, которую он действительно глубоко любил. Из нее он сделал актрису, ставшую знаменитой в Америке. Их неожиданное и трагическое расставание в Соединенных Штатах в 1906 году оставило незаживающий след в его памяти.

В 1874 году в Костромской театр судьба привела известных провинциальных актеров Павла Александровича Корчагина, игравшего под псевдонимом Ольгин, и его жену Анну Ивановну, также носившую по сцене фамилию Ольгиной. Здесь, в Костроме, в декабре 1874 года в семье Корчагиных-Ольгиных родилась



В.Н.Андреев-Бурлак и М.Н.Писарев



дочь Екатерина, впоследствии народная артистка СССР Екатерина Павловна Корчагина-Александровская, любовно называемая в царском мире «тетей Катей».

Более 17 лет отдала Екатерина Павловна провинциальным театрам, работая в Архангельске, Уфе, Костроме, Нижнем Новгороде, многих других, сыграв свыше 400 ролей.

В 1903 году на гастролях в Вологде она встретила П.Н.Орленева, который сразу увидел в Корчагиной-Александровской большой талант. Павел Николаевич не только настоял на ее переезде в Петербург, но дал рекомендательное письмо во вновь открывающийся в столице в помещении «Пассажа» театр В.Ф.Комиссаржевской, откуда с 1904 года и началось триумфальное шествие Екатерины Павловны по столичным театрам.

В июне 1918 года на Костромской сцене впервые состоялись гастроли Московского художественного театра, показавшего спектакль «На дне» М.Горького. В роли Насти выступала О.Л.Книппер-Чехова, в роли Барона - В.И.Качалов, Луку играл Н.М.Москвин, Медведва - В.Ф.Грибунин.

В декабре 1919 года удивленные костромичи наблюдали, как через Волгу, покрытую белоснежным ковром, медленно тянулся обоз из пятидесяти семи розвальней, на которых перевозился театральный багаж и сходили актеры Петроградского Малого Государственного драматического театра, возглавляемого главным режиссером Н.В.Петровым, которые были приглашены местной властью на зимний сезон. «Мы привезли с собой полностью готовые четыре постановки, - писал Николай Васильевич Петров в книге воспоминаний «50 и 500». - Костромичи же привыкли, что спектакли зимнего сезона проходят в стандартных, существующих в театре декорациях, и им было внове, что театральная труппа привозит с собой свои декорации, костюмы и мебель».

Четыре готовых спектакля, - а это были «Ревизор» Н.Гоголя в оформлении Б.Кустодиева, «Жизнь человека» Л.Андреева, «Борьба» Д.Голсуорси, «Драма жизни» К.Гамсуна, - давали коллективу возможность без спешки

работать над новыми постановками. Ознакомившись с «драмой для чтения» А.В.Луначарского «Фауст и Город» Н.В.Петров увлекся мыслями, в ней заложенными. «Мне показались, - говорил Николай Васильевич, - что в «Фаусте и Городе» есть много созвучного нашей действительности. Конечно, не сюжет, а масштабы образов и мыслей, философская направленность всего произведения. Так возникло у меня желание поставить эту «драму» в театр».

Режиссер-постановщик сам сделал сценический вариант «Фауста и Города», который, по просьбе Луначарского, редактировал М.Горький. Ознакомившись с вариантом драмы Петрова, Горький на первой странице написал: «Я нахожу, что сокращения сделаны в достаточной степени умело: устранено почти все, что могло затянуть действие. Актуальность выигрывает, логика событий стала более рельефной. Уверен, что в таком виде пьеса будет иметь успех».

Действительно, успех спектакля «Фауст и Город» был по тем временам значительный. Если другие постановки выдерживали не более 4-5 представлений, то «Фауст и Город» прошел 12 раз. Ведущие роли исполняли такие замечательные артисты, как Н.С.Рашевская, К.Н.Вертышев, Ю.М.Бонди, В.И.Викторов, А.П.Смирнов, П.С.Волков.

После года работы в Костроме часть труппы государственного Малого театра во главе с Н.В.Петровым возвратилась в Петроград, часть же, возглавляемая художником и режиссером Ю.М.Бонди, ставшим одновременно и директором театра, осталась еще на сезон в Костроме.

Юрий Михайлович Бонди еще в 1912 году оформлял спектакли В.Э.Мейерхольда, после того три года работал театральным художником у него в режиссерских мастерских. Это был человек высокой культуры, смелый экспериментатор, романтик, счастливо совмещавший талант художника и режиссера. Благодаря его инициативе на костромской сцене впервые увидела свет ранняя драма А.Блока «Роза и Крест», которой театр открыл сезон 1920-1921 годов. Ю.М.Бонди являлся режиссером-постановщиком и художником спектакля...

Откровенно разочаровали костромскую публику гастроли Московского Малого театра, состоявшиеся в июне 1928 года. Его афишу составили: пьеса Д.Лондона «Волчьей души», мелодрама А.В.Луначарского «Медвежья свадьба», драма В.И.Немировича-Данченко «Цена жизни», комедия Д.Смолина «Иван Козырь и Татьяна Русских», драма О'Нила «Анна Кристи», комедия А.Н.Островского «Без вины виноватысь». «Мы увидели слабую репетируемость и небрежную декоративную постановочность, - отметили зрители в своих отзывах. - Выделить... можно лишь крупных актеров - верхушку ансамбля - М.С.Нарокова, М.Ф.Ленина, справлялась с ролями О.Полякова... В ансамбле нет тех актеров, с которыми должны были бы идти гастрольные спектакли Малого театра, оттого спектакли выглядят не крепко сделанными, а собранными наспех, с провалами, которых никто у нас не ждал...»

Нынешние театралы помнят выступление в Костроме М.И.Царева в роли Арбенина («Маскарад» М.Ю.Лермонтова), Н.О.Гриценко и Л.В.Максаковой (Федор Протасов и Маша в «Живом трупе» Л.Н.Толстого), В.Я.Самойлова (Великотов в «Талантах и поклонниках» А.Н.Островского), В.М.Певинного (Битков в «Последних днях» М.Булгакова), В.А.Андреева (Васильков в «Бесных деньгах» А.Н.Островского), многих других...

Проводимые на нашей земле с 1973 года показы лучших спектаклей театров России по произведениям А.Н.Островского, историко-художественный фестиваль «Вехи»-93 дали возможность костромичам познакомиться со многими ведущими мастерами сцены нашего времени.

Художественный руководитель Малого театра, народный артист России Ю.М.Соломин, сыгравший на фестивале «Вехи» Николая II в спектакле «И аз водам» В.Сергеева, на встрече с творческим коллективом поддержал предложение о дальнейшем сотрудничестве Малого и Костромского театров.

Хочется верить, что эта давняя театральная традиция не прервется и впредь. И не только с коллективом «Дома Островского».



## КОСТРОМСКИЕ УВЕСЕЛЕНИЯ

В настоящую зиму Кострома веселится более, нежели когда-нибудь. Для истинного и общественного веселья нужны не великолепные залы, не пышные и роскошные балы, но радушные хозяева и веселые гости; в тех и других здесь нет недостатка... Бывают премилые честные вечера, где гости, ожидаемые и встречаемые радушными хозяевами, веселятся от души до поздней ночи без натянутости и не привозят домой скуки. Кроме этого четыре раза в неделю дается спектакль в театре, два абонемента и два бенсфиса. Ложи и кресла бывают почти всегда полны, что доказывает в посетителях любовь к искусству и желание поддержать его. К чести же содержателя труппы должно сказать, что он всеми средствами по возможности старается угодить публике. Так он выписал недавно из Москвы двух танцовщиц, которые разнообразят представления своими танцами.

Костромские губернские ведомости, 1853, № 1

## ПАМЯТНИК А.Н.ОСТРОВСКОМУ

Вопрос об увековечении памяти А.Н.Островского возбужден был коллективом общества драматических писателей и оперных композиторов еще в 1886 г. Первое пожертвование в размере 53 рублей получено было в этом году от А.В.Надсона.

Комитет общества, ассигновав на памятник 5000 рублей, исходатайствовал для этой цели Высочайшее соизволение на открытие повсеместной в империи подписки...

Далее комитет получил разрешение для увеличения вышеуказанной суммы устроить в столичных казенных театрах спектакли.

...В настоящее время капитал на памятник Островскому, хранящийся в обществе драматических писателей, достиг 35864 рубля.

«Костромская жизнь», 1913 г., № 49.

## ПРОБУЖДЕНИЕ ДЕРЕВИИ (Народные спектакли)

В марте прошлого г. в с. Бельшево Варнавинского у. открылось сельскохозяйственное общество...

На масленице в зале о-ва было дано целых три спектакля

...17 февраля в игре, декламации и пении принимали участие исключительно местные крестьяне.

21 февраля местная интеллигенция сыграла «На бойком месте» Островского и «Предложение» Чехова... Публика много аплодировала. Зрителями на спектаклях являлись, гл.обр., крестьяне. Хотя время было масленичное, но пьяных в зале не было... Помимо пробуждения мысли, необходимо воспитать в среде крестьян уважение к человеческой личности. Без уважения к себе и другим не может развиваться

кооперация... любовь и уважение к человеку... пробуждаются под влиянием великих писателей: Пушкина, Гоголя, Некрасова и других.

Зритель.

Костромская жизнь 1913, № 56.

## В АНТРАКТЕ — В САД ГОРОДОВОГО

Ну вот и дождалась галичане 15 августа, дня гулянья, устраиваемого человеколюбивым Обществом попечения о бедных детях... Народ в перегонку бросился занимать свои места. Второй, третий звонок и занавес сцены открылся. Глазам любопытной публики представилась драма Ге «Кавказские ночи», в одном действии... После небольшого антракта началось 2 отделение драмой: «Минует буйный Рим...». Публика долго смеялась неподражасмой игре г-на Салькова... так что смех слился в общий гул. В заключение был поставлен дивертисмент. Предполагался полет воздушного шара, который не состоялся. Особенно много в саду оказалось собак, и эти безбилетные посетители поднимали (во время игры на сцене) большой визг... Дети во время антрактов делали вылазку в находящийся рядом огород городского Иванова, который находился на дежурстве у входа в сад. Воспользовавшись отсутствием хозяина, они сняли с яблонь все яблоки, которыми угощали бедную публику. Каково было удивление городского, когда он утром не нашел ни одного яблока.

Случайный.

Поволжский вестник, 1911 год, № 1543.

## ОБЩЕСТВЕННЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ

О состоявшемся 10 февраля 1857 г. спектакле в пользу Мариинского детского приюта

В течение прошедшей зимы супруга начальника нашей губернии В.Ф.Войцех неслыханно дарила нас такими удовольствиями: подобное этому мы видели и 7 января. Но тогда мы упивались гармонией звуков, музыкой..., на этот раз наслаждались удовольствиями драматического искусства...

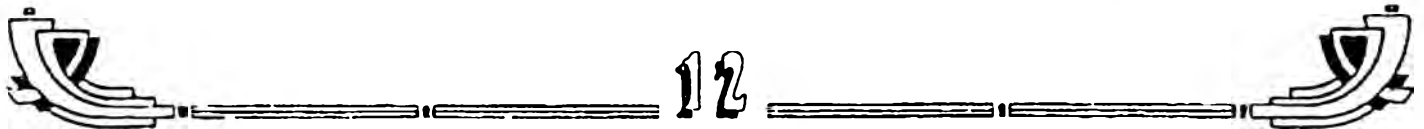
Вполне понимая влияние сцены на большинство публики, попечительница существующего здесь Мариинского детского приюта, В.Ф.Войцех, подарила прекрасную мысль - дать в пользу этого приюта спектакль.

...Театр был полон, несмотря на то, что цены на места против обыкновенного утросны; публика была самая высшая: весь цвет городского народонаселения находился тут в это время.

В состав спектакля вошли три пьесы: сцены из «Маскарада» М.Ю.Лермонтова, «Упрямство и настойчивость» комедия Г.Бенедикта, «Приключения на искусственных водах, или что у кого болит, тот о том и говорит», водевиль, переделанный с французского П.А.Каратыгиным.

П.И.Андроников.

Костромские губернские ведомости, 23 марта, 1857.



# ЗА ПЯТЫМ ВРЕМЕНЕМ ГОДА



В крошечной камерке над театральной лестницей слышно как дышит пылью когда-то книжный шкаф.

- Мария Александровна, ключи - у вас?

- У нас, у нас...

За облупленной дверцей - спит, стиснутая в альбомы и скучные канцелярские папки, другая жизнь. Проснись, мы пришли тебя будить.

Несмотря бумажные сокровища подворачивают свои лохматые бока. И зачем смотреть, как угасают желтеющие лица? Как блеснут чернилами восторженных черновиков, которые трудно теперь разобрать? Другая жизнь...

Это ведь и ваша жизнь, Мария Александровна? Иначе зачем бы

вы все это добро собирали и хранили столько лет.

- Вы спрашивали о главной роли, какую я сыграла в театре? Это и есть та самая роль - хранительницы театрального архива, - грустно говорит пожилая женщина.

Мария Александровна Лысова, удивительный человек. Все освобождаются от старья, от прошлого, а она хлопчет над ним. Сотни театральных программ за полвека, что прошли у нее в театре, собрала. С актерами старыми переписывалась - автобиографии их для истории писала. Снимки берегла. Через сто лет, говорит, придут другие люди. И все им будет интересно о театре. Кинутся

историю его писать, «наших дней» и не хватит. И вот тогда...

Правда ваша, Мария Александровна, все может быть. Может, и кинутся.

- Все в театр теперь перенесла. Уж за семьдесят мне. Помру, а новые жильцы возьмут и на свалку театральный архив кинут...

Живет Мария Александровна давно одна. С тех пор, как мужа-актера похоронила. Был он ее намного старше, ревнивец страшный. И теперь его гипсовая голова (автопортрет) с полки под самым потолком смотрит сурово. Смотри, Мария! А что смотреть-то. Одна как перст, ни деточки в доме, ни голосочка. А от романа с театром осталась лишь кукла в



После премьеры "Гомео и Джульетта". В первом ряду - Мария Лысова рядом с П.И.Слюсаревым.

розовом платье. Подарок родного коллектива к 70-летию.

*- Ничего от театра я за всю свою жизнь не имела: ни квартиры, ни зарплату приличной, ни славы. А как люблю его, как тоскую, что большие не нужна ему, если бы вы знали...*

Розовая кукла в шляпке и с всером вертит пустой юбилейной головкой. Ах как молода, как воздушна! Ей бы в театр, уж она бы выбрала другую роль - поглавней. А то - фи! Домработница, скотница, горничная, шофер без слов - неужели нельзя было сыграть какую-нибудь важную даму, все равно какую. О! Нарядиться в шуршащий шелк, душистый парик, и всером, всером играть и глазки, глазки делать в его сторону. Куда там... Хозяйка была, право, глупа, что не закатывала скандалов, не боролась. Ах, данные видите ли не героини. Ах, мы такие скромные, тихие, гордые. Ах, нам ничего не нужно чужого.

*- Осенью 1944 пришла я в театр, по рекомендации жены режиссера, у которой занималась еще школьницей в драмкружке. Самое смешное впечатление от*

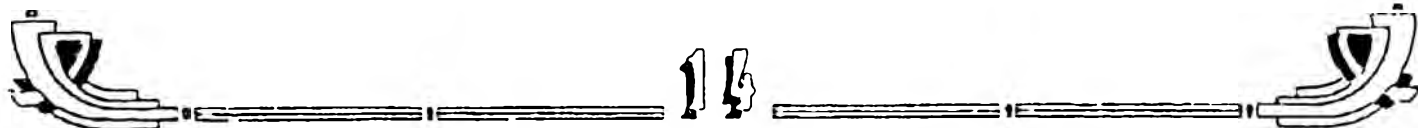
*театра - актер Наумов. Ему очень нравилось любоваться собой в зеркале, раздувать щеки, делать глаза. Девчонке, мне и тогда еще казалось это нелепым - раздувать щеки при плохой игре. Конечно, куда же денешь свою розовую кукольную душу - хотелось сыграть что-нибудь трагическое. Но самое трагическое, что тогда играла массовка, куда меня взяли, это взрывы снарядов, шум поездов к передовой. Боже мой! Но ведь каждый спектакль был праздником, даже если я исполняла роль шумового оформления, просто носила раненых ("Солдаты Сталинграда") или сушила одежду в костюмерной, или только суфлировала.*

*Это правда, я радовалась любой роли, даже мужской. Один раз вышел забавный случай. Я играла черкеса с усами, в папахе. На балу мой черкес танцевал с дамой и был галантным кавалером. И вот спустя немного на проходной мне передают записку для черкеса от... димы. Ему назначают свидание. Вообще в театре много тогда было*

*розыгрышей, радости, мы часто смеялись...*

Ах, какое это было время! В «Пале», будто и не было войны, играл оркестр Дорогова. За столиками, дожидаясь ссанса, под шелковыми абажурными лампами угощались нарядные дамы с кавалерами. Поразительно... самая нарядная чистила ножом... яблоко. Как будто не было голода. Зеленое влажное кружево, выходящее из-под лезвия, испускало аромат, от которого кружилась голова... Именно в этот тяжелый военный год они с девчонками пристрастились курить махру, чтобы хоть как-то заглушить постоянное чувство голода. Самосад продавался стаканами на костромском рынке и стоил не очень дорого...

Порхают над нами безусловные бабочки воспоминаний об яблочном наваждении, музыке, о том дорогом лице в оркестре - первой любви, мерцающих огнях «Пале», обворожительной Орловой на экране и мечте - стать как она актрисой. И все это отнимает нас у четырех времен года: весны, лета, осени и зимы обычной жизни, где может быть одино-





ко и грустно. И даже если мы будем раскладывать каждую человеческую жизнь непременно на эти четыре времени, мы не сможем рассказать главного. Не бывает главного без пятого времени года, где цветут в одном саду и весна, и лето, и осень, и зима.

Пятое время года - память, оглянись! Посади на свои волшебные качели, подари снова встречу с теми, кто жил в нашем театральном доме, сочинял и играл драмы и комедии, страдал и радовался, мучился ревностью к искусству и навсегда принимал его плен как дар Божий или наказание...

- Я благодарна театру за встречу с талантливыми людьми в 50-х, 60-х, 70-х годах. Какие интересные репетиции были у режиссеров Иванова, который работал у нас десять лет, Сапегина, Шиманского, Слюсарева...

Самые яркие впечатления в театре, это когда мы, актеры, вместе с режиссером читаем пьесу, изучаем ее подтексты, обдумываем жизнь, примеряя на себя чужие обстоятельства. Режиссеры по-разному не только «читали», но и репетировали.

Иванов давал актеру свободу - ищи сам мизансцену, он не будет тебе навязывать свое представление. Если актер сделает ошибку, он не будет кричать, он возьмет тихонько за плечи, отведет в сторонку и что-то скажет. Никогда он не объявлял своего отношения к актеру при других.

Дударева была мастером показа. Помню на репетиции «Униженных и оскорбленных» самого Ярчевского, который не любил «показа», она просила повторить за ней мизансцену. И вела ее так великолепно и бесспорно, что грех было не повторить.

Ну, а Слюсарев, это, вообще моя любовь. Он работал в нашем театре с 1968 по 1975 год, и о многих его спектаклях у меня осталось восторженное мнение. Это при нем взошли наши костромские звезды сцены, и с его уходом стали тускнеть. Он умел актера направить в русло интересного творческого решения спектакля. Им были поставлены «Лес», «Без вины виноватые», «Таланты и поклонники» А.Н.Островского. Самое интересное - видеть путь от рождения творческой идеи до ее

воплощения на сцене. Навсегда в моей памяти эти спектакли, где сыграла я совсем маленькие роли: «Не все коту масленица», «Таланты и поклонники», «Дети Ванюшина» и «Солдатская вдова»... В них блистали Ярчевский, Макашев, Ветковская...

- Как вы думаете, Мария Александровна, а в жизни каждый человек сам себе режиссер?

- Долгое время я работала в театре завтруппой и наблюдала часто в отношениях творческих и житейских, как важно не потерять образ себя. «Образ себя» - это те моральные границы, которые определяет себе человек, чтобы не терять себя. Мой образ - не быть подлой, быть мягче, добрее, стараться не думать о других плохо. Даже если человек этого заслуживает.

Вот говорят, что актер - это ребенок. В каком-то смысле действительно так. Добрая и злая воля борются в этом ребенке за его душу. Он молится о высоком, и вдруг рука застывает, это бес его пугает. Сделает что-нибудь некрасивое. Он же знает, что низок был, и начинает мучаться. Так это не тот человек мучается, кто низок был, а другой. Значит их двое, и кто пересилит - такой человек и является. Человек искусства особенно на острие ножа. Двое нас в каждом. Один ищет в жизни подтверждение зла мира, оправдания зла тем, что другие злы. Другой - даже принимая в себя чужое зло, не транслирует его, а переплавляет в своей душе. Театр дает человеку моральные уроки такой переплавки. Может быть, еще и поэтому так важно сохранить память о том светлом, возвышенном, талантливом, что жило в нашем театре. Став завтруппой, сразу решила, что нужно собирать театральные архивы, мне помогли и актеры.

- А вы знаете историю этого зеркала? - спрашивает на прощанье Мария Александровна, показывая на кусок грозового облака в золоченой раме мраморного театрального зала.

- Нет.

- Ну вот. Когда-то работал у нас в театре мебельщик по фамилии Шишкин. Из раскулаченных. Он рассказывал, что в театр служить пришел

след за мебелью из их родового гнезда. Часть конфискованного имущества от них перекочевала в театр, и ему стало жалко, что здесь без присмотра все растащат. Зеркало когда-то возвышалось на мраморном постаменте и было еще одно такое же. Они стояли в проеме между окон. Было много другой роскошной мебели, все застлано коврами, даже нигде пола не видно. Сама обстановка заставляла и публику держать себя на высоте. И в трудные военные годы на дамах были вечерние платья, соответствующая обувь.

Шишкин был прав, постепенно в 50-х эти великолепные вещи из театра стали куда-то исчезать...

Знаете, хотелось бы пожелать городу любить свой театр. Совсем не обязательно так жертвенно как мы. Но все же... Разве не видно, что гибнет в нем красота, что великолепное здание разрушается...

- Вы пришли в театр двочкой и на целые 50 лет в нем задержались? Что с вами сделал театр?

- А что с нами делает театр? С нами всеми? Мы стареем, отдавая ему нашу Молодость. Наше поколение, куда бы ни приходило, приходило надолго, если не навсегда. Поэтому нам так трудно изменять, приспосабливаться.

Разве только я театром жила и живу? В 1949 г. девчонкой пришла в театр Парасковья Сергеевна Третьякова - наш парикмахер; Тамара Ивановна Виноградова всю жизнь обшивала актеров, стала потом заведующей костюмерным цехом, Муза Борисовна Коноплева - наш незаменимый реквизитор, с молодости в театре - Леонид Никифорович Голубев и Николай Никифорович Удовицын. Эти люди полвека одевали и освещали наши постановки. Разве можно их забыть?

Что с нами всеми сделал театр? Он нас развил, дал обзор жизни, который всегда дает искусство, заставил пережить то, что можно пережить только в театре - причастность к творению. Другой, чьей-то будущей жизни.

Татьяна Гончарова.

## ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ

(в истории двух фотоснимков)

Широко раскинуты руки - словно для объятия... Готовность (и - потребность!) обнять человека, протянуть ему руку, передать частицу своего тепла... Как характерен был этот жест для Давида Григорьевича!..

25 сентября 1988 года в деревне Шаблово Кологривского района, на родине Ефима Честнякова, открывали памятный знак в его честь. Местные власти устроили праздник, были приглашены гости, и среди костромичей - Д.Г.Швец. Давиду Григорьевичу шел восьмой десяток, но он по-прежнему был легок на подъем и посылал - с радостью.

Он вышел к людям в полотняной деревенской рубахе, с тоненькой ленточкой на лбу, под белыми кудрями... Народ здоровался, кто-то тихонько ахнул, кто-то перекрестился:

- И впрямь, Ефим!

Зимой 86-го главный режиссер драмтеатра В.Симакин поставил «Чудесное яблоко» - пьесу по мотивам творчества Ефима Честнякова. Решение отдать роль Ефима Д.Г.Швцу было счастливым и абсолютно точным. Режиссер имел дело с опытейшим мастером, но речь не о том: с Давидом Григорьевичем в спектакль вошла мудрость Старейшины, берущего на себя небремя сортировки чистых и нечистых, но - груз ответственности за всех. Такое понимание, такое уважение Жизни не было для актера засным, на потребу одной роли. Чем дальше относил его от нас Время (вот уж и год миновал!), тем это становится все очевидней.

...Он был добросердечен, словоохотлив, всегда первым выступал на собраниях (и сколько иронии случалось в зале по этому

поводу!), первым являлся на репетицию и к спектаклю. Ладил, казалось, со всеми... Он был из тех бесценных людей, рядом с которыми чувствуешь себя защищенным.

Он умел внести равновесие в готовую покачнуться ситуацию... Можно не вспоминать, какое именно слово первым произносил он на внутритеатральных разборках: важно, что оно задавало благодетельный тон всему ходу собрания.

Он был Королем Compliments. Он дарил комплименты направо и налево, сочиняя, рождая их из ничего, из воздуха! Актриса меняла цвет помады - он ее поздравлял, восхищался, расцветал улыбкой: будничная суতোлка обретала праздничное освещение. В его рассказах всегда была масса не лирических, но комплиментарных отступлений. Ну, например: сосед по дому, сапожник, спас его, двухлетнего пацана, в 19-м году во время еврейского погрома, взяв на руки вместе с кем-то из своих многочисленных детей. Тут делалась пауза, чтобы сообщить, какие сказочные туфельки умел шить сапожник из пустякового куска кожи...

Яркий, колоритный, как бы «весь на виду», Давид Григорьевич оставался в чем-то человеком потасненным, и тайн своих до конца не раскрыл... Под конец жизни ему выпала тяжкая, неизлечимая болезнь. Он превозмогал боль, не желая омрачать близких. К нему можно было присхать - и он включался в твои проблемы с участием и живым интересом ничем не удрученного человека.

Всю свою жизнь - и утром последнего своего земного дня - Давид Григорьевич чинил часы. Для коллег, друзей, знакомых, соседей по дому и больничной палате... Находил уставшую пружинку, оживлял замершую шестеренку, менял стершийся винтик...

Стрелки вновь шли по кругу. Порядок восстанавливался.



Этому снимку без малого 9 лет.

Выставочный зал МОСХа. Татьяна Ильинична Сельвинская и Владимир Феликсович Шиманский. Он приехал в Москву на ее выставку, подарил ей ветку орхидей. Стояла зима. Обычно сдержанная, Сельвинская не скрывала радости...

Дочь выдающегося поэта, сама поэт и художник, она оформила три спектакля Шиманского на костромской сцене: «Бесприданницу», «Макбета», «Позднюю любовь». Творческое, человеческое тяготение их друг к другу было несомненным. Весной 87-го они договорились о новой совместной работе, выбрали «Лес» А.Н.Островского. 21-го июля он был убит в Крыму при обстоятельствах, оставшихся неизвестными. 7-го декабря костромская интеллигенция собралась в драмтеатре на Вечер памяти В.Ф.Шиманского. Татьяна Сельвинская прислала стихи, посвященные Другу, и макет «Леса». Макет был выставлен в мраморном зале. Смотреть на него было больно: со смертью творца росток замысла увядаст.

За 15 лет Шиманский поставил в Костроме 36 спектаклей, выступал с лекциями, помогал любительским театрам. Два с половиной года провел в БДТ у Товстоногова, на стажировке, которую - вымечтал, выхлопотал, вымолил.

Он позвал в Кострому двух любимых актеров, с которыми работал в своем первом театре, в Лиспас: Людмилу Свердлову и Эмиля Очагавия; они и сейчас составляют славу нашей труппы. Он много дал молодежи: Татьяна Никитина, Михаил Шелухин, Марина Виноградова не откажут-ся это подтвердить.

В театре, как и в любом деле, бывают люди случайные, легко представимые в другой профессии. Шиманский и театр были созданы друг для друга. Мальчик из белорусской деревни, в голодные военные годы готовый - на утеху взрослым - станцевать за кусок хлеба; юноша, оставивший свое первое надежное ремесло строителя ради хрупких подмостков... Он колдовал над своим Театром, как птица Божья над гнездом, сам на эту птицу неуловимо похожий.

По чуткости его душа сравнима с женской. Может, поз-



тому забывать женские образы в его спектаклях «Птицы нашей молодости», «Вишневы сад», «Мария Стюарт», «Бесприданница», «Филумена Мортурано»... Драма расставания, неизбежность потери, чудо обретения - его влекли эти вечные мотивы, он искал их в пьесах Чехова и Шиллера, Друцэ и Арбузова, Кондратьева и Дударева...

Он был Мастером Контакта. У него был врожденный дар Друга. Он ценил, хранил и без конца одарял своих друзей.

Владимир Феликсович был Близнецом. Девиз Близнецов: «Я соседняя». Ключевое слово: оживление. Стихия - Воздух.

Давида Григорьевича Швеца он ценил очень высоко. Симеонов-Пищик, граф Шрусбери, Лука, Крутицкий, Мультик из дударевского «Вечера»... Они вместе одушевляли их. Они были профессионалами, понимали друг друга, и потому им вместе работалось легко.

Давид Григорьевич годился ему в отцы. Их астрологические символы располагались рядом. Зодиакальным знаком Швеца был Рак. Девиз Рака: «Я чувствую». Ключевое слово: утверждение. Стихия - Вода.

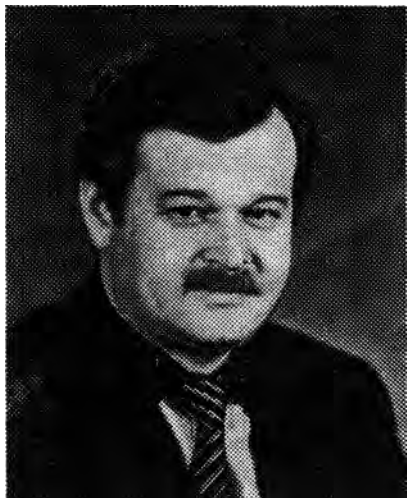
Животворные Вода и Воздух, вас никогда не бывает в избытке, а по нынешним временам - особенно.

Татьяна Сельвинская писала в адрес участников Вечера памяти В.Ф.Шиманского:

«Он был одним из самых верных и надежных. Он был одним из самых нежных, тонких и чутких. Он обладал человеческой и творческой культурой - таким редким теперь сочетанием...»

Далее следовали стихи:

*Скорпион, Козерог, Близнец,  
Водолей -  
Вот созвездие узкого круга  
друзей...*



## ЗАОКЕАНСКИЙ ВОЗДУХ И АРОМАТ СТАРИНЫ

Беседа с директором  
Костромского драматического театра им. А.Н. Островского  
Сергеем Дубовым.

- Сергей Борисович, что значит театр в вашей жизни?

- С театром я связан с детства: любил ходить на спектакли, сам играл в школьной студии, хотя в одной роли крупно провалился. А на работу в театр попал, можно сказать, случайно. Специальность у меня была совершенно другая, пробыв после института три года за границей, я вернулся домой в Нижний Новгород, тогда Горький, стал устраиваться на работу и мне предложили должность администратора в театре комедии. Думал: поработаю месяц, а там видно будет. Но тот месяц превратился в долгие годы.

В разных театрах я прошел все должности - от администратора до директора. В качестве заместителя директора Горьковского театра оперы и балета привозил в 1988 году в Кострому оперу «Иван Сусанин». Мы тогда впервые ставили ее на подворье Ипатьевского монастыря.

О Костроме у меня сложился зримый образ замечательного русского города, тихого, уютного, спокойного. Поэтому, когда в 1990 году в Министерстве культуры мне предложили на выбор три «К» - Коломну, Калугу и Кострому, - я сразу выбрал Кострому.

- Вы работали не только в разных российских театрах, но и стажировались в американском. Что вам дал практически этот заокеанский опыт?

- Опыт там приобретен бесценный. Другое дело, что все это не всегда применимо в наших ус-

ловиях. Вот теперь и думаю, что сделать, чтобы наш театр по своим качественным параметрам не отличался от театра в Сиэттле, прежде всего я имею в виду материальную базу и постановочную часть. На первом плане здесь вопросы финансирования. Театр в Сиэттле по линии государства получает всего около десяти процентов необходимых средств, все остальное - частные пожертвования, благотворительная помощь и сбор от продажи билетов. Кстати, билеты там приобретаются заранее, на весь сезон, по типу абонемента. Приобретающие их имеют определенную скидку. У нас тоже есть спонсоры, но их мало, а люди наши живут в основном бедно, им недо помощи театру. Поэтому вся надежда - на государственное финансирование. И еще отличие. У нас большинство театров не преследуют коммерческих целей, а там театры приносят прибыль. Вкладывают в постановку миллионы долларов, но и получают за это зрелище еще больше. Билет на галерке в Нью-Йоркском театре стоит 30 долларов, в партере 120-150, и в зале на пять тысяч мест - ни одного свободного, а на сцене - чудеса с использованием компьютерной техники. А когда после спектакля я был за кулисами и все увидел своими глазами, то понял, что нам до этого еще далеко.

- Но в нашем театре есть другое преимущество: камерность, уют, аромат старины. В этом, согласитесь, своя

прелесть, что, кстати, замечают и иностранцы.

- Конечно, согласен. Наш театр - жемчужина театральной архитектуры России. Мало осталось в России театральных залов, где была бы такая очаровательная, вот именно ароматная атмосфера. Многие гости восторгаются и нашим помещением, и нашими спектаклями. Только средств не хватает, чтобы привести все в надлежащий вид. Посмотрите, какая красота на стенах. Слишком провинциально все это, даже неприлично.

- Сергей Борисович, в прошлом веке и начале нынешнего многие великие русские актеры приезжали в Кострому, играли на сцене нашего театра в пьесах Островского. Почему бы вам не продолжить эту традицию, не приглашать сегодняшних знаменитостей?

- Давайте вернемся к истории театрального дела. Известно, что советский или сейчас постсоветский театр коренным образом отличается от театральной антрепризы в старой России, когда на каждый спектакль набиралась новая театральная труппа. Вот почему были возможны приезды знаменитостей. Современный театр с постоянной труппой имеет свои преимущества, в частности, создает какие-то социальные гарантии для актеров, но с другой стороны приводит к болезни театрального организма. Если сейчас приглашать знаменитых актеров, то они на один - два вечера

станут своеобразной палочкой-выручалочкой, а потом театр опять останется со своими зрителями. А внимание последних к театру после отъезда гастролеров только снизится. Вот если бы театр работал по принципу антрепризы, тогда другое дело. Вообще я думаю о том, не перейти ли нам на систему проката спектаклей, бывшую в старом русском театре, а сейчас принятую на Западе. Каждый вечер идет один и тот же спектакль, пока на него есть зрительский спрос. Затем запускаем другой, который готовился параллельно. Сколько проблем при этом снимается, одна только ежедневная подготовка декораций чего стоит. Конечно, эту систему надо вводить постепенно, в порядке эксперимента. Вот уже в новом сезоне спектакль «Гусар из КГБ» будет идти подряд полторы-две недели, посмотрим, что из этого получится.

- А каким спектаклем будет открываться театральный сезон, и чем в нем вы собираетесь порадовать зрителя?

- Мы открываем сезон гала-представлением, посвященным 185 летию театра, в котором будут отрывки из спектаклей Островского. А порадует сезон прежде всего Островским -

режиссер Гуревич готовит сейчас спектакль «Без вины виноватые». Я этого режиссера раньше не знал, но после знакомства с ним в него поверил и пригласил в Кострому. По отзывам актеров, работающих с ним, это хороший режиссер, и спектакль должен получиться интересным. Его коллега художница Слезкина уже привезла к нам великолепное художественное оформление спектакля. В планах у нас - постановка «Екатерины Великой», которая будет идти в Белом зале Дворянского собрания, «Контессы» Дрюона, режиссер Нелли Эшба предлагает «Снегурочку» Островского, в Москве она уже идет. Заглавные роли в первых спектаклях должна сыграть Лариса Солнцева, которую мы незаслуженно уволили из театра и которая в новом сезоне к нам возвращается. Еще хотим поставить «Амфитриона» Плавта, «Даму с камелиями» Дюма. Но это все планы, скоро должен появиться главный режиссер, он и будет вести репертуарную политику.

- А может главный вам и не нужен? Смотрите, Гуревич готовит спектакль, Эшба предлагает. Принцип антрепризы в отношении режиссеров у вас, кажется, осуществляется...

- В отношении режиссеров, кажется, да, но в отношении актеров, к сожалению, нет. А может, к счастью.

- Интересно, а в американских театрах директора и главные режиссеры меняются так же часто, как у нас?

- Понимаете, здесь тоже как бы две стороны медали. С одной стороны частые смены главного режиссера мешают творческому процессу, с другой - длительная несменяемость ведет к застою.

В американских театрах тоже бывает по-разному: в одних театрах режиссеры меняются, в других сидят всю жизнь на одном месте. Но бывает, что даже режиссеры с именами ставят низкопробные вещи. Так, один известный режиссер в Нью-Йорке из «Братьев Карамазовых» сделал балаган. И публика ведь, за небольшим исключением, смотрит с интересом, хохочет.

- А вообще там часто обращаются к русской классике, к Островскому, в частности?

- В Сиэтле на этот сезон намечена постановка «Грозы». Это, конечно, не связано с юбилеем Островского, просто случайное совпадение. Кстати, в США я получил несколько пьес американских авторов и заручился гарантией права на перевод и первую постановку этих пьес в России. Есть также договоренность с американским режиссером о постановке в нашем театре пьесы из их репертуара «Дом голубых листьев», режиссер должен приехать в будущем году на постановку этого спектакля. В общем, творческое сотрудничество с театральным Сиэтлом у нас начинается.

- Сергей Борисович, что бы вы хотели пожелать читателям этого театрального номера?

- Любви к своему театру, радости от общения с театральным искусством. Не надо жалеть времени и денег на посещение театра. Это одно из немногих мест в городе, где человек может получить то, на что отличится его сердце.

- Разрешите и вам, и всему коллективу театра пожелать добра. И творческих радостей. До новых встреч в «Губернском доме».

Николай Муренин.



## ДЕТСКАЯ ЛЮБОВЬ

Театр был и остается иллюзией. И хотя знаменитый Немирович говорил, что хорошему актеру ничего не нужно, наше зрительское восприятие представленной на сцене жизни поддерживается не только игрой, пусть даже самой гениальной. Эпоху, характеры времени воссоздают и интерьер, костюм, прически, платье.

Можно вывезти в лосинах и Наташу Ростову, но это будет другой театр, другой мир, доступный и понятный людям определенного уровня восприятия. Наш, костромской театр классичен и любим зрителем. В этой классике гармонично сочетаются игра актеров и работа всех цехов театра.

Актерская игра как картина получает свое достойное обрамление, рамку, в виде созданного бутафорами, гримерами, костюмерами. Спектакль превращается в законченное произведение искусства.

Один из «авторов сценических произведений» Прасковья Сергеевна Третьякова в нашем театре отработала сорок шесть лет. Доньи, лорды, барыни и крестьянки не один раз прошли через ее руки - гримера-постижера. Стили, манеры, кудряшки и локоны известны по спектаклям до такой степени, что ей в редких случаях требуется эскиз художника.

Два раза в день приходят они - работники цехов, как прозаично именуется их работа - в театр: по утрам и вечером - на спектакль. Практически вся жизнь протекает в театре. Здесь - семья, дом, романы, переглядки, здесь проживается свой, жизненный спектакль.

Театр - болезнь, как и любовь. Прасковья Сергеевна помнит своих первых обожасмых актеров - Орланскую и Денисова - «героя и героиню» существовавшего тогда в Костроме театра юного зрителя. Их гримерная была на первом этаже - лазали по окнам, любопытничали. «Он и она - такие красивые. Наверное, муж и жена: после спектакля они



ходили домой вместе, а мы шли за ними до самой Калиновской». - рассказывает Прасковья Сергеевна.

Ее же театральная жизнь началась в феврале 1946 года вместе с выборами депутатов. Третьякова, поступавшая после работы на военном заводе в медтехникум, вместе с актрисой была назначена агитатором. И детская любовь проснулась: Прасковья Сергеевна пришла работать в реквизиторский цех.

Вильбушевич, Ярчевский, Ветковская - звезды первой величины на провинциальном театральном небосклоне примеряли сю сделанные косы, парики, усы и бороды.

В самом начале ее работы состав актеров был солидного возраста и Прасковья Сергеевна помнит, как не пошла, провалилась «Гроза» Островского с престарелой Катериной. Потом приехали Иноземцева, Иванченко, Гутман, Писаренко. Театр ожил и расцвел.

«Куда мы не ездили, нас везде принимают прескрасно, - говорит Прасковья Сергеевна, - Вологда, Череповец, Львов... Везде аншлаги. Мне никогда не было стыдно за наш театр».

Антонина Доденкова.

ВАСИЛИЙ ДЯГИЛЕВ:

## ГОВОРИТЬ О ВЕЧНЫХ ЦЕННОСТЯХ

Признаюсь, в нашей семье больше поклонников музыкального театра. Увлечение оперной, симфонической музыкой у нас родовое. Но помню, когда был маленьким, в семье ставились домашние спектакли, читались пьесы. Студентами бегали слушать музыкальную классику на хоры в Петербургскую консерваторию, выстаивали все концерты на ногах, рядом со мной студенты Шестакович и Ираклий Андронников. В Александринском театре смотрели великого Владимира Николаевича Давыдова в «Ревизоре», в «Горе от ума». Бывал на спектаклях с участием Юрия Михайловича Юрьева и других знаменитостей. С именем Юрьева и связаны воспоминания мои о театральные встречах в Костромском драматическом театре. Три года назад в Рязани умер актер Святослав Астафьев, признанный лидер костромской сцены 60-х. Он был талантливым учеником Юрьева. На костромской сцене в свое время даже осуществлена была постановка «Маскарада», где учитель и ученик играли вместе. Впервые я увидел Астафьева в роли городничего из «Ревизора» и, конечно, после впечатлений от игры моего любимого Давыдова, которую я видел в 1923 году в Александринке, нам было о чем поговорить. После спектакля я всегда заходил за кулисы поблагодарить актеров, так было и на этот раз. Так началась наша дружба. Меня привлекло в Астафьеве огромная начитанность, отточенная актерская техника, культура речи и бережное, уважительное отношение к драматургическому материалу, к русской словесности. Это было время расцвета Костромского театра, поставлены Анна Каренина" (Вронский - Астафьев, Каренина - Ветковская), лучшие пьесы Островского - «Правда хорошо, а счастье лучше», «Бесприданница», «Последняя жертва», «На бойком месте». Столь же бережное отношение к классике было характерно и для режиссера-постановщика Иванова. Погоня за псевдоноваторством вообще никогда не была им свой-



Святослав Астафьев в роли А.Н.Островского в пьесе В.Лебедева «Островский».

ственна, а уж в пьесах Островского тем более. Кстати, вспомнил сейчас и другого Островского, сочиненного в этом театре уже в 80-х, где Липочка курила, а Тишка был беспросветным нахалом. Или «Ревизора», где по сцене - городской площади волочили туда-сюда памятник не то Дзержинскому, не то Сталину. Эти формальные «находки» всегда казались мне форменным безобразием по отношению к автору и зрителю, который пришел посмотреть классику, а не ее современную перекройку.

Так вот, Астафьев владел такой культурой исполнения, таким мастерством перевоплощения, что Островский в его исполнении не нуждался в трюках на «злобу дня». Мельчайшие жесты, паузы, перемна интонации помогали ему лепить образы Островского с неповторимым своеобразием.

В 60-е годы в театре был свой оркестр, где я играл на альте. Служил в то время врачом в медсанбате воинской части, а в театр спешил, чтобы душевно порадоваться за тех, кого здесь полюбил. Оркестр в театре - это великое благо, и многие спектакли той поры в музыкальном отношении очень выигрывали.

Хотелось бы пожелать нашему драматическому театру в год

юбилея Островского еще раз подумать о том, какая классика могла бы зазвучать с костромской сцены и именно в классическом исполнении. Почти все пьесы великого драматурга прошли здесь, но классика имеет необыкновенное свойство говорить со зрителем о вечных ценностях жизни, и поэтому она всегда созвучна жизни, какая бы политическая погода не стояла на дворе. Стоит, может быть, заметить, что мало шел на костромской сцене Чехов, Тургенев. Почему бы не поставить, на мой взгляд, самую сильную из горьковских пьес «Варвары»? В последнее время в Костроме совсем нет Шекспира - разве хроника «Ричард IV» на тему гражданской войны не созвучна сегодняшним тревогам?

Хотелось бы пожелать городу питать побольше любви к актерам. И не только любви с цветами и аплодисментами. Театральный быт наших актеров поистине драматичен. Им нужна работа, идущая от сердца.





Борис Белов - артист Костромского театра, зрителям знаком и как киноактер, снявшийся в 12 художественных фильмах.

## БОРИС БЕЛОВ НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

### *Кобылка моя*

В картине Юрия Соломина «В начале было Слово» играю я старого глухого князя. Съёмки идут в Ипатьевском монастыре. Молодым актерам, игравшим главные роли, дали великолепных жеребцов, а меня посадили на тихонькую кобылку, и въезжать я должен в ворота последним. Соседний жеребец почему-то все время поглядывал в мою сторону и нетерпеливо перетаптывался. По команде: «Начали!» жеребец вместо того, чтобы идти прямехонько в ворота, встал на дыбы и направился к моей чахлой кобылке, не обращая на седока никакого внимания. Ну, понравилась она ему и все тут! Жеребца пришлось заменить. Меня же, успешшего с кобылки вовремя соскочить, на съёмке оставили.

### *Из партизан - в генсеки*

Как-то на Мосфильме второй режиссер фильма «Солдаты свободы», узнав, что я в творческом отпуске, неожиданно предложил:

- Не могли бы вы не бриться с месяц. Нам нужен бородатый партизан в команде Тито.

Я согласился, договорились о сроках и стали ждать бороды. Бороду я отрастил первый раз, и скажу вам, занятие это - малоприятное. В указанное время получаю подтверждение, приезжаю в Москву с бородой и встречаюсь с самим Юрием Озеровым, главным режиссером фильма. Он долго смотрит на меня и говорит:

- Если с него снять бороду, то он мог бы сыграть Мориса Тореза.

Бороду срочно сбрили, и я из партизана стал генеральным секретарем Французской коммунистической партии.

### *Два фонаря*

В спектакле «Мария Тюдор» играю первого лорда, интригана в политике, повсюду следую за королевой, поэтому все время на сцене - то ухожу, то вхожу. На премьере режиссер решил, что мало света, и за кулисы ставят трехногий фонарь. Я вылетаю в эту кулису и сбиваю фонарь, тот падает на королеву, которую приходится вытаскивать из-под

фонаря. Зритель слышит этот шум. И мне, вышедшему к публике с огромным фонарем на лбу, ничего не остается как сказать:

- Прикажите, Ваше Величество, этих железных рыцарей убрать.

Смеялись только те, кто был за кулисами.

### *Наш бронепоезд*

1950 год. Томск. Играю матроса Потапова в спектакле «Незабываемый 1919 год». В финале Сталин должен был выезжать на сцену на бронепоезде и приветствовать красноармейцев. И вдруг бронепоезд застрял, зацепившись за что-то. Ведь тогда декорации каждой картины менялись, не то, что сейчас: поставят на сцену и лес, и столовую, и т.д. и т.п. Молодые актеры, видя, что бронепоезд не движется, решили помочь рабочим сцены и навалились так, что бронепоезд не выполз, а вылетел на сцену, даже пушка слетела. И Сталин с поднятой для приветствия рукой шагнул и... упал в яму. Спектакль закрыли.

После этого у меня, как у инициатора помощи рабочим, были длинные диалоги за столом у следователя.



### *Рузвельт - Бек*

В спектакле «Тогда в Тегеране» играю Махмуд Бека. Играл эту роль вдвоем: когда я Бек - партнер Рузвельт, я Рузвельт - он Бек. Как-то партнер заболел и режиссер попросил, чтобы я под халат Бека надел костюм Рузвельта, а под чалму - седой парик, так как придется играть одному. В конце спектакля была сцена фотографирования Рузвельта со Сталиным. С меня быстро сняли халат и чалму Бека и военные фотокорреспонденты стали снимать. Вдруг актер-Сталин - шепчет мне: «Оторви бороду!». Что такое! У Рузвельта оказалась ярко-красная борода Бека, которую в спешке мне забыли снять.

Время на дворе было уже другое, поэтому в органы меня не вызывали.

### *Творческая находка*

Играю Ленина в спектакле «Третья патетическая» и вдруг чувствую, как у меня отклеивается ус. За кулисами обычно бывает на столике лак, но на этот раз его не поставили. А выйти даже на секунду не могу - у меня все время диалог. Пишу на сцене записку секретарю: принесите лак. Секретарь ушел. Ус у меня уже отпал, я его скрываю рукой, задумался





вроде. А секретарь все не идет. В конце концов я не выдержал и сказал зрителю по-ленински: мол, извините, товарищи. И ушел за кулисы. Ус приклеил, а потом говорю секретарю: ты почему не принес лак, я же просил. А он: я думал, что это у тебя такая творческая находка.

## Грустная байка на прощанье

Раньше в Москве была театральная биржа. Вот приходит туда актер за работой. Я, говорит, актер-любовник. К нему все директора драматических театров.

А он:

- Я - оперный!

Оперники к нему:

- Ваши условия, что бы вы хотели?

Герой:

- Я баритон. Первые партии пою. Обязательно квартиру. Холост. Можно однокомнатную. Зарплата - потолок. К премьере - машину.

Директор:

- Ваша фамилия?

Герой:

- Попин-Бубенчиков.

Прослушали.

Директор:

- Ну, вот что, Жопин-Колокольчиков, хор, трамвайчик, общежитие, зарплата хоровика.

Герой:

- Я согласен...



Владислав Гостищев - артист Костромского театра. Читателям известен и как автор юмористических эссе.

## ВЛАДИСЛАВ ГОСТИЩЕВ КТО МЫ ТАКИЕ?

Когда это началось - никто не знает. Да и важно ли это? Важно то, что это продолжается до сих пор. Многие историки-театроведы пытаются достучаться до точных дат возникновения театра, в том числе и костромского.

А мне кажется, что театр возник сразу после того, как человек слез с дерева. Он начался с первых шуточных ударов дубинкой по голове, с дружеских (или наоборот) междометий, с первых семейных сцен, на которые сбегались первые зрители из окрестных коммунальных пещер. Не зря же Шекспир в сердцах воскликнул: жизнь - это театр, а люди в ней - актеры. Это потом нас так обозвали - «актеры»! Выделив в отдельное племя. Так кто же такие

мы, кочующие, до недавнего времени, из Керчи в Вологду и обратно?

И вот этот вопрос, пожалуй, самый интересный.

А действительно, кто? Мы те, кто любил Бога (попутно богохульствуя) и отечество, мы те, кто пел «Боже, царя храни» и тут же «Марсельезу». Мы любили белых и боролись за красных, а потом плясали под гармошку батьки Махно. Мы боролись с фашизмом и искривлялись совместно с ленинской партией, а сейчас вот опять под Богом ходим.

Может, мы действительно летописцы своего времени в третьей стадии, после автора и режиссера? Мы приходим и уходим и после нас ничего не остается кроме легенд, анекдотов и имен, запомнившихся настоящим театралом, опять-таки своего времени. Мы умные и глупые, мы добрые и злые, мы образованные и не очень, мы любящие и ненавидящие. Мы разные. Мы, живущие чужими жизнями, рвущие чужие страсти, умирающие раз эдак по десяти на дню, особенно в репетиционный период. А потом, слегка уставшие, бредем в гримерку, где в ожидании своего выхода сидят товарищи и где, как правило, стоит густой треп. А это мы умеем делать не хуже охотников и рыболовов. А может быть даже лучше. Да и какой перерыв в курилке без воспоминаний о переделках, в которые попадет артист в неожиданно изменяющихся обстоятельствах на сцене.

В самом начале семидесятых Костромской театр включил в свой репертуар пьесу всесоюзно облаканного драматурга Корнейчука «В степях Украины», смысл которой состоял в конкуренции двух колхозов «За коммунизм» и «Смерть капитализму». И вот в одной из сцен актер Мишин, играющий роль писателя колхоза, зачитывает очередную резолюцию колхозного собрания. Непароком перепутав коммунизм с капитализмом, громогласно объявил свой колхоз «Смерть коммунизму». Что тут началось! Сначала возникла зловещая пауза, затем кто-то прыснул в кулак из массовки, а потом раздался гомерический хохот. Ну, а по тем временам последствия были более, чем предсказуемые. Сначала строгий выговор «за небрежное отношение к тексту». А потом актер уволился из театра.

Как не вспомнить великолепного актера Д.Г. Швеца, который «летал» привязанный тросом и пожарным поясом на приличной высоте, изображая Создателя в «Божественной комедии». А рабочего, который должен был опустить Создателя на грешную землю, отвлекли. И бедный Давид Григорьевич 20 минут не мог приземлиться.

А совершенно непредсказуемый Чернаков, который, приезжая на гастроли в другой город, ночью забирался на памятник Ленину, обнимал нежно вожда за щею и мастерски читал Маяковского, пока милицейский патруль не снимал его оттуда.

А наш легендарный В.С. Макассев в «Ромео и Джульетте», разогнав забияку Тибальда и Меркуцио, вместо реплики: «Света больше! Света!», вдруг громко произнес: «Крови больше! Крови!». После чего актер, сдерживая все, что можно было сдержать, стали распознаться со сцены. А его же знаменитые рифмы из «Сирано де Бержерака»: «Я проснулся утром рано и не вижу здесь Сирано».

Очень много анекдотических случаев происходило и происходит с выстрелами на сцене.



Как правило, сегодня все выстрелы производятся из стартового пистолета, качество которого оставляет желать лучшего. Широко известен случай с нашим замечательным актером Е. Евстигнеевым. Он несколько раз пытался выстрелить, но ничего не получалось, все время были осечки, потом он повернул пистолет стволом к себе, продул его и в это время раздался выстрел. После чего актер сказал под хохот публики: «Мимо!»

Аналогичный случай был и в нашем театре, когда Нина Снежка из «Барабанщицы» (Алена Красикова) красиво вбежала на помост, а снизу немецкий офицер должен был ее «застрелить», согласно сюжету. И вот началась серия осечек... Зал нехорошо затаился. И пришлось бедному немецкому офицеру догонять ее и «добивать» советскую разведчицу рукояткой пистолета.

А в спектакле «И один в поле воин» артист Г. Пандик в одной из сцен должен был выбраться из оркестровой ямы и по реплике «застрелить» персонажа на сцене. То ли он споткнулся, то ли замешкался, но револьвер он уронил на дно оркестровой ямы. А темень там - глаз коли, да к тому же он еще и близорукий был. Короче говоря, персонаж уже несколько раз повторил реплику и приготовился достойно умереть, а выстрела все нет. И вдруг из оркестровки высовывается Г. Пандик, наставляет на персонаж палец и говорит: «Ба-бах». Персонаж падает и все видят, как «покойника» трясет от хохота.

А как не вспомнить нашего актера, а потом зам. директора театра А. М. Талисмана, который до

того зарабатывался, что выскакивал из своего кабинета и на весь театр кричал: «Талисмана к телефону!», потом останавливался, хлопал себя по лбу и говорил: «Ах да, ведь это же я!»

Но самые лучшие выстрелы, как убеждает театральная молва, были раньше. А было это так: в металлическое основание в гнезда вставлялись охотничьи пистоны, желательно «жавело», а сверху крепилась доска, которую, дождавшись нужного момента, помреж оттягивала и с силой отпускала на основание, где заложен пистон, и раздавался самый натуральный выстрел. Имитация была полная. И вот однажды рабочий сцены в форменной одежде (тапочках), заинтересовавшийся происходящим на сцене, подошел поближе и поставил ногу на это основание. А помреж в это время, оттянув доску, внимательно смотрела на сцену, чтобы не пропустить момента, и когда подошла нужная реплика, она с силой отпустила доску. И вдруг вместо ожидаемого выстрела в сгустившейся тишине раздался испещренный вопль: «Ох, с...!» И дальше шла цепь испеченных выражений, хотя, если судить по Эдичке Лимонову, теперь уже печатных. Но воистину в пиковом положении мы однажды оказались, когда были на гастролях в Пскове.

В спектакле «Месяц Амилькар» к нам из-за кулис вышла овчарка... Что с нами было? То есть началась жизнь на сцене в натуральную величину. Она подходила к нам, обнюхивала каждого, высматривала кого-то в зале, но прожектора слепили ей глаза, и она снова бродила среди нас, а мы боялись пошевелиться. Кто знает, что у нее на уме? И только Людья Свердлова (игравшая героиню и имевшая когда-то собаку) робко пыталась выставить ее за кулисы, но собака упиралась в темные кулисы и возвращалась назад. И это длилось до тех пор, пока нас не вызволил хозяин, который разыскивал ее рядом в парке.

Но пусть не подумает вездливый читатель, что подобного рода случаи бывают у нас каждый день. Конечно, нет. Каждый день, а вернее дважды в день идет кропотливая трудная работа. Трудная, пожалуй, как и в любой другой профессии. А все остальное время мы смотрим телевизор, стоим в очередях, готовим еду, сдаем бутылки и мечтаем дожить до очередной зарплаты.



Разговаривают две театралки.

- С моим мужем невозможно ходить в театр! В первом же акте он начинает рыдать.
- А мой муж уже начинает рыдать, когда я иду покупать билет.



Последняя театральная премьера больше всего понравилась гардеробщице - публика из зала выходила постепенно и к концу спектакля не было никакой очереди.

- Тебе не нравится спектакль? - спрашивает жена мужа, который сидит и не срывается.
- Главного героя артист играет просто ужасно.
- Тогда давай уйдем.
- Нет, я должен дождаться, когда его убьют.



Пьесу освистали. Аплодировал только один человек.

- Почему вы аплодируете? - спросили его соседи.
- Хорошо свистят...

## Свидетельства Архива Документы



ВИКТОР БОЧКОВ

### "НАШЕ ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ЩЕЛЫКОВО"

Щелыково замечательно дважды: и как дивный уголок благодатной русской природы средней полосы, и как место, тесно и прочно спаянное с жизнью и творчеством великого русского драматурга Александра Николаевича Островского, увекоченное его гениальным пером, наследником его бессмертными героями. Небольшая деревянная усадьба, затерявшаяся в глуши заволжских лесов, в 17 верстах к северу от уездного города Калинова - Кинешмы и более чем в сотне верст к востоку от губернского Бряхимова - Костромы, встала ныне в один ряд с другими знаменитыми очагами русской культуры: Михайловским, Тарханами, Спасским-Лутовиновым, Ясной Поляной, сохранив при этом, разумеется, все свое своеобразие.

На это своеобразие сразу же, еще в первый приезд в Щелыково в мае 1848 года, обратил вдумчивое внимание 25-летний тогда драматург. «С первого разу оно мне не понравилось... Щелыково мне вчера не показалось,

вероятно, потому, что я построил себе прежде в воображении свое Щелыково. Сегодня я рассмотрел его, и настоящая Щелыково настолько лучше воображаемого, насколько природа лучше мечты», - записал он в дневник.

Уже в первые дни, обойдя окрестности, Островский отметил удивительную пересеченность местности, множество холмов и косоогоров, обилие извилистых речушек. «Что за горы... - восхищался он. - У нас все реки текут в оврагах - так высоко это место. Наш дом стоит на высокой горе, побольше нашей Воробинской, а есть места, например, деревня наша Сергеево, откуда наш дом кажется в яме, а эта деревня в четырех верстах от нас на север. На юг от нас есть, верстах в пяти, деревня Высоково, из той виден почти весь Кинешемский уезд. Под этой деревней течет Мера - что это за удивительная река! Если бы этот уезд был подле Москвы или Петербурга, он бы давно превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии и Италии...

Рыбы и дичи здесь пропасть". В юности типичный горожанин - москвич, по роду службы мелкий судейский чиновник, драматург именно в Щелыкове приблизился к постижению дотоле незнамой им кондовой, сельской Руси. «Я начинаю чувствовать деревню», - удовлетворенно констатирует он уже в 1848-м году. В 1851-м году Островский вновь приезжает в Щелыково, в феврале 1853 года был здесь на похоронах отца (эта единственная зимняя поездка в Щелыково нашла позднее отображение в сказке «Снегурочка»), затем приезды драматурга в усадьбу участились, с 1863 года сделались ежегодными, а в 1867-м году Александр Николаевич, сообщая с младшим братом Михаилом, приобретают Щелыково и по выплате оговоренной платы становятся его владельцами. «Мы с братом купили у мачехи наше великодушное Щелыково», - сообщал Островский в сентябре 1868 года своему приятелю Ф.А.Бурдину. На первых порах он даже пла-

нировал вести в Щельково рациональное хозяйство и жить на доходы с имения, но вскоре убедился в эфемерности своих надежд. Щельково превратилось для Островского в загородную дачу, требующую еще вложения средств на ее содержание. «Мне ужасно мешают хозяйственные хлопоты, - жалуется он в одном из писем 1870 года, - а и без них нельзя: или бросать совсем имение, или хлопотать самому». Александр Николаевич принимается за постройку в 1869-м году «гостевого» флигеля, к востоку от усадебного дома, занимается устройством маслобойки на мельнице и т.д. Однако уже в середине 1870-х годов бразды правления усадьбы вручаются жене Марии Васильевне, для самого же драматурга Щельково становится только местом отдыха и литературного творчества.

Подготовка к переезду из Москвы в Щельково начиналась задолго, ранней весной, его ожидали с нетерпением. «Теперь мы оба (с женой - В.Б.) ждем только весны, чтобы уехать в деревню», - пишет Островский Ф.А.Бурдину в марте 1870 г. «Жду не дожжусь возможности уехать в деревню», - сообщает он ему же в марте 1879 г.

У Александра Николаевича было вообще слабое здоровье, с годами к тому же подтачиваемое тяжелым литературным трудом. Жизнь в деревенской усадьбе в течение 4-5 месяцев благотворно действовала на него, восстанавливала его силы. «Здоровье мое несхорошо, вся надежда на Щельково», - извещал драматург 12 апреля 1874 года своего костромского родственника П.И.Андроникова. А в письме от 20 марта 1875 года писателю А.А.Потехину сетовал: «У меня теперь только одна мечта: добраться как-нибудь до Кинешмы, чтобы если уж не восстановить, то хоть поддержать свежим весенним воздухом падающие силы».

Любимым занятием Островского в Щелькове была рыбная ловля. Наличие поблизости от усадьбы нескольких рек (Кускша, Сендега, Мера), богатых рыбой и отличающихся друг от друга быстротой течения и т.д., позволяла Александру Николаевичу варьировать свою рыболовную практику. Чаще всего он ловил удочками с лодки или с берега у мельницы на Кускше.



В Николо-Бережках. Начало века.

Драматург выходил из дома ранним утром и иногда так увлекался, что не возвращался к завтраку, тогда к нему посылали прислугу с судками. На Сендеге Островский ловил обычно по вечерам и с огнем: «Теперь съезжу по Сендеге на лодке с острогой», - информировал он Бурдина в августе 1872 года. Что же касается Меры, то к поездке туда Островские готовились заблаговременно, выезжали всей семьей и с гостями, ловили в реке неводом при помощи местных крестьян, на берегу разводили костры и варили уху. Рыбу же привозили с Меры целыми бочонками.

Однако главным для Островского-рыболова был все-таки не результат. В конце концов в усадьбу приносили на продажу довольно рыбы окрестные крестьяне. Рыбная ловля создавала возможности побыть наедине с природой, снять напряжение, рассеяться, отдохнуть. «И меня, - делился Александр Николаевич в письме 30 апреля 1880 года с А.Н.Майковым, - рыбная ловля и вообще деревня всегда значительно поправляет».

Вместе с тем драматурга и за удочками не покидали творческие помыслы. В этом плане характерен рассказ его брата Петра Николаевича: «У брата ничего подобного не было - никакой записной книжки, никаких заметок... Сюжет, сценарий, действующие лица, их язык - все сидело полностью внутри до самого написания пьесы... Весь этот важ-

нейший подготовительный процесс задуманной пьесы протекал обыкновенно у Александра Николаевича во время летнего отдыха в его любимом Щелькове. Там, пока Александр Николаевич часами сидел на берегу реки, с удочкой в руке, пьеса вынашивалась, тщательно обдумывалась и передумывалась ее мельчайшие подробности... Сижую я как-то раз возле него на траве, читаю что-то - вижу, сильно хмурится мой Александр Николаевич.

- Ну, что, - спрашиваю, - как пьеса?

- Да что, пьеса почти готова... да вот концы не сходятся! - отвечает он, вздыхая.

Находясь в Щелькове, Островский регулярно совершал прогулки по ближайшим окрестностям. Маршрутов было сверхдостаточно: в Николо-Бережки, в Кутузовку и Твёрдово, в Лобаново и Сергеево, на Свинкинскую пустошь и в Покровское, в Фомицыно и Кудряево, Васильево и Ивановскую пустошь и др. Драматург был неплохим ходяком. «Вечером, - сообщает он из Щелькова жене летом 1867 года, - хожу гулять с сестрами версты за две и за три». Для своих прогулок он старался выбирать самые красивые и уединенные места. Его близкий друг Н.А.Дубровский в 1870-м году заносит в дневник: «Островский повел меня в Харинскую заводь густым лесом, по берегам гремучей

речки Сендеги. Берега этой речки, покрытой по обеим сторонам лесом, очень дики и пустынные, дно каменисто, вода - кристалл; прилегающие к ней поляны и возвышенные берега ее чрезвычайно красивы».

В последние годы Александру Николаевичу было трудно ходить пешком - он предпочитал ездить в повозке, беря с собой кого-либо из детей и сам правил лошадьми. Так приезжал он, например, в село Адищево к своему знакомому Г.Н.Вишневскому.

Другим любимым занятием Островского был сбор грибов. Грибных мест окрест Щелькова было множество. Старшая дочь драматурга Мария Александровна рассказывала: «Папа очень любил бывать в Ивановском и Грибовнике, причём обычно брал нас, детей, с собой. Вызывали восхищение росшие там стройные мачтовые ели, громадные вековые сосны. Бывало, мы с братьями возьмёмся за руки и станем вокруг какой-нибудь толстой сосны, так мы втроем ее едва обхватывали... Бывало, папа, очень любивший грибные походы, соберется с нами в Грибовник. На телегу накладывалось несколько пустых бельевых корзин, да у нас у всех по корзинке. Часа через три после

приезда в лес наши бельевые корзины оказывались полными, и мы двигались в обратный путь, а придя домой, папа, довольный, оживленный, окруженный нами, гордо докладывал маме (Марии Васильевне) о количестве собранных грибов».

Великий труженик, Островский и в Щелькове продолжал обдумывать замыслы и разрабатывать содержание своих пьес, которые обычно ставились на сцене в ближайшем театральном сезоне. Правда, полностью в Щелькове была написана только «Поздняя любовь», а остальные драматург либо начинал, либо, наоборот, завершал в усадьбе. «Мне пришла очень эффектная мысль, и я начал пьесу», - сообщает он жене в письме в Щельково от 18 августа 1879 года (речь идет о пьесе «Сердце не камень»). Здесь создавались такие произведения, как «На всякого мудреца довольно простоты», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Комик XVII столетия», «Бесприданница», «Невольницы», «Горячее сердце», «Лес», «Богатые невесты», «Правда - хорошо, а счастье лучше», «Таланты и поклонники», «Красавец-мужчина», «Без вины виноватые», «Не от мира сего». В целом ряде пьес Островского

(«Лес», «Снегурочка», «Дикарка», «Волки и овцы», «На бойком месте», «Воспитанница») использованы местные мотивы, угадываются описания щельковского дома, парка, пруда, ближайших окрестностей (Ярилина долина, Николо-Бережки). Отображается в них и богатое историческое прошлое Щелькова. Так, в «Дикарке» приводится многозначительный разговор двух слуг в парке возле развалин каменной беседки:

«Гаврило (осматривая местность): Ну и местоположение, я вам скажу!..

Сысой: Как находите?

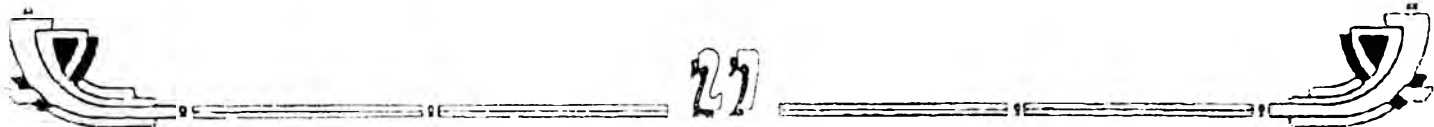
Гаврило: Что уж!.. Что еще превосходнее!

Сысой: На редкость, истинно на редкость... Это место по древности, от старых людей - Кокуй называется. Когда покойный барин, царство небесное, эту рощу под парк оборотили, так и беседка тут была построена, и строгий был приказ от барина всем, чтоб это самое место «Миловида» прозывалось... в те поры в этой беседке танцы были, ужины, без малого вся губерния съезжалась, по всем дорожкам цветные фонари горели, за рской фсверки пушали, теперь заглохло все».

Действительно, у Щелькова богатая и интересная история. В



Пруд с островками ниже усадьбы Щельково.



течение всего XVIII века усадьба принадлежала знатному дворянскому роду Кутузовых. Здесь родился Алексей Михайлович Кутузов (1749-1797), основоположник русского сентиментализма, близкий друг и единомышленник А.Н.Радищева, посвятившего ему «Путешествие из Петербурга в Москву», и Н.И.Новикова, известный масон. По семейному разделу Щельково досталось старшему брату Федору Михайловичу, генералу, а по выходе в отставку - костромскому губернскому предводителю дворянства. В то время Щельково было центром большой вотчины. Каменный барский дом находился в парке, вблизи нынешней двухэтажной беседки - в 1770 годах он сгорел и не восстанавливался. Новый усадебный каменный дом Фёдор Михайлович выстроил на левом берегу Кукуши. Однако в конце XVIII века свосравная речка проточила перемычку, соединилась с имевшимся позади дома прудом и потекла по левому руслу. Дом оказался на острове (затем Старица совсем заросла), - жить в нем стало совсем невозможно из-за сырости. В 1801-м году Ф.М.Кутузов скончался, усадьбу унаследовал его рано умерший сын, а затем младшая дочь Прасковья Федоровна, построившая для себя около 1820-го года ныне существующий деревянный дом. После нее Щельковым владела другая сестра Варвара Фёдоровна, в замужестве Сипягина, и её сын Александр Егорович. Последний вёл разгульную жизнь, и в 1847-м году Щельково было продано за долги в Москве с публичных торгов оставшему чиновнику Николаю Федоровичу Островскому.

Конечно, Александр Николаевич, и вообще живо интересовавшийся историей, уже в первые приезды собрал сведения о прошлом Щелькова. В его творчестве нашел отображение и сам усадебный дом, и парк с беседками, и пруд с островком, ближайшие окрестности с поверткой с тракта в усадьбу, и кабак с постоянным двором и т.д.

Гостеприимный и хлебосольный, Островский постоянно зывал погостить в милосму Щельково друзей и знакомых.

«У нас, действительно, рай», - хвалится он летом 1872 года в письме Н.А.Дубровскому из Ще-

лькова. Но что за рай без гостей, в одиночестве! И в том же году писатель объясняет Ф.А.Бурдину: «Я один не могу наслаждаться ничем». В июле 1878 года, узнав о намерении известного артиста Н.И.Музиля навещать Щельково, драматург пишет ему: «Тащите непременно и Черневского (режиссер - В.Б.), к вашим услугам будет целый дом, нарочно выстроенный для гостей. Стеснить нас Вы ни в коем случае не можете. У нас такой обычай: чем больше гостей и чем дольше гостят они, тем лучше».

«Приезжайте, приезжайте, приезжайте», - уговаривал Александр Николаевич своих столичных и провинциальных знакомых. И те, конечно, приезжали, жили подолгу, неделями. Это были, прежде всего, артисты М.П.Садовский, О.О.Садовская, М.И.Писарев, Н.И.Музиль, В.П.Музиль-Бороздина, Н.А.Никулина. Кроме названных завсегдашня Щелькова были актеры, не снимавшие славы на сцене, но близкие хозяину: Ф.А.Бурдин, И.Е.Турчанинов, К.А.Загорский. Иные из навещавших драматурга в его усадьбе артистов были, по воспоминаниям щельковской прислуги, настолько бедны, что не имели средств нанять лошадей и приходили пешком - вспомним сцену из комедии «Лес», в которой встретившиеся на дорожной повёртке Счастливец и Несчастливцев, идущие один из Керчи в Вологду, а другой из Вологды в Керчь - таких в Щелькове тоже принимали радушно.

Островский, постоянно печатавшийся в лучших литературных журналах, был хорошо знаком с современными ему русскими писателями. Некоторые из них приезжали и в Щельково. Это, прежде всего, известный писатель-этнограф С.В.Максимов, Е.Э.Дрянский, автор превосходной «охотничьей» повести «Записки Мелкотравчатого», сатирик И.Ф.Горбунов, драматурги Н.Я.Соловьев, П.М.Невжин. Вполне возможно, что в Щелькове бывал и Н.А.Искрасов.

Из прочих гостей усадьбы можно назвать композитора В.Н.Кашперова, создавшего оперу «Гроза» на либретто А.Н.Островского, историка Н.А.Дубровского и др.

В Щелькове гостям была предоставлена полная свобода,

однако хозяин трогательно заботился об их развлечениях. Для них регулярно устраивались прогулки (для любителей верхом), охотничьи экспедиции и т.д. По вечерам хозяева и гости обычно собирались на южной веранде дома, пили чай, обменивались забавными рассказами и шутками - душой общества был сам хозяин.

Часто посещали Островского и соседи-помещики: Г.Н.Вишневский из Адищева, семейство Григоровых из Ново-Александровского, братья Хомутовы из Соколова, В.С.Дмитриев из Челесникова. Человек мягкий и терпимый, Александр Николаевич отнюдь не чуждался окружающих, более того, считал своим долгом исполнять и общественные обязанности, избирался почтным мировым судьей и членом Кинешемской уездной земской управы.

10-го августа Островский широко отмечал в Щелькове свои именины, на которые съезжался «весь» Кинешемский уезд.

Последний раз Островский приехал из Москвы в Щельково 29 мая 1886 года. Он был тяжело болен, с трудом добрался до усадьбы и сразу слег. 1-го июня почувствовал себя лучше и даже прогулялся по саду. Однако улучшение оказалось обманчивым - с утра 2-го июня Александр Николаевич намеревался поработать, но скончался за своим письменным столом.

Драматурга похоронили 5 июня 1886 года на погосте в Николае-Бережках, близ могилы отца. Позднее рядом с ним, в одной ограде, были погребены жена Мария Васильевна и дочь Мария Александровна.

В 1882-м году, выступая на торжествах по поводу 35-летия творческой деятельности Островского, И.А.Гончаров сказал: «...Вы совершили все, что подобало совершить великому таланту... Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили зданис, в основание которого положили красугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский национальный театр». Он по справедливости должен называться «Театр

Островского». Эту оценку разделяет и потомство.

«После смерти драматурга Щельково перешло к его вдове Марии Васильевне, владевшей усадьбой совместно с Михаилом Николаевичем Островским. Последний, занимая крупнейшие государственные посты (он был министром государственных имуществ), навещал Щельково редко, а по приезде жил в т.н. «гостевом доме» в восточной части усадьбы, которую он обособил в отдельное имение. Когда он в 1901-м году скончался, эту часть Щелькова унаследовала старшая дочь драматурга Мария Александровна, бывшая замужем за известным ученым-электротехником Михаилом Андреевичем Шатсленом. Шатслены перенесли свою усадьбу в западную часть Щелькова.

Мария Васильевна, а после ее смерти в 1906-м году, сын драматурга Сергей Александрович (он был камергером императорского двора) постоянно жили в Петербурге и, бывая в усадьбе, задались целью сохранить в ней все так, как было

при жизни Александра Николаевича. Однако хватало средств на поддержание только самого дома-службы и парковые сооружения ветшали и постепенно разрушались.

После Великой Октябрьской социалистической революции усадьба Щельково была конфискована. В ней поместился детский приют имени Островского (на 25 сирот до шестилетнего возраста), а затем Ивашевский волисполком, работники которого топили печи усадебной мебелью. В 1923-м году общественный комитет по проведению 100-летия со дня рождения Островского обратился к В.И. Ленину с ходатайством о национализации Щелькова, 23 ноября 1923 года Совнарком РСФСР принял Постановление, передав усадьбу Наркомпросу. В ней решено было создать музей А.Н.Островского.

Однако тогда удалось усадьбу не восстановить, а лишь поставить на консервацию. Понимая, что из-за отсутствия средств планы превращения Щелькова в мемориальную музей-усадьбу

нереальны, Наркомпрос 4-го мая 1928 года принял решение о передаче его Малому театру для организации дома отдыха и при нем «Мемориального музея имени А.Н.Островского».

В 1973-м году в Щелькове был открыт памятник А.Н.Островскому (скульптор А.П.Тимченко), развернута экспозиция в созданном литературно-театральном музее и отреставрирован «Дом Соболева». В 1980-х годах была, в основном, завершена реставрация Никольской церкви на погосте в Николо-Березках.

Погост Николо-Березки с его единственностью и тишиной, старинной церковью и некрополем семьи великого драматурга является одним из поэтических мест заповедного Щелькова. Однако перечень таких мест отнюдь не исчерпан: это и Ярилина долина, и Красный обрыв, и Субботин луг и т.д. Все то, что вкуче составляет крохотную частицу русской земли, звонко названную Островским «наше великолепное Щельково».

Февраль 1990 г.



Поклониться Островскому.

# ТЕАТР В КОСТРОМЕ: ПЕРВЫЕ ПОЛВЕКА

Известно, что начало театра в России положил царь Алексей Михайлович, который пригласил из Германии актеров, танцовщиков и музыкантов, чтобы они увеселяли царское семейство в дни великих праздников и на масляной неделе. Представления шли в «потешном доме», а затем в селе Преображенском под Москвой, кроме немцев, принимали участие в представлениях и дворовые люди.

Цари Федор Алексеевич и Петр Алексеевич, а также царевна Софья Алексеевна тоже любили театр; для них пьесы, показываемые на представлениях, писал Симеон Полоцкий. Петр I впоследствии также привез из Германии труппу в составе девяти человек под руководством Ивана Куншта, тогда на Красной площади построили здание театра, или, как его называли, «комедийная деревянная хранина». Куншт был в театре главным актером и режиссером, женщины в труппе не было, женские роли исполняли мужчины. Театр не был в старинных русских традициях, как ярмарочные и вертепные представления в балаганах, поэтому царь Петр приучал русских людей к театру, как к ассамблеям, маскарадам и другим нововведениям. В репертуаре были в большинстве случаев немецкие пьесы, из русских пьес до нас дошли две - Симсона Полоцкого - «Комедия, притча о блудном сыне» и «Навуходоносор и три отрока». Театр процветал также во времена Анны Иоанновны, она любила разного рода зрелища. Многие представления на русском языке разыгрывали студенты Академии и служители различных приказов, в Петербурге славились праздничные театральные представления воспитанников Артиллерийской

школы. Потребность в театре, причем театре русском, национальном, была весьма заметна, и не только в столицах. Прав был обозреватель журнала «Репертуар и Пантеон» Николай Рындовский, который писал, что «надо было только явиться человеку, который с пламенной любовью к театру, к искусству, ствердой волей соединял бы знание дела и гений». Таким человеком стал костромич Федор Волков. В 1750 году им был открыт в Ярославле, а затем в 1756 году в Петербурге официально утвержден «русский для представления трагедий и комедий театр».

К этому времени в русской провинции постепенно создавались так называемые «домовые» театры, в них играли для увеселения помещиков, дворянства дворовые люди, в репертуаре, по примеру столиц, пытались ставить оперы и трагедии, иногда это даже получалось. В Костроме на рубеже XVIII-XIX веков существовало по крайней мере три таких театра, но еще раньше, в 1778 году, «в Костроме на домовом театре Ярославского и Костромского государева наместника его превосходительства тайного советника, сенатора и кавалера Алексея Петровича Мельгунова по случаю открытия Костромского наместничества даны были благородным обществом трехдневные театральные представления безденежно, в котором зрителями были почтенные дворяне и именитое купечество».\*

Что касается «домовых» театров в Костроме, то первым был театр Василия Евграфовича Обрезкова, богатого помещика из-под Судая, имевшего 800 душ крестьян. Труппа Обрезкова состояла из дворовых его, а также



М. Д. Львова-Синицкая

играли в ней дворянин Василий Карпович Васильев и бывший актер Малого театра Иван Тимофеевич Ширяев. В Костроме имел домовый театр помещик, отставной генерал, известный меценат Александр Степанович Карцев, в театре которого был оркестр из семидесяти музыкантов и два хора, церковные, мужской и женский, которые также привлекались к театральным представлениям. Руководил оркестром капельмейстер из немцев, Карцев имел для театра специальное помещение.

Труппы Обрезкова и Карцева объединились и успешно давали представления в Костроме и Ярославле. Еще один костромской «дворянский» театр был известен даже в Петербурге. Это был театр костромского помещика, дяди тогдашнего губернатора Н. Ф. Пасынкова, А. А. Кологривова. Современник его, академик Ф. Г. Солнцев, даст нам любопытные сведения о нем. «У известного писателя А. А. Шаховского я встретился с одним по-

\* Из афиши театрального музея им. Бахрушина.



мещиком, неким А.А. Кологривовым, который был большой охотник до театра. Кологривов был толстяк, среднего роста, с огромным париком, в коричневом фраке. Большой частью он жил в своей деревне, когда же приезжал по зимам в Петербург, то обыкновенно привозил с собой своих деревенских актеров, музыкантов, певчих и собак. Все артисты Кологривова были подстрижены на один лад и окрашены черной краской. Когда Кологривова спрашивали, зачем он привозит в Петербург актеров и певчих, так как здесь есть хорошие театры, то он отвечал:

- У меня на сцене, как я приду посмотреть, все актеры и певчие раскланиваются, и я им раскланиваюсь. К вам же придется в театр, никто меня не заметит и не раскланяется.

Митрополит Серафим, бывало, спрашивает Кологривова:

- Зачем у тебя на сцене до 500 штук собак?

- Ах, пресвященный Владыко, - отвечает Кологривов, - ты этого не поймешь: как тявкнувши мои псы разбредутся по кустам, да поднимут лай, так что твои певчие!"

Но первый профессиональный театр в Костроме основали не они, любители-театралы, хотя заслуги в развитии культуры Обрезкова, Карцева и Кологривова, несмотря на их чудачества и странности, трудно переоценить. Костромской драматический театр, согласно записи, сделанной в журнале губернского приказа общественного призрения 7 января 1809 года, провел свой первый сезон в 1808 году и не только окупил расходы, связанные с основанием театра, но и дал возможность внести в казну сто рублей из доходов. Эта дата считается годом основания театра в Костроме. Кто же был его создателем?

Содержателем театра стал губернский секретарь Михаил Анисимович Сергеев, первым директором - отставной офицер гвардии Алексей Федорович Чагин. Театр располагался на нынешней территории 1-й городской больницы на углу улицы Кинешемской (ныне Советская), спектакли играли и утром, и вечером не более четырех раз в неделю, ставились драмы, комедии и оперы, иногда трагедии. В репертуаре театра были спектакли по пьесам Еврипида, Плавта, Мольера, Шил-

лера, Гольдони, Озерова, Сумарокова, Фонвизина. В марте 1812 года была поставлена «Ябсда» Капниста, для театра писал пьесы Н.Ф. Грамматин, бывший тогда директором Костромской губернской гимназии.

Бывший тогда в Костроме губернатором Николай Федорович Пасынков также имел свой «домовой» театр, и М.А. Сергеев верно рассчитал, создавая в Костроме публичный театр, как угодить своему начальнику. Пасынков всячески поощрял труппу, заботился о содержании здания. В 1810 году, правда, Сергеев передал театр костромскому и ярославскому помещику Александру Константиновичу Глебову, но это никак не сказалось на положении театра. Глебов, как опытный к тому времени антрепренер, сразу же привлек к работе в театре часть труппы Обрезкова и оркестр Карцева.

Балетмейстер Большого театра Адам Глушковский, живший в Костроме с труппой при эвакуации театра в 1812 году из Москвы, вспоминал о том, что драматический театр в Костроме «был даже хороший». О том, какой театрал был губернатор, Глушковский в своих воспоминаниях пишет: «...у губернатора Николая Федоровича Пасынкова давались часто спектакли на домашнем его театре; в них участвовали некоторые артисты и воспитанники Московского театра. Эти спектакли приносили большую пользу воспитанникам тем, что они практиковались, а губернатору делалось угождение, и он со своей стороны делал театральным артистам всевозможные пособия в назначении квартир в обывательских домах с отоплением, освещением и проч.»

В канцелярии губернатора, по рассказу Глушковского, служил секретарем бывший архирейский певчий, отлично знавший музыку и готовивший хоры для представлений. В день представления оперы «Калиф багдадский» в 1813 году в честь дня рождения супруги губернатора Марии Алексеевны секретарь так напился, что не мог стоять на ногах. Губернаторша устроила скандал, а муж приказал окатить секретаря холодной водой и вынести на ледник, чтобы холод выгнал из него хмель, а после спектакля напоить водкой, чтобы предохранить от

болезни. Так и было сделано, и спектакль состоялся. Подобных курьезов в костромской театральной жизни тогда было предостаточно.

Труппа актеров театра Глебова имела в те годы в своем составе таких актеров, как Лазов, Борисоглебский, Базанов и Львова-Синецкая. Мария Дмитриевна Львова-Синецкая вошла в историю русской культуры не только как замечательная актриса. В 1812 году в Костроме она познакомилась с известным театральным деятелем Ф. Кокошкиным и впоследствии стала его женой. Для нее писали водевили А. Грибосдов и П. Вяземский, она была знакома с А. Пушкиным, и в ее гостиной в Москве с разрешения поэта впервые была поставлена сцена из «Цыган». Уроженка Костромы, Мария Дмитриевна имела большой успех в Костроме и в столицах благодаря таланту, великолепным внешним данным, но из Костромы она уехала в 1815 году, а в 1814 году ушел на войну в Костромское ополчение адъютантом А.Ф. Чагин, директор театра. Это были поттери, но вначале они не отразились на состоянии дел в костромском театре, и театр процветал.

В 1816 году вместо Пасынкова губернатором стал Карл Баумгартнер. Глебов держал антрепризу в разных городах, театр сменил свое помещение. В 1820 году на Нижней Дobre было переоборудовано под театр здание кожевенного завода Сыромятникова, большие средства в это вложил В.Е. Обрезков.

В эти годы делал первые шаги на костромской сцене будущий знаменитый русский антрепренер Николай Иванович Иванов (Бярдников). Он служил еще мальчишкой в театре Обрезкова, затем в театре Карцева. Постоянной же труппы костромской театр не имел, иногда антрепренеры привозили свои труппы из других городов, и театральная жизнь в Костроме, по свидетельству современников, шла неровно и тускло. В 1831 году Обрезков умер, его труппа тоже распалась, дворовые актеры вернулись в имение под Судай, а «вольные» артисты разошлись по другим театрам. К сороковому году театральная жизнь в Костроме совсем заглохла.





“Гроза”. Кабаниха — арт. М.Богданова, Дикой — нар. арт. РСФСР В.Макаеев.



Нар. арт. РСФСР Л.Солнцева в роли Вассы Железновой.

## ЮРИЙ КАЛИННИКОВ:

Фотолетопись Костромского театра создавал Юрий Николаевич Калинин. Почти пятьдесят лет творческой жизни коллектива запечатлел его объектив. Снимки Калинникова публиковались в центральных и областных газетах, журналах «Театр» и «Театральная жизнь». И вот теперь - в «Губернском доме».



“Счастливый день”. Сандырена — арт. А.Пахомова,  
Сандырев — арт. В.Поздняков.



“Поздняя любовь”. Маргаритов — засл. арт. РСФСР Б.Красиков, Дормедонт — арт. Г.Анурьев, Дороднов — арт. В.Гостищев.



“Бесприданница”. Лариса — арт. Т.Никитина.

## ВЗГЛЯД НА СЦЕНУ



“На всякого мудреца довольно простоты”. Городулин — засл. арт. РСФСР Д.Кромский, Мамаева — засл. арт. РСФСР Л.Свердлова, Глумов — засл. арт. РСФСР Э.Очаговня.

Так продолжалось до 1849 года, когда антрепренер Иванов принял руководство костромским театром. В начале пятидесятых годов здание театра было приведено в порядок. В мае 1852 года журнал «Пантеон» писал: «Благодаря заботливости и попечению бывшего директора здешнего приюта прежний театр, помещенный в каком-то грязном и сыром подвале, нынче, с тех пор как он сделался собственностью детского приюта, щеголяет изяществом, опрятностью и комфортом. Сцена украшена хорошими кулисами, ложи чистенькие и вместительные, освещение удобное и очень незамысловатое, одним словом, во всем проглядывает чистота, удобство и порядок. Труппа составлена из актеров, которые впервые сошлись на сцене, и нельзя от них ожидать совокупности в игре, ансамбля». В составе труппы играли тогда Померанцев - «любимец публики», комик Максимов, который «недурен в некоторых ролях, особенно если выучит роль» и Бурдин, «лучший фарсер в труппе». Необходимо отметить, что Федор Бурдин, друг А.Н.Островского, начинал свою работу актером в Костроме, а затем стал артистом Императорских театров, но и тогда Кострому не забывал.

Но в рецензиях на представления можно было прочитать и такие фразы: «...певцы поют плохо, и часто в самые патетические минуты смехот зрителей своим несносным писком, а оркестр костромского театра хоть кого собьет с толку. О других персонажах костромской сцены лучше умолчать - это артисты без рук, без языка и без памяти». Мне кажется, что рецензенты тех лет были правы, когда не щадили в своих рецензиях бездарность и бескультурие в игре актеров. А как были написаны отдельные пассажи рецензий! Вот, например: «Об остальных персонажах труппы сказать нечего, потому что они сами очень редко и очень плохо говорят на сцене. Это я говорю о госпоже Галковской (меняющей чуть ли не каждое представление свою фамилию), девице Арцыбашевой, господах Васильеве, Груне и других вольнопрактикующихся пасынках Мельпомены».

В 1852 году в Кострому прибыла труппа К.Б.Соловьева, о

№ 5

# НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ

ТЕАТРЪ СОЛДОВНИКОВА.

ПО УДОВОЛЖЕННЫМЪ СЪВѢЩАНІЯМЪ  
ВЪ ЧЕТВЕРГЪ 28 ВЕСЕЛІЯ

## БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ.

АКТОРЫ: ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩІЙ И ДРУГІЕ

## ПРОСТУШКА И ВОСПИТАННАЯ.

АКТОРЫ: ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩІЙ И ДРУГІЕ

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

ВЪ ПЯТНИЦУ 29 ВЕСЕЛІЯ

## НЕ ВСЕ КЪ О Т У МАСЛЯНИЦА.

Участвующие: г-жа Борозина, Борозина, Коллока, Ордынская, и Губина, Динь Барановскій

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

ГОТОВЯТСЯ ВЪ ВОСТАВАНІИ

## ЦАРЬ БОРИСЪ.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

## ЦАРСКАЯ НЕВѢСТА.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

Народный театр — «Бедность не порокъ» и «Не все кому мило».

Афиша спектаклей 1881 г.

которой писали: «Особых талантов в театре нет, зато каждый человек в труппе всегда и во всем на своем месте. Удивительный ансамбль, лучше которого для провинциального театра и желать нельзя. Роли раздаются каждому по способностям: этот порядок и умное распределение ролей принадлежит сметливости, соображению и знанию своего дела режиссеру». Опытный дирижер Майоров, несмотря на неполный состав оркестра и бедность в силу этого его репертуара, играл слаженно. Артисты Барсов, Рассказов, родственник известного московского артиста П.Садовского Г.В.Садовский, певцы Алинская-Докучасва и ее муж Докучасв пользовались у костромичей любовью, в театр ходили. Ставили драмы, оперы, водевили.

Оживление театральной жизни в Костроме тех лет подтверждается словами рецензента Е.Гринберга, который писал: «В последнее время Кострома несказанно богата удовольствиями: театр, благородный спектакль, балы в доме Собрания и в частных домах, маскарады, гуляния, концерты, московские цыгане - все! желать нельзя более! Взглянув на этот перечень наслаждений - каждый может подумать, что скука в Костроме вещь необыкновенная». Дальнейшие слова автора разочаровывают: «Но кто так думает, тот ошибется, и ошибется жестоко. Скука здесь дело обыденное и на частных вечеринках, и на больших пирах. У нас от скуки играют, от скуки звают, от скуки бегают и непременно попадают на нее. Если же Кострома теперь все-

лится, так это дело случая, стечение разных непредвиденных и следовательно, не входящих в обыкновенный, всенедневный расчет обстоятельств».

Как бы то ни было, в Костроме при губернаторе В. Муравьеве театральная жизнь оживилась. Событиями стали спектакли, данные в пользу костромского детского приюта и бедных жителей Костромы. Несмотря на большие цены, билеты на спектакли были проданы задолго до спектаклей. Особенно поражает составом исполнителей второй спектакль, где были представлены «Женитьба» Гоголя, «Богатый холостяк и двое женатых», «Путешественник и путешественница» и разнородный дивертисмент. Кто принимал участие в этом спектакле?

Роль Подколесина играл Алексей Феофилактович Писемский, Кочарев - граф А. Д. Толстой, один из костромской ветви Толстых, к которому принадлежал и Федор-Американец. Морьяк Жевакина играл драматург А. А. Потехин, Феклу Ивановну - М. И. Готовцева, автор записок «Житье-бытье на Корге», сестра поэтессы А. И. Готовцевой-Корниловой. Агафью Тихоновну играла Екатерина Павловна Писемская, урожденная Свинкина, Яичницу - Колюпанов, Старикова - Н. В. Калачев. Это был цвет костромской интеллигенции. А какие были отзывы об игре! «...нельзя и опытному артисту вернее и лучше олицетворить этого нерешительного флегматика Подколесина, каким представил его г. Писемский. ...г. Писемский не играл Подколесина, а весь переродился в него».

«Хлопотун Кочарев (граф Толстой) был преуморителен и с таким искусством сморил публику он и морьяк Жевакин (А. А. Потехин) в первом действии, что вся публика разразилась единодушным гомерическим хохотом». «М. И. Готовцева в роли Феклы Ивановны была прелестна, не постигаю, где ей удалось перенять ухватки и увертки настоящих свях».

В 1855-56 годах труппа Соловьева и труппа Иванова объединились. Актер и антрепренер М. П. Медведев, не раз игравший в Костроме, сказал по этому поводу, что «образовалась талантливая и прямо хорошая, с ансамблем, труппа». Из актеров тех лет можно назвать Милославского,

Ленского, Bravo, Милославскую-Дмитрисву.

Николай Карлович Милославский (Фридебург), играя однажды в Костроме отца Моора в трагедии Шиллера «Разбойники», говорил в сцене выхода его из башни слабым голосом умирающего человека. Кто-то из публики крикнул:

- Громче!

Николай Карлович выпрямился и, обратясь в ту сторону, откуда слышался возглас, и произнес своим голосом:

- Умиравший старик громко говорить не может!

Потом он опять принял образ старца и продолжал роль прежним тоном.

Так описывал в своих воспоминаниях этот случай Н. И. Иванов, антрепренер. В жизни театра подобно считалось в те годы делом обыкновенным.

В конце пятидесятых окончательно созрело решение о постройке в Костроме нового здания драматического театра. Земля, купленная городом у полотняных фабрикантов Дурыгиных на Павловской улице, частично пустовала, и на этих землях рядом с Дворянским собранием по проекту архитектора Н. Григорьева началось строительство здания театра. Основным строительным материалом был кирпич закрытого и разобранного после пожара Богоявленского монастыря, который был куплен подрядчиками.

Строительство здания было закончено в начале 1863 года. Средства собирали всем миром, костромичи, меценаты, благодетели и просто обыватели пожертвовали немалые деньги, чтобы здание было не только украшением города, но и гордостью русской провинции. Среди жертвователей был и Н. А. Григоров, предок нашего незабвенного Александра Александровича. Костромской губернатор тех лет генерал-лейтенант Николай Александрович Рудзевич даже посетовал ему в письме, что тот много денег пожертвовал на просвещение и культуру, но забыл церкви и монастыри.

Театр был красив, но строился не специалистами, и, несмотря на восторженные отзывы прессы, представлял собой, по мнению современников, «каменный ящик, набитый деревом». Конная колесница, украшавшая

фронтон здания, как выяснилось позже, также была укреплена на деревянных стропилах.

30 июня 1863 года прибывший накануне в Кострому наследник цесаревич Николай Александрович (сын императора Александра II, умерший в Ницце через два года - Б. Н.) побывал в новом театре на любительском спектакле, данном в его честь.

4 октября состоялось торжественное официальное открытие нового театра, на котором присутствовали руководители губернии и цвет культурного общества города. Право первых представлений в новом здании получила труппа М. П. Васильева-Гладкова, актера-трагика, который, как и Н. Рыбаков, имел известность в провинции. Кроме этого, он был один из первых актеров, который стал одновременно режиссером, прекрасным организатором труппы. В Костроме его труппа насчитывала 20 человек, репертуар был в основном из пьес русской классики - Гоголь, Островский и другие.

В ночь на 10 октября 1865 года в театре случился пожар, и все недостатки строительства сразу выявились. Внутреннее убранство, оборудование и помещения выгорели дотла, колесница на фасаде рухнула. Специальная комиссия, занимавшаяся причинами пожара, докладывала Рудзевичу, что причина - неосторожное обращение с огнем. Но городские обыватели были уверены, что это Божье наказание, потому что при постройке здания использовался кирпич, полученный при разборке зданий и храмов споровшего Богоявленского монастыря.

Для восстановления здания потребовалось несколько лет, и тогда внутренняя планировка была значительно пересделана по сравнению с первоначальным планом, фасад стал сложнее. Эту планировку помнят те, кто бывал в нашем театре до реконструкции в 1958 году. Тогда, кроме партера, в зале был амфитеатр и ложи бенуара были только справа и слева, на третьем ярусе и на четвертом центральные места (над амфитеатром) также состояли из нескольких рядов, (амфитеатр и парадиз) и театр казался уютнее и вместительнее, да и дух истории столетней давности витал в зале.

## ТОВАРИЩЕСТВО НОВОЙ ДРАМЫ

В то лето я разбирала музейную коллекцию афиш, и они устилали весь пол - голубые и белые, розовые и оранжевые, зеленые и лиловые... То, что осталось от прежних триумфов и провалов, зрительского равнодушия, слез или смеха. Почти треть всей коллекции относилась к одному сезону 1906-1907 годов; их нельзя было не заметить: в верхнем левом углу мудрая сова простирала крылья над актерской личиной, а латинская надпись утверждала: «в единении - сила».

Все эти афиши принадлежали труппе «Товарищества драмы и комедии». «Дирекция - С.П.Неверина» - значилось ниже. Это имя мне ничего не говорило, а вот имена актеров товарищества - И.Н.Певцова, Н.Ф.Костромского, Е.Т.Жихаревой известны не только любителям театра. Пожалуй, самым популярным из них был И.Н.Певцов, актер-заика, преодолевший свой недостаток во время спектаклей, достигший (отчасти благодаря борьбе со своим недугом) высочайших вершин актерской техники. Уже после его смерти на экраны вышел кинофильм «Чапаев», и миллионы далеких от театра людей увидели его в роли белого офицера, игравшего «Лунную сонату».

О происхождении этой коллекции говорил документ, лежавший поверх афиш. Это была характеристика, датированная 1931 годом, когда очень многие должны были доказывать «чистоту» своего прошлого. Она свидетельствовала, что Александр Васильевич Карпачов с открытия читальни им.А.Н.Островского в Костроме, т.е. с 22 сентября 1896 г., принимал участие в демонстрации туманных картин, «когда фонарь освещался спирто-кислородным светом, то добывал кислород (1), а также помогал в постановке спектаклей для народа, и так - до выезда его из Костромы в 1910 году.

Вот оно что, актер-любитель! Отсюда и афиши - ведь



И.Н.Певцов

рядовой зритель вряд ли смог бы собрать такую коллекцию, афиши в это время не раздавались и их невозможно было купить...

Вот эти-то афиши и заставили меня заглянуть в 1906 год.

Столицы вскипали революцией, а в подмосковном Пушкино готовились к открытию первой студии при художественном театре. Опальный, «поперечный» ученик Станиславского - В.Э.Мейерхольд - репетировал Метерлинка и требовал забыть о быте и правдоподобию, а вместо них играть смерть и вечность.

Студия на Поварской не была открыта, актеры разъехались. Часть их уехала в провинциальную Кострому, которая, по словам путешественников, (...) «представляет вид патриархального, тихого города (...). Нет ни оживления, ни шума на улицах, жизнь в городе вялая, сонная» (2). Возможно, на этом выборе сказало влияние одного из мейерхольдовских актеров, Николая Федосеевича Чалеева, уроженца Костромской губернии (не случайно он взял сценическим псевдонимом фамилию «Костромской»).

И все же постреливали и в Костроме, хотя до столиц было

ей далеко. Второй год революции сказывался больше в ожидании перемен, публика была наэлектризована. В самых обычных пьесах искали политических намеков. Герои спектаклей отстаивали свою независимость, свое человеческое достоинство, а зрители подносили бенефисные адреса актерам с такой, например, надписью: «Не забывайте тех униженных и оскорбленных, которых Вы даете нам на сцене» (3). Каких-нибудь два-три года назад вряд ли «Без вины виноватые» были бы истолкованы таким образом. И.Н.Певцову была преподнесена лира из цветов с надписью на лентах: «Да здравствует искусство! Искусство не умрет также, как и свобода!» (4).

И все же по сравнению с Московской Кострома была «тихой пристанью». Она с благодарностью принимала как спектакли, поставленные в испытанных мизансценах МХТ, так и новинки, которые готовили к открытию студии на Поварской. «Вся обстановка пьесы на нашей сцене напоминала постановку в «Художественном театре» и можно с признательностью отнести к артистам, которые так удачно выполняют задачу - знакомить глухую провинциальную публику с новейшими произведениями и с новой школой драматического искусства» (5).

И действительно, «новейшие произведения» вряд ли удалось бы увидеть костромичам, если бы не «Товарищество драмы и комедии», и особенно И.Н.Певцов, следивший за европейским репертуаром; он поставил пьесы Зудермана, восстановил «Снег» Пшебышевского, который так и не увидел света рампы в театре-студии на Поварской. Однако, шли не только новинки, русская классика - Гоголь, Островский, Достоевский, Грибоедов, Толстой - соседствовали в афишах с Шекспиром и Ибсенем.

Ритм провинциальных гастролей известен: каждый вечер - новая пьеса, которую редко удавалось повторить.

Обычно случайные труппы, наспех набранные на актерской бирже, выбирали репертуар попроще, «позабористее», тем непривычнее была ситуация, сложившаяся в костромском городском театре в эти два сезона, начиная с осени 1906 года. Актеры не только брались за сложнейшие пьесы мирового репертуара, но и открыто заявляли в афишах: «Вследствие усиленных репетиций комедии «Горе от ума» рядового спектакля в четверг 14-го декабря не будет»(6).

И все же несколько конъюнктурных пьес увидели в те сезоны свет рампы. И.Н.Певцов писал об этом Константину Бабанину: «Дела наши идут не смотря на самое тихое время также блестяще, но репертуар немножко портится, ничего один не могу с этим поделывать. 2 с р а в н и т е л ь н ы х компромисса проскочили: Труд и Капитал и Шерлок Холмс» (7). Характерно, что в одном ряду с детективом поставлена пьеса с явными политическими аллюзиями - «Труд и капитал» Ярона. Сохранилась афиша этого спектакля за 10 декабря 1906 года. Названия ее частей дают исчерпывающее представление о пьесе: «1. Два полкуса. 2. Задачи социализма. 3. Забастовка рабочих. 4. Взрыв. 5. Торжество идеи.»(8).

И все же несколько пьес третьестепенных драматургов не могли испортить общего впечатления. В том же письме к Бабанину Певцов добавлял: «Елизавета Тимофеевна через меня обращается к Вам с громадной просьбой раздобыть в Москве тарантеллу из «Красного солнышка» - это нужно для «Норы», которая идет в ее бенефис. «Бенефис Е.Т.Жихаревой, жены И.Н.Певцова, состоялся 19 января (9). Успех актрисы в роли Норы был безусловным, публика отнеслась к ней «очень тепло, подносили цветы, во время первого бенефиса по всему зрительному залу летели карточки. Это было трогательно и приятно, - вспоминала Елизавета Тимофеевна, - ведь актер - большой ребенок и любит, чтобы его баловали»(10).

«Нора» стала для этой актерской семьи одним из самых

дорогих спектаклей. Представьте себе мою радость, когда из груды старых книг в библиотеке им. А.С.Пушкина я достала маленькую книжечку карманного формата, на титульном листе которой значилось «Ибсен. Нора», а список действующих лиц на следующей странице был дополнен пометками от руки: «Нора...Жихарева...Доктор Ранк. Певцов...»(11). Сейчас она вместе с афишей этого спектакля экспонируется на выставке «Кострома и костромичи» в церкви Спаса в Рыдах.

Пожалуй, наиболее «громкой» премьерой сезона стал «Доктор Штокман». Казалось бы, сюжет этой пьесы Ибсена был вполне мирным:



герой ее, врач Штокман, борется с «отцами города» за сохранение чистоты источника, из которого горожане берут питьевую воду. То, что мы назвали бы сегодня экологической проблемой. Однако, сам факт протеста, борьбы за общественные интересы воспринимался как символ революции.

Любопытный случай, произошедший в Костроме при работе И.Н.Певцова над этой ролью, описывает в своих мемуарах Е.Т.Жихарева. «Однажды утром до репетиции... я побежала к нему, чтобы отнести завтрак. На улице я его встретила, - он шел, не обращая внимания на встречных. Я подбежала к нему и сказала, улыбаясь: «Ларя, я несу тебе завтрак, куда ты так рано идешь?» Он отстранил мою руку и сказал быстро: «Оставь меня, я сейчас не Ларя, я доктор Штокман, понимаешь?..» и пошел дальше, оставив меня смущенную, растерянную, с корзиночкой в руке...»

2 марта 1907 года репортер газеты «Костромич» рассказал о том, как прошел бенефис И.Н.Певцова. Давали «Бесприданницу». «Спектакль шел с большим успехом. Бенефицианту была поднесена книга «Записки революционера» Кропоткина, в роскошном красном переплете, с надписью «Талантивому исполнителю доктора Штокмана И.Н.Певцову от группы местных пролетариев».

Сезон заканчивался, перед началом Великого поста подводили итоги, просчитывали перспективы. Оказалось, что художественный успех труппы не был поддержан успехом финансовым: убытки составили около 3 тысяч рублей, «хотя взяли на круг 25000 р. за сезон», тогда как прежние антрепренеры брали по 18-20 тысяч (12). Из шести заявлений, поданных на аренду городского театра в следующий сезон, городская дума предпочла заявление И.Н.Певцова, так как он «хорошо известен, как прекрасный артист по предыдущему сезону, обязуется вести репертуар исключительно литературный, а труппу артистов составить из интеллигентных сил, получивших специальное образование» (13). Единственное пожелание, высказанное думой новому антрепренеру, состояло в том, «чтобы он не допускал учащих к участию в спектаклях в качестве статистов, каковое участие может вредно отзываться на успешности занятия ими учебным делом».

Лето для И.Н.Певцова прошло в проработке художественной программы будущего сезона. Теперь никто не мог ему помешать в реализации самых смелых замыслов. За поддержкой он обращается к В.Э.Мейерхольду, который предложил новое название антрепризы, напомнившее Певцову о южных гастролях с Мейерхольдом в 1903-1905 годах: «Предложением фирмы «Товарищество новой драмы» Вы меня несказанно обрадовали, ибо и мне приятно открыть дело под тем флагом, с которым связаны все лучшие воспоминания о молодых годах» (14).

Открытие именно этого, а не предыдущего сезона было отмечено телеграммой Певцова Мейерхольду: «Открыли сезон. Дух любимого художника, воспитавшего нас, был с нами. Товарищество новой драмы» (15).

Главное, что обещал Певцов думе - «репертуар исключительно литературный» - он выдержал. «В Костроме меня крепко любят, и потому я осмелел», «полицимейстер здесь хороший», - писал он Мейерхольду (16), и это позволило ввести в репертуар впервые разрешенную пьесу Г. Ведекинда «Пробуждение весны», на пути которой по европейским сценам оказалось много препятствий со стороны цензуры.

Для Певцова эта работа была не только пробой новой пьесы, но и поиском новых возможностей театрального языка. Еще летом он писал об этой постановке Мейерхольду: «там ведь очень много картин, но, мне кажется, их можно ставить чуть ли не как в синематографе - на фоне какого-то экрана мелькают отдельные коротки сцены (...) какие-то невидимые для зрителя голоса читают художественно текст пьесы, а зрители видят ряд картин, иллюстрирующих это чтение...» (17).

Мейерхольд предлагал варианты решения этой пьесы, однако Певцов предложил собственное решение: «Спектакль импонировал публике своей срешеткой, эффектной быстротой в смене картин на темноте, в которой голоса не прекращались, т.е. 2 последние фразы предыдущей картины уже говорят в темноте, и следом за ними, еще в темноте, уже слышится первая фраза следующей сцены. Это выходит занятно» (18).

В том же письме он поведал Мейерхольду и о своем сражении с костромской публикой, которая оказалась «почти поголовно возмущена пьесой; десяток сильно хвалит. 2 господин (болваны) ушли демонстративно из зала, когда г-жа Бергман говорит: «У тебя не водянка, у тебя будет ребенок, деточка моя...»

И, хотя некоторые пьесы нового репертуара и пользовались поначалу успехом («Сегодня на «Бранде» аншлаг по возвы-

шенным ценам»), костромской зритель был напуган: «Бранд» вначале дал 650 руб., но публика недели полторы ходить мимо театра боялась (кончили спектакль в 2 1/4). Потом прошла «Смерть Тентажиля» по-студийному в точности, с участием Саца со всей музыкальной частью, и после спектакля устроил квартетное собрание в темноте. Сам слушал его и плакал, актеры (молодежь) говорили, что был «высокий» вечер, а публика смеется мне в глаза, говорят, что я приехал их обухом по голове бить. «Смерть Тентажиля» совсем отшибла публику. Потом забыли, стали ходить на «Чортушек» Амфитеатрова и пр.»

Однако Певцов не намерен был отступать. «Дуэль» со зрителем продолжалась: «Я объявил 10 спектаклей новой драмы после «Смерти Тентажиля». Со всех сторон передавали, что хотят прямо бойкотировать четверги, больше, мол, в четверг ни ногой, и действительно, даже в промежуточные четверги были сборы в 77, в 48 и в 97 руб. Вчера я их обманул, поставив пьесу, объявленную в проспекте как четверговую, в пятницу и не написав «3-й четверг новой драмы». Пришли на 400 руб., но, мерзавцы, поняли мой ход. Теперь на следующий спектакль ненавистного им жанра им будут всучивать билеты насильно, - я продал за 245 руб. «Саломею» и «Сестру Беатрису».

Уже к январю стало ясно, что победа оказалась за костромским зрителем. «Я не антрепренер и им больше не буду», - писал Певцов Мейерхольду. В своем заявлении в городскую думу он извещал, что «вследствие неудачно сложившегося для него в материальном отношении сезона, не имеет возможности расплатиться как с труппой, так и с кредиторами, и ходатайствует о сложении с него арендной платы за театр...» (19). Просьба думой удовлетворена не была «за неимением ввиду каких-либо исключительных обстоятельств, которые могли бы повлиять неблагоприятно на ведение театрального дела».

Провал был таким громким, что остался в памяти костромичей надолго. Именно о нем вспоминает С.М. Чумаков в своих «Воспоминаниях костромича» (20), - хотя, конеч-

но, это был не единственный неудачный сезон, но в воспоминаниях он оказался важнее многих блистательных гастролей и гастролеров. Причем этот парадокс характерен был не только для Чумакова. В 1924-25 гг. в Кострому приехал ученик И.Н. Певцова Б.Бабочкин. Он разговорился «о старых временах, о старых артистах» со старым театральным сторожем, которому было уже больше ста лет. «Андреев-Бурлак до сих пор мне три рубля должен, - со злобой сказал как-то Николай Иванович. - Певцов? А как же, помню. Он у нас тут сразу прогорел, и сезон не кончил.» (21)

Антрепренером Певцов действительно не стал, его ждали столичные сцены, громкие триумфы, в советское время - высокие звания. В одной из последних его работ актерский успех едва не послужил причиной отмены премьеры спектакля: его герой, ученый Бородин, так убедительно говорил со сцены бывшего Александринского театра о страхе, который связал всех вокруг. На дворе был 1931 год, год «великого перелома»... Через несколько лет, в ночь на 25 октября 1934 года актер умер после тяжелой болезни.

1) Костромской музей-заповедник (далее - КИАМЗ), КОК 10898.

2) Н. Андриев. Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме. М., б.г. С.74.

3) Ильярион Николаевич Пенцов. М., 1978 (далее - Пенцов...) С.123.

4) Там же.

5) Костромич. 1907. 17 февраля.

6) КИАМЗ, КОК 10866.

7) ЦГАЛИ, ф.2671, оп.1, ед.хр.79, л.1.

8) КИАМЗ, КОК 10872.

9) КИАМЗ, КОК 10879.

10) Е.Т. Жихарева. История моей жизни. Неопубликованные мемуары. Любезно были предоставлены автору дочерью Н.П. Певцова и Е.Т. Жихаревой, Т.П. Пенцовой.

11) КИАМЗ, КОК 31402.

12) Костромич, 1907. 24 февраля; 2 марта.

13) Журналы заседаний Костромской городской думы за 1907 год. Кострома. 1908. С.60-61. (далее - ЖЗГД).

14) Пенцов, с.72.

15) В кн.: Пенцов, с.271, телеграмма неверно датирована 1906 годом, на подлиннике (ЦГАЛИ, ф.998, оп.1, ед.хр. 2169, л.7) год не проставлен.

16) Пенцов, с.75, 73.

17) Пенцов, с.72.

18) Пенцов, с.74.

19) ЖЗГД, с.64.

20) Волга. 1989. № 12. С. 152.

21) Пенцов, с. 158.



Жительница  
Николо-Бережков  
Александра Михайловна  
ЗЕРНОВА:

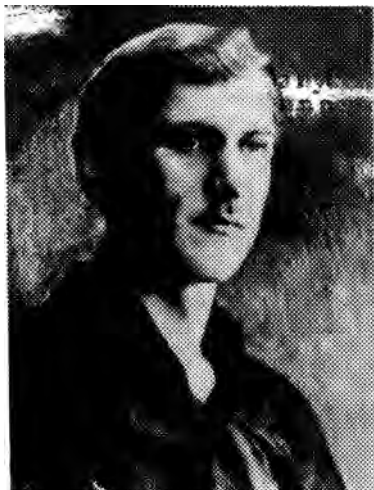
- Много забылось. Память плоха стала, но скажу одно, что Александр Николаевич хороший был писец. Писал он и в кабинете, и в лесу, сидя на лужайке, на берегу речки. Муж мой был дьякон. Голос у него был огромный. Все Островские ходили слушать его в церковь. А сам барин Александр Николаевич никогда в церковь не ходил. Он все театром занимался, представления разные репетировал. Доброй души был человек. Крестьяне на него не обижались. Он им лес давал бесплатно и косить разрешал в своих лугах и усадьбе. Лично у меня была большая семья: пять сыновей и три дочери. Островские нам помогали, покупали одежду детям, платили за обучение. Мне было 28 лет, когда умер Александр Николаевич. Жена его в это время с детьми была у нас в Бережках в церкви. Прибежал их работник и говорит: «Александр Николаевич скончался». Мария Васильевна, его жена, сначала не поверила, потом с ней сделалось дурно, страшно расстроилась. Похороны были важные. Знаменитые люди прибыли из разных городов. Речей произносили много, все заслуги нашего барина отмечали. А Мария Васильевна еще двадцать лет прожила, часто заходила ко мне погоревать о муже и все плакала, плакала...



Фото А. Петрова, 1946 г.

# Мария Калинникова

## ВОСПОМИНАНИЯ О ГОРОДСКОЙ ОПЕРЕ



М. Чумаков, балетмейстер.



К. Калинникова в роли Ксении («Борис Годунов»).



В. Сперанский в роли Шуйского («Борис Годунов»).

Вероятно еще многие костромичи помнят о том, что в Костроме когда-то в течение 5 лет существовала опера, организованная энтузиастами в искусстве - костромичами.

В конце 1919 г. в Костроме был организован малый симфонический оркестр при кинотеатре. Состав его - 7 человек, руководителем же был костромич А.А. Громов. Позднее, в 1919 же году, на должность дирижера симф. оркестра, который решено было увеличить, был приглашен из Москвы Федоров Борис Александрович (будущий дирижер оперы). Он тоже костромич, сын бухгалтера фабрики, рос и учился в Костроме, окончил Московскую консерваторию. Работал как дирижер в опере Зимина и концертировал.

В Костроме он принял оркестр и кроме того стал работать в нар. консерватории, где преподавал теоретические предметы, вел оперный класс и камерные ансамбли. Кроме того он принимал участие во всех концертах города и, совместно с участниками худож. самодеятельности при полковом клубе, уже начинал разучивать оперные отрывки и отдельные сцены («Евгений Онгин», «Фауст»). Борис Александрович Федоров знакомился с музыкальными и певческими силами Костромы, а также и с другими - приезжими, которые в то тяжелое время волею судьбы оказались в Костроме.

Осенью 1919 г. Б.А. Федоров поставил вопрос в театральном отделе губполитпросвета о возможности создания в Костроме оперы, получил согласие и стал набирать участников-певцов и музыкантов для оперы. Кто же были эти первые исполнители?

Леонид Александрович Федоров - брат дирижера, художник, после Костромы работал в Большом театре Москвы. Знаменский Александр Александрович - бас, сильный, мягкий и красивый голос. Учился пению в музык. классах Москвы, но не окончил. В Костроме работал учите-

лем. Он исполнял все ведущие партии баса.

Вдовин Федор Николаевич - военнослужащий полкового клуба. Голос его - баритональный бас красивого тембра, прекрасная дикция. Вдовин хорош был и по игре. Лучшие его роли: Борис Годунов, Эскамильон, Мефистофель.

Виноградов Иван Александрович - лирический баритон, ровный, красивый голос, артист и сам был очень красив. Хорош был в ролях Валентина («Фауст»), Эскамильон («Кармен»), Пикилло («Птички певчие»). Он тоже костромич, учился у местного преподавателя пения Ф.И. Покровского.

Сперанский Василий Александрович, костромич, 23 года, тенор. Очень хорош был в ролях комического характера как Мисаих («Борис Годунов»), дьяк («Ночь перед рождением»), старик («Птички певчие») и другие.

Розов Александр Федорович, 35 лет, врач. Голос - драматический тенор красивого тембра (как у болгарского певца Узунова). Он все время не оставлял своей работы врача и одновременно исполнял все ведущие роли в оперных спектаклях.

Маркова Зоя Михайловна - драматическая артистка в Костромском гортатеатре. Раньше где-то немного училась пению, а с созданием оперы в Костроме - вошла в состав труппы. Голос у нее очень красивый, играла прекрасно. Маркова была замечательная Кармен, которая запомнилась нам на всю жизнь.

Балетмейстером был приглашен Чумаков Михаил Михайлович - костромич 23 лет, учился в Москве. Приехал в Кострому в 1919 г. (из-за голода) к родителям. Здесь организовал балетную студию и уже вел занятия по подготовке «Вальпургисевой ночи». М.М. Чумаков - способный и хороший танцовщик, очень успешно и хорошо ставил всякие танцы и в опере и для концертов. Из числа его учениц некоторые стали профессиональными тан-

цорами и преподавателями танцев...

Оперный хор был 40-50 человек. Это учащиеся народной консерватории певцы духовных хоров, все с хорошими голосами, знающие нотную грамоту, способные и к тому же - энтузиасты в искусстве. Хор звучал очень хорошо, и потому все массовые сцены были полноценны. Руководители хора А.И.Магдалинский и И.А.Пернаткин - оба коренные костромичи, которых и теперь еще многие вспоминают...

Согласно договоренности с руководством культпосветотдела, опера должна была работать на условиях хозрасчета и самоокупаемости. Но все же город согласился давать небольшую дотацию опере.

Для постановок было предоставлено помещением гортеатра - 2 раза в неделю - по вторникам и пятницам. В эти дни в гортеатре шла опера, а в остальные дни - драма.

Ведущие артисты и руководство получали зарплату и небольшой паяк, хор и оркестр - мизерную зарплату (без пайка), билет, а некоторые работники работали бесплатно, так что фактически опера на 50 процентов работала на общественных началах, так же и режиссеры-постановщики спектаклей.

Все подсобные работники, обеспечивающие постановки и проведение спектаклей: рабочие сцены, осветители, костюмеры, парикмахеры, билетеры и др. - все они работали в счет своей зарплаты от основной работы в драмтеатре.

Солисты разучивали свои партии по квартирам, в фойе театра проходили занятия балетной группы. Хор и оркестр разучивали партии в различных помещениях. Когда все у всех готово - начинались сводные репетиции. Они производились в гортеатре, на сцене с 3 до 6 часов вечера так, чтобы освободить сцену для подготовки вечернего спектакля драмы.

Наконец 21 февраля 1920 г. начался театральный сезон костромской оперы. Для начала ставили сцену из «Фауста». Театр был полон, публика приняла спектакль хорошо. В газетах были положительные отзывы о спектакле, и, окрыленные успехом, участники решили осуществить постановку «Фауста» полностью

и одновременно начать разучивать новую оперу «Борис Годунов». За два с половиной года были поставлены оперы «Фауст» Гуно, «Борис Годунов» Мусоргского, «Ночь перед рождеством» Римского-Корсакова, «Птички певчие» Оффенбаха, «Русалка» Даргомыжского, «Кармен» Бизе. Костромичи любили свою оперу и с удовольствием слушали своих, давно всем известных сограждан, многие из которых, не бросая основной работы, превратились в артистов-певцов.

Оперы выдерживали постановки от 25 до 40 раз за эти два с половиной года и все время в кассе были сборы. Публика очень любила нашу оперу, а приезжие также отзывались о ней хорошо.

В марте 1924 г. в связи с отъездом некоторых участников оперы, а также и отказом в дотации - опера была распушена. Но все же она существовала до 1926 г., хотя постановки осуществлялись нерегулярно. Были приглашены другие певцы-костромичи: Кроткова-Лебедева, Иерусалимский, Покровский и др., а также голоса из Москвы на разовые постановки.

После ликвидации оперы в Костроме в последующие годы костромичи все же пытались вновь организовать певческие коллективы и ставить оперные спектакли. Так в 1927 г. в городе силами исключительно врачей была разучена и поставлена оперетта «Лисистрата», в которой участвовало до 70 человек. Она шла несколько раз в гортеатре и клубах и с большим успехом.

Позднее в 1938 г. силами художественной самодеятельности под руководством пианиста Н.В.Кохманского были поставлены оперы «Царская невеста» и «Алско». В их участвовали также одни костромичи, любители-вокалисты. После войны в 1947 г. в Доме учителя силами участников самодеятельности ставили оперу «Снегурочка» Римского-Корсакова, а затем в Костроме все заглохло. И уже многие годы никто не пытается ставить не только целые оперы, но даже и отрывки. Говорят: «В Костроме для этого нет возможностей и времени - нет». В 1920 году было возможно, а теперь - нет?

Кострома, 1978 г.



А.Розов в роли самозванца («Борис Годунов»).



Е.Маркова в роли Кармен.



И.Виноградов в роли Пиккилло («Птички певчие»).

В Государственном архиве Костромской области сохранились воспоминания Николая Федосеевича Костромского. Многие ценители театрального искусства знают это имя. Имя одного из самых известных русских актеров и театральных педагогов начала века(1).

Его подлинная фамилия была Чалеев, и происходил он из рода солигаличских дворян Чалеевых, известных в истории костромского края еще с начала XVII века.

Копию воспоминаний Н.Ф.Чалеева-Костромского его вдова Наталья Сергеевна Стоянова передала Виктору Николаевичу Бочкову, костромскому историку. Он же в свою очередь «поделился» ею с другим костромским историком-генеалогом А.А.Григоровым, так как мемуары Н.Ф.Чалеева - это своеобразная семейная хроника жизни костромских дворян Чалеевых и Готовцевых, их соседей по именням, таких, например, как Вальмусы, Марины, Катенины и другие. Это собственные воспоминания детства и юности актера, которые он провел в костромской усадьбе в 80-90-е гг. XIX века, записи его разговоров со стариками, впечатления от поездок в деревню, семейные легенды и предания.

Александр Александрович Григоров, в личном фонде которого и сохранились воспоминания, по архивным документам проверил «подлинность» многих семейных преданий, приводимых в воспоминаниях. Оказалось, что многое в них не выдерживает проверки документами(2). Но это ли важно? Так или иначе, но мемуары всегда субъективны. Они - слепок мыслей, чувств, взглядов личности автора. Важно то, что написаны они прекрасным русским слогом, спокойно, уравновешенно, неторопливо - так, словно автор неспешно везет нас в карете по полю, то лесом, то мы в русской усадьбе, то беседуем со стариками в деревне. Без сомнения, это художественное произведение со своими сюжетами, интригами, героями и злодеями.

Немного о самом авторе воспоминаний.

Николай Федосеевич Чалеев родился 23 июня 1874 года в Петербурге, в семье отставного морского офицера Феодосия Николаевича Чалеева. Мать Екатерина Дмитриевна была дочерью известного русского



адмирала Дмитрия Андреевича Всеволожского, кроме отца и деда моряками были и дяди Н.Ф.Чалеева: Геннадий Николаевич, участник Синопского сражения и обороны Севастополя 1854-1855 гг, скончавшийся от ран при защите Севастополя; Абрам Николаевич, так же умерший от ран в госпитале в Севастополе; Дмитрий Николаевич, окончивший морской корпус в 1861 г. Братья матери Всеволожские тоже были моряками. Поэтому неудивительно, что в ранней юности сам Н.Ф.Чалеев сделал попытку нелегально уйти в плавание юнгой. Он сам прекрасно поведал об этом в своих воспоминаниях. Но его судьба, к огорчению всей семьи и родни, сложилась иначе. Он стал актером, «комедиантом».

Сценическая деятельность Н.Ф.Чалеева, взявшего театральный псевдоним «Костромской», началась в 1902 г. в труппе В.Э.Мейерхольда. Вместе с ним он играл на сценах Херсона, Тифлиса, Севастополя, Николаева. Много раз бывал в Костроме. Через несколько лет имя Костромской было известно всей России.

В 1917 году Н.Ф.Костромской работает в Москве в театре Корша. В 1918 - в Малом театре, с которым была связана вся его последующая жизнь. Еще через год он начинает педагогическую деятельность в студии имени В.Ф.Комиссаржевской, потом в студии имени М.Н.Ермоловой, а

с 1932 г. в театральном училище имени М.С.Щепкина. Тогда же он начал писать воспоминания о своей жизни, о предках, о жизни дворян в Галичском уезде, где находилось доставшееся его отцу имение Готовцево, о родовом поместье Чалеевых Родионове в Солигаличском уезде, где во времена его детства и юности он часто гостил у бабушки и деда.

Трудно выбрать для публикации какую-либо главу, так как они все связаны между собой, к тому же общий объем рукописи значителен - около трехсот страниц.

Несколько особняком стоят записи рассказов и воспоминаний старого крестьянина Устина, бывшего крепостного Чалеевых и Готовцевых, который помнил не только крепостное право, но и участвовал в войне 1812 г. вместе со своим баринем Иваном Чалеевым.

Очевидно, Николай Федосеевич часто разговаривал с этим стариком, умершим в возрасте 107 лет, который был своеобразной редкостью, пользовался всеобщей любовью, сохранял до конца жизни ясный и живой ум, память, интересовался всем, что происходило в мире, и по всякому поводу имел свое собственное суждение.

Часть этих рассказов мы и предлагаем вашему вниманию. Отрывки из рукописи публикуются впервые.

Татьяна Войтюк.



## МЕМУАРЫ



ного прожил я лет, а вот жизнь нашел только у себя на огороде, подле пчел. Они мне нужны, а я им нужен. Слышал я много раз:

теперь лучше будет, вот, мол, то, другое. Царь помрет - наследник, говорят, больно хорош, уж так добер, ко всем доходчив, сам до народу ходить будет, сам до правды добираться хочет. А вот потом и не слышать его. Только в церкви за здравие поминают. А народ опять на дороге из-под рукавицы смотрит - не видать ли чего. Все на глазах меняется, а сути для христианства нету.

Вот, твой родитель - барин, генерал, а против твоего прадедушки куда, как прост, ни то, ни се(3). При знании большом, сколько, сказывают, морей исходил, сколько стран всяких изъездил, всяких наук сколько превзошел, а к примеру взять, в церковь придет, среди мужиков к сторонке встанет, и не слышать его. А прадедушка твой, Кондратий Федорович, - Боже мой!(4). Далеко ли до церкви, а пеший не пойдет. Сперва что ни на есть параднейшую карету со стеклами, шестерней, под барыню с барышней. Форейтор, кучер, с ними лакей, на запятках двое, да по сторонам коней по два на лошадях с султанчиками, да так шагом до церкви и прошествуют. В церкви лакеи народ растолкают, и барыню с барышней на барское место поставят. Как встанут - сейчас часы начинают. Часам отходить - под барина четверню подают. Одежа была в те времена не куца, нынешняя. Летом, бывало, в храмовой или другой какой большой праздник, выйдет барин садиться - картина! На голове пудренный парик, на шее кружевная, жабой называлась, камзол золотом шитый по желтому, либо белому полю, с самоцветными пуговицами, штаны до колен, белые, шелковые, чулки шелковые, туфли ясной кожи с са-

моцветными пряжками и с красными каблуками, а сверху кафтан желтый, либо зеленый, золотыми ветками шитый, и шпага на левой ноге, рукоять ясная, золотая, и самоцветами украшенная.

Как барин в карету - на колесных «во вся». Барин на рысях, степенно войдет в церковь, к большим иконам приложится, обернется к народу, поклонится истово, и народ ему не хуже того. И войдет на свое место и рядом с барышней встанут. Как встанут - так сейчас дьякон и резанет: «Миром Господу помолимся...» и хор грянет - свой, крепостной, обученный.(...)

Кондратию Федоровичу все кланялись, а которые из своего же брата, в низшем звании, безо всякой чести болтались. Который мужик, как сытый мерин похаживал, дом у него от добра распирало, скотину убирать было некуда, всего сила была непереводная, вековечная, а рядом рваный, голодный, битый, замурзанный и обобраный. Почему так? Непорядок в жизни. Правильности в этом нет.

В Углевсе был доктор. Барыня Марья Васильевна Куломзина (5) больницу у себя охлопотала. Прислали доктора какого-то, из ссыльных, что ли. Хороший был человек к народу, по всем линиям, и лечил подходяще, и обходительный был, а с полицией, стало быть, у него неприятности. Ко мне он бывал частенько, когда по дороге завернет, когда нарочно крюку сделает. На мои годы дивовался. Видишь, говорит, слышь, зубы все, редкое, говорит, долготесие. А мне в те поры еще ста не было. Ну, заходил ко мне доктор этот чаще летом. Все больше мы с ним на огороде, около пчел - интересовался он ими. Дай, говорит, сердце у тебя послушай. Ну, слушай, коли дела нет у тебя другого. Наставит трубку: дыши, говорит. Пальцами стучаст. Эко, говорит, у тебя сердце. Во всем уезде нет другого подходящего.

- Ну, ладно, сердце, так сердце... А ты вот мне скажи лучше, за что у тебя с урядником знакомство идет? - спросишь его шуткой.

- Это, отвечает, длинная история.

- А ты покороче, ваше благородие, да попонятнее, потому что я человек темный.

А вот, говорит, за то у меня с урядником знакомство идет, что хочу я, да и не один, а много народу хочет, чтоб на свете не было ни благородиев, ни темных людей, а все бы жили хорошо, по совести и в достатке.

- Ишь ты, ловко задумано... И в достатке, и по совести. А по чьей совести?

- По общей, народной, мирской совести.

- Милый человек, да мирскую совесть за два ведра водки купишь, - скажешь ему.

- Совесть не купишь, дедушка, ответит доктор. Бедность, страх, неволю, грех - купишь, а совесть не купишь. А через много годов ни бедности, ни страху, ни подневолья и греху и места не будет. Тогда и жить будет хорошо. Совесть будет законом.

- Что ты? А урядник сердчат на тебя за это самое?

- Серчат.

- А вы бы, парю, поговорили, может это ему по мысли будет?

- Которые говорили, делали пробу...

- Ну и что?

- Ну и всшали...

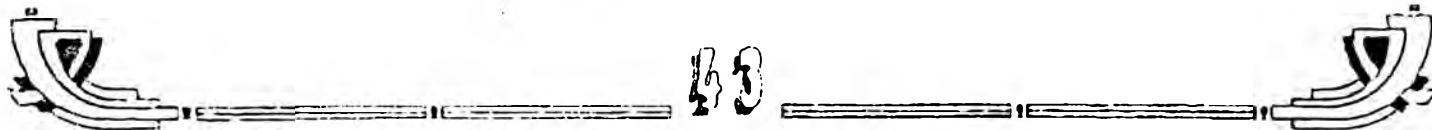
- Урядников?

- Нет, не урядников, а тех, вот что говорили.

- Почему такому, интересуюсь.

- А потому, отвечает, - что там, где общий достаток, да совесть круговая да благородиев нету и про темноту позабудут - так там и царю делать нечего будет.

Послушаешь, послушаешь доктора этого - иной раз и тоска нападёт. Ей-ей. Думаешь, что же это на свете делается? Для того ли живут, для чего надо? Я свой иск



прожил - не жалуясь, а вот на что он ушел - неизвестно, на пустяки, всё в горсть соберешь, да в портки и в кафтан сунешь, и не видать.

Про Пугачева он сказывал. При мне, почитай, дело это было. Разбойник и разбойник. А он, доктор, говорит, много Пугачевых еще будет, на разные манеры, и какой анафемой их не страшат, а они на свою колодку народу жизнь перекроют обязательно. Сколько говорю, ни видал всего такого разного - все это проходило, и хорошие люди, и злые, и ничего по себе не оставили. Земля - землей, и будет, и у дела своего только покой и найдешь, коли дело это хорошее. Вот служу пчеле, а она мне служит, и понимаем мы друг дружку. Я вам не мешаю, а вы мне не мешаете. А то это не жизнь, а требуха.

- Так, говорит он, и улитка думает, сидя в ракушке. Сидит у себя в реке. Я вам не мешаю, а вы мне не мешайте.

- Ну, мол, это дело такое, а вот Марья Васильевна больницу построила, тебя в доктора пригласила - лечи, мол, христиан - плохо что ли? Хорошо. Дело доброе и все так было и будет.

- Дедушка, говорит, все это требуха и больше никаких. Помрет твоя Марья Васильевна, а сын ее все это маткино завесение нарушит, все ее добрые дела уничтожит, а на месте больницы кабак откроет...

Вот тебе и доброму делу конец. А надо такую стройку завести, чтобы она не нарушилась, а возростала, за собою новое добро вела и укреплялась изо дня в день все крепче, да лучше - вот тогда и жизни новой, праведной начало настоящее придет.

- А Бог что говорит?

- Который?

- Да наш.

- Ну, Бог говорит, что ему прикажут, за ним урядников всяких побольше, чем за мною скачет... Ты, говорит, старик, Бога своего и впрямь около пчел своих поищи, не скажет ли он тебе чего настоящего.

Вот, милый ты мой, доктор то мне как все это сказывал. И впрямь за нами прошло много всего, а чего это всего - и не видать. Разве после что будет. Молюсь, чтобы мне свой век дожить не погано, чтобы людям терпелось полегче, чтобы хомутом холку не сбило, а клещи в дышалку не подпирали бы. Да, в большие сумне-

ния приводил меня этот доктор, а по делам его, вижу, что хороший. Говорит будто все как-то супротивно, а вот делает все полезное. Года три жил он в Углевсе, а потом угнали его куда-то по распоряжению начальства. Сказывал волостной писарь наш, холмовский, Стригалов по прозванию. Так сказывал: - За вредные внушения всяких мыслей переведен в места не столь отдаленные. Не знаю, где места эти находятся, будто что за Вяткой где-то. Стригалов сказывал, что он де сицилист, а там им самое покойное место.



огда померла твоя бабка Аграфсна, Николай Александрович остался еще мужчиной в самом вспрыске, ему было в то время не больше сорока пяти годочков (6). Ребят куча мала, еще около ног терлись, а которые постарше уже в людях жили. Старшая твоя тетка замужем была, в Ярославль выдали. Иван Николасвич офицерствовал, тоже со своим полком в Ярославле стоял. Озорник был, покойный стоял (7). Из себя - картина, черноватый, кучерявый, усища кольцами, глаза такие ласковые. А до бабьего пола слабость имел непомерную. В те поры, сказывали, с Ярославской губернаторшей путался. Знатная была барыня, и годами против него много солидней, а дяденька твой этого во вниманье не брал, у него все виноваты бывали. В Ярославский женский монастырь затссался.

История была на всю губернию. Игуменья обиделась, она из каких-то высоких родов была, до ангельского своего чину, стало быть, в миру, значит. Архирей тоже на ножки вскочил, подбоченился и петушком залстал туда и сюда к губернатору, и к прокурору. Ивана Николасвича к ответу, к губернатору. - Как же это вы, молодой вьюноша, а такие охальства допускате: блудным озорством инокини святых пужаете, с соборными высокочтимыми матерями Феклиссой и Филарстой пятый день трясение телесное не прекращается, и языки уж новость что городят. Да знаете ли вы, несчастный вьюноша, что вы только потому не казнены, что казни вашей, столь незначитель-

ного чину, еще придумать не могли. Владыко в ярости, игуменья - того пуще, прямо ко двору, говорит, писать буду, во дворец, чтобы сам император в этих блудах разобрался. Посздайте, говорит, несчастный вьюноша, и к владыке, и к матери игуменье и улещивайте их, а то придется вам солдатской каши покушать.

Дядинька к владыке. Не допущает до себя, по келье ходит. Взывает наш озорник на весь архирейский дом. Семь раз по семь, говорит, господи повелел прощать вину, а это мне первая. Положенье правильное!

- Впустить! - говорит архирей.

Дядинька в присмной бух на колени и пополз через гостиную архирейскую, к нему, в крестовую горницу. Ползет, только задом наперед, «раком».

Келсйник растворил дверь к владыке. Тот глянул и в понятисе взять ничего не может.

- Ты чего это задницей ко мне лезешь? - спрашивает недоуменно.

- А потому задницей, - отвечает, что недостойн взирать на ваши преподобные очи.

Ну, видит владыко, действительно человек смирился и раскаялся.

- Иди, говорит, - к матери игуменье и перед ней изобрази кротость свою, но благопрстойно. Гряди с миром.

Дяденька к игуменье, шасть - но по-другому. Обтянулся в мундир, раздавился всякими запахами, глаза луком натер. Слезы - как из ведра.

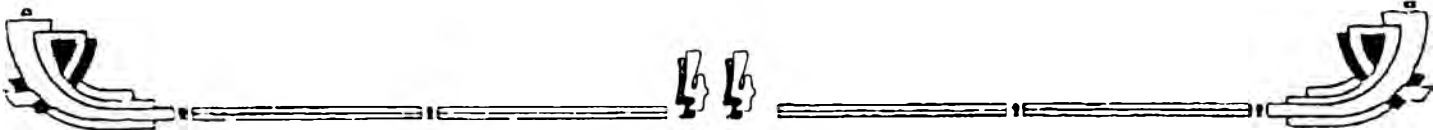
Под благословение подошел, ручку облобызал.

- Я, - говорит, сирота, матушка у меня три года, как померши. Каково без матери жить на свете? Вот и не остерегся, и от винного одурения невежество это сотворил.

Долго мать игуменья дяденьку прочесывала и всячески пугала, ну, а потом, глядя на его просыхающие слезы, подобрела и стала так, вроде бы по родственному материть поласковой, да все ласковой, и под конец говорит:

- Бог де с вами, пожертвуйте что-нибудь на монастырь, и квити, мол, будем.

Через неделю, в базарный день, дяденька послал в монастырь воз люлек, все скупил на базаре.



Архирей, говорят, по дивану катался - колики у него от смеху случились. Басы из архирейского хора по очереди сго, владыку, оттирали.

Игуменья опять было губки надула и за письмо к императору взялась, да сам архирей ее отговорила.

Человек дяденькин, камердинер Федосей Иванович все это нам рассказывал про все эти делишки. Хохотали мы вдоволь.



дна была беда с дедом. В карты у Марина и у соседнего барина разбаловался. И проиграл он Марину не одну тысячу. Должно быть, Николай Александрович, царствуй ему небесное, выпимши был на тот раз.

Марин к нему: - сыграем, говорит, на твоего садовника. А садовник тот был на всю губернию, в Питере у царского обучался, Климентием Игнатьевичем звали сго.

- Давай, - говорит барин Марин, - сыграем на твоего Климента. Либо все тебе отыграст, либо я сго выиграю и тогда весь старый счет похерим. И согршил дед твой, на живого человека сыграл и проиграл сго барину Марину. Домой как приехал, только у утра очухался. Так за голову и схватился! Батюшки мои, какую же я муку наделал!

Но как ни вертись, а слово свое дворянское держать надо. Позвал он Климента Игнатьевича и на колени перед ним стал. Так и так. Заплакал барин, а Климентий и того пушч.

- Ну, говорит, ничего. Служил я и вам и папеньке вашему, теперь послужу и барину Марину.

Семья сго осталась в Родионово - потому только на одну душу Климентьеву играли.

Вот и принялась Анна Ларионовна за деда (8). Уж она сго парила, срамила, срамила. Александра Васильевна только вздыхает, да глаза платочком вытирает, а Анна Ларионовна дедушку твоего словами, словно пестушок наскокивает, да в темечко, в саму-то маковку и долбит, и долбит, и все из писания, а то каким-то жупелом пугает, так и шандарахает. На ключ дедушка от них запирался, и наскокивал на них как не в себе, и ногами топал,

и кричал на них до звериного хрипу. Но все-таки смирился, образ со стены снял и побожился, что жив не будет, а Климента своего откупит обратно.

Но сколько ни закидывал удочку к Марину - тот и слушать ничего не хочет.

- Да я, говорит, соседушка, может несколько лет не спал, с тоски по твоему Климентию, потому что другого такого мастера по садовой науке нет нигде, разве только у самого царя в Царском селе. Умсня в голову колом село, чтобы в моем Приятном винограды обязательно произрастали, и разные там ананасы, потому что это и есть настоящая господская пища.

Как дедушка ни умаливал, как ни улещивал Марину, - дело не выходило. А Марин еще над дедом ломался - выгибался. - Раньше бы я, может быть, еще подумал, а вот теперь уж оранжереи строить зачал и потому не могу и не могу, и пожалуйте, мне не докучай с этими пустыми разговорами.

Тут дедушка твой тоже поднялся. - Ах ты, говорит, сукин сын! - После всего этого, говорит, ты не дворянин, а настоящий сукин сын! Выходи-ка в лес, и давай стреляться из пистолета, пока кто-нибудь из нас не помрет.

Марин палить из пистолета отказался и жалобу на деда подал губернатору, что мол, дворянин Николай Александров Чалесев, сго, дворянина Марина, всякими поносными словами обесславил на вечные времена и к тому пистолетом сго пужал и выманивал сго, Марина, в лес, чтобы там совершить над ним убийство.

Пока Марин занимался кляузами, пока шли суд да дело, да то, да се, в свою вотчину Чухломскую был из столичных городов прислан на проживание некий военный, или офицер что ли какой, дворянского звания, Катенин по фамилии. Сказывали, что он перед императором какос-то несвещество сделал, а уж доподлинно что - этого я тебе сказать не могу.

Столичный господин от скуки допущал иногда до себя соседей помещиков. И Марин в первую голову там как есть и раз. То, да се, и в картишки тоже у Катенина от скуки баловались. Однажды, видно не в добрый час, Марин в такой азарт вошел, что проиграл Катенину немалые деньги.

- Вот, говорит, получите, что есть со мной, а остальные пять ты-

сяч подождите два дня. Предоставлю их Вам, но сейчас со мною таких денег нет.

Катенин сму в ответ: - Хорошо, мол, через два дня надеюсь Вас видеть у себя, а теперь не задерживаю Вас.

Марин туда-сюда. До получения оброка еще долго. И с мужика как шкуру ни дери, - в два дня пять тысяч не соберешь. К помещикам бросился - к одному, к другому... не дают, потому что этого самого Марина не больно-то уважали. Что делать-то? Две дороги - либо в лес, на осину, либо к деду твоему, с повинной.

Приехал в Родионово. - Выручай, говорит, Николай Александрович.

- А когда срок платежу? - спрашивает дед.

- Завтра, в полдни, - отвечает Марин.

- Ладно, выручу. Только пиши сейчас же домой записку, чтобы Климентия немедля ни минутки собирали и немедля высылали бы со всем сго скарбом сюда, в Родионово. До тебя три часа ходу на хорошей тройке. Час на сборы, три часа назад. Сейчас три часа. Пять минут тебе на раздумье. Пятнадцать минут закладывать будут. В половину одиннадцатого вечером сегодня Климентий через этот порог шагнет - и тебе пять тысяч, а ты мне - запродажную записку, что такой-то мол, мой человек крепостной, продан мною дворянину Николаю Александровичу Чалесеву и тому подобно.

- Как это? Как же так?

- А вот так... Пять минут подходят к концу. Решай же!

- Согласен! - сказал Марин.

- Очень хорошо. Эй, запрягать тройку самую уносистую в ковровые сани и гнать в Приятное, в имение господина Марина с запиской, которая сейчас будет готова, и привезти сюда, в Родионово, прежнего моего слугу, Божию милостью вновь ставшего нашим слугой, Климента Игнатьевича. Да послать в село Жилино восточку, что к десяти часам вечера причт одного села в главе с отцом Григорием просим прибыть в господский дом усадьбы Родионова, принадлежащий ротмистру в отставке Николаю Александровичу Чалесеву, для совершения благодарственного молебна, а теперь, соседушка мой любезный, прошу к столу, чем Бог послал, закусить, так как ча-

сы сейчас у нас обеденные, потому что живем мы на городскую статью.

Что сказывал нам Федосей Иванович - то и я тебе сказываю. Видишь, сынок, какие времена-то были. Свободы среди людей не было. Вот, хороший был человек твой дедушка, доброте его все дивились, и даже иной раз считали его за блаженного какого, а вот поди ж ты! И он натворил было делов со своим же человеком. Хорошо, что так обернулось дело это, а могло бы и не обернуться.

Ну, употчевал твой дед Марина-то. Тсперь, говорит, пойдем шары покатаем - игра такая была у него. Забавляются, шары палками подталкивают. А сами на часы поглядывают.

Не было еще половины одиннадцатого, как загремели колокольчики под окнами, забрякали бубенчики у крыльца.

Подкатила тройка с гостем дорогим. Вся дворян выпала встречать.

И семейство дедушки твоего, дети-то уж были на возраст. И духовенство в ризах. Вошел в залу Климентий Игнатьевич, а ему с другой стороны навстречу

Николай Александрович. Обнял всенародно, трижды с ним облобызался, а потом земно поклонился, рукою до самого полу достал, и громко, чтобы все слышали, сказал:

- Прости ты мой грех, Климентий Игнатович. Великий праздник у меня на душе сегодня, потому что вернул я тебя, моего верного слугу, обратно к твоей семье и на свою родину. С сего числа ты и семейство твоё - вольные люди и вольны жить, где хотите, и будет вам от меня всякая льгота и содействие на ваше устройство на вольной жизни, о чем в скорейшем времени, в городе, в надлежащих тому учреждениях в подтверждение всего сказанного, актами скреплено будет.

А теперь, барин Марин, пожалуй мне запродажное письмо ваше об известном вам предмете, а это вот - примите от меня надлежащие к сему деньги в числе пяти тысяч серебром. А тебя, отец Григорий, прошу сейчас отпеть благодарственный молебен по сему случаю благополучного завершения всех этих прискорбных

дел. Вот, милый мой, какие на свете истории происходят. Только поглядывай, а поглядеть есть что.

#### Примечания:

1. ГАКО, р.-864, оп.1, д.416.
2. Там же. Д.415.
3. Феодосий Николаевич Чалеев, отец автора воспоминаний, родился в 1836 году, окончил Морской корпус, окончил службу в чине генерал-майора флотской службы. В наследство получил родовое имение Готовцевых Спасское-Готовцево.
4. Кондратий Федорович Готовцев (1725-1795) к концу жизни имел чин надворного советника, служил в Костромском наместничестве.
5. М.В.Куломзина. Очевидно, речь идет о М.В.Куломзиной, урожденной Исаковой, жене Петра Николаевича Куломзина. Они владели усадьбой Углево в Галицком уезде.
6. Николай Александрович Чалеев родился в 1792 г. в усадьбе Родионово. Был женат два раза. Первая жена - Агриппина (в воспоминаниях Аграфена) Алексеевна Рожнова. Вторая - Аграфена Степановна Юрисова, из дворянских девок, вольноотпущенная.
7. Иван Николаевич Чалеев, родился в 1825 г., впоследствии генерал-майор, начальник Костромского губернского жандармского управления.
8. Анна Ларионовна - крепостная Чалеевых, пани.

## ИМЕЕМ СООБЩИТЬ



**ПРЕДКИ** Александра Островского все были священники, род Островских происхождением из Костромской губернии. Дед, Федор Иванович, был протоиереем в Благовещенской церкви в Костроме. Овдовев, в 1810 году он переехал в Москву и постригся в Донском монастыре под именем Феодота. Впоследствии он принял схиму, пользовался необычным уважением монастырской братии. Федор Иванович скончался в преклонных летах 5 декабря 1843 г. и погребен близ северного храма Донского монастыря.



В **КОСТРОМЕ** Островский часто гостил в доме дяди, Павла Федоровича Островского. Тот был священником и ключарем Костромского кафедрального Успенского собора, членом Костромской духовной консистории. Далеко за пределами Костромы стали известны его краеведческие сочинения, которые публиковали и столичные издания. Это: «Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора», «Описание библиотеки Костромского Успенского собора» и другие.



**ПЕРВЫМ**, кто «изменил» духовному сословию, был отец драматурга - Николай Федорович Островский. Окончив курс в Костромской духовной семинарии и затем в Московской духовной академии, он избрал другую стезю, определившись на службу в канцелярию общего собрания Московских департаментов Правительствующего Сената. В первый же год своей службы он женился (9 апреля 1820) на дочери просвирни церкви св.Николая, что была в Покровском, Любови Николаевне. Два первых сына от этого брака скончались младенцами. Александр Николаевич был третьим сыном и первым, обещавшим долговечную жизнь. В доме дядюшки церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы, что между Малой Ордынкой и Голицыным переулком в Замоскворечье, в четвертом часу утра в субботу 31 марта 1823 года на четвертой неделе Великого поста и родился будущий великий драматург.





## «КОГДА Я ВЗОШЛА В ТЕАТР...»

Не так давно в церкви Спаса в Рядах открылась новая экспозиция музея-заповедника «Кострома и костромичи», позволяющая подробнее говорить о костромских театрах 1900-х годов. Вот два тетрадных листочка, заполненных от руки, карандашом, человеком, не слишком знакомым с правилами правописания:

«Когда я вошла в театр, то мне было очень жутко. Я сидела в купонах. Когда я вошла, то уже музыка играла. Я точно сумасшедшая на всех взирала. Конечно, я скоро огляделась и все поняла. Слышу за занавесом звонок. Публика начинает рукоплескать. Потом второй и третий. В конце концов вдруг занавес поднимается. Я вижу на сцене и женщин, и мужчин, я не могу понять, что это такое. Но, конечно, мне очень понравилось, и я скоро все поняла и вошла в те чувства, которые хранятся у меня до сих пор.

...Я очень полюбила театр, что не знаю, как и сказать, какое чувство овладело мной. В конце концов я даже сама стала играть и славилась повсюду, только и слышно везде, что Катя Каткова.

Меня это очень влекло, я ото всех слышала, что у меня талант очень большой, но не обработанный. А кто мне даст образование, я не могу его получить...»

Воспоминания этой девочки, дочери селищенского сапожника, позволяют взглянуть на костромской драматический театр начала века ее удивленными глазами.

Билет в костромской театр ей дала А.Г.Перелешина. Именно она вместе с сестрой - М.Г.Купряновой и другими обитателями усадьбы Мягковых в Селище организовала спектакли с участием крестьян и для них. При жизни Н.К.Михайловского это делалось при его содействии. И не случайно, должно быть, Е.С.Каткова иногда играла под псевдонимом «Михайловская». Ставили в основном А.Н.Островского, водили с пением, «пьесы из народной жизни».

Именно такой спектакль по пьесе третьего степенного драматурга Л.Р.Антропова можно видеть на фотографиях, которые вместе с воспоминаниями и программками передала дочь Е.С.Катковой - Н.М.Яскевич.



Е.С.Каткова

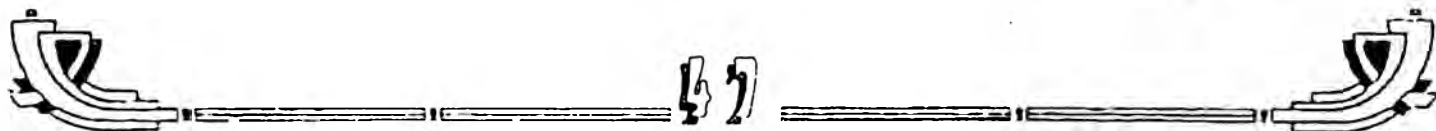
Пьеса называлась «Гусли звонкие». В ней была любовь, измена, ревность, смерть «изменника коварного», а еще - сказочный антураж «боярского» быта, песни и танцы. Катя Каткова играла главную роль боярской дочери Любы. По снимкам можно судить о бесспорном сценическом обаянии девушки. Видимо, непосредственность исполнителей искупала недостатки драматургии.

Е.С.Каткова вышла замуж незадолго до империалистической войны, уехала из Селища в Кострому и играла в разных труппах, уже под фамилией Зотова. В голодные двадцатые годы за эти выступления давали пайки, что хоть и смного поддерживало семью.

Лариса Силонова.



Сцена из спектакля «Гусли звонкие»



ГОВОРИ, НАПЕВАЙ О ЛЮБВИ НЕГРОМКОЙ...

В биографическом представлении Сергей Потехин, наверное, не нуждается. Он поэт - и потому весь в своих стихах. Самородок, чудаки, артист - говорят про таких. Если придерживаться последнего определения, применимого к театральному номеру, то лирика Потехина и улыбочива, и драматична. Достаточно вспомнить стилистику уже в сущности хрестоматийными строки о пасылке, который не может понять, почему он сорняк, или об отце, штрафная рота которого лежит в заднепривольских болотах.

В «Губернский дом» Сергей прислал новые стихи, как он сам написал, еще свежие. Читаясь их одновременно с радостью и печалью: вопреки житейским трудностям сохраняется в российской глубинке этот искренний и чистый поэтический голос, но не многие сейчас могут его услышать.

Когда-то, в конце 70-х, на совещании молодых писателей Черноземья, где Сергей Потехин дарил знакомым и незнакомым людям сделанные им самим глиняные свистульки, его увидел руководитель Рязанской писательской организации Луатолий Сенин. Увидел, послушал и сразу сказал: «Это поэт. Божьей милостью. Нам бы такого...»

Вот и сегодня, через 15 лет, что еще к этому можно прибавить? И остается только согреться мыслью, что такой он - не в Рязани или Калуге, а у нас, в костромской стороне.

Николай Мурешин.



Сергей Потехин. Галичский район, деревня Костома. Фото Сергея Калинина.

*К сентябрю синий май  
Прислонился кромкой.  
Говори, напевай  
О любви негромкой.*

*Я скучал, не стучал  
Ни в какие двери.  
Голос мой не звучал  
В здешней атмосфере.*

*Синий май распахнул  
Ставеньки резные,  
Затянул, окунул  
В омута лесные.*

*Есть и мёд, и вино  
У весны в хоромах.  
Залетают в окно  
Лепестки черемух.*

*Вот беда так беда:  
Из какой корысти  
Обожгли холода  
Молодые кисти?*

*Где-то в жизни иной,  
У тропы звериной,  
Были мы бузиной,  
Были мы малиной.*

*У тебя, у весны  
Помыслы невинны,  
Как у той бузины,  
Как у той малины.*

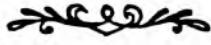
*Жаль, не вечна пора  
Ландышей, морошки.  
У какого костра  
Станем греть ладошки?*

*Я тебе говорю:  
- Не кори природу,  
Подари сентябрю  
Майскую погоду.*

*На кустах, на мосту  
Серебрится иней.  
Карамелькой во рту,  
Тает май мой синий.*

*Снегом лягут года,  
Путь откроют в бездну.  
Я тогда навсегда  
Пропаду, исчезну.*

*А пока облака  
Словно пух лебяжий,  
Принимай, синий май,  
В гости дух бродяжий.*



Больше года ждал я лета  
И дождался наконец,  
Только лето для поэта  
И награда, и венец.

Знойным пламенем июля  
На корню поджарен гриб.  
Твой купальничек из тюля  
К телу потному прилип.

Лучше скинь его, не майся,  
Прислонись ко мне плечом.  
Интересно, у Чубайса  
Нынче акции почём?

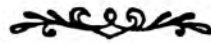


Апартаменты падишаха,  
А не собачья конура.  
Входи без стука и без страха,  
Да будет честною игра.

В кругу встревоженных  
наложниц  
Ты не теряешься, о нет.  
Таких талантливых художниц  
Еще не видел сельсовет.

Ну, поглядим, какая карта  
Упала крапом на постель.  
Рисуй меня как Леонардо,  
Пиши меня как Рафаэль.

Я самый нежный, самый добрый,  
Но иногда бываю крут:  
Изобразишь красавца коброй,  
С картиной вместе брошу в пруд.



Земля не ваша: божья.  
Простите, господи,  
Ее засеять рожью  
Невредно иногда.

А кто земельку пашет?  
Конечно, не буржуй.  
А кто руками машет?  
Глаза свои разуй.

Не станет чистоганом  
Родной «нечернозем»,  
Матросика с наганом  
В бригаду не возьмём.

Не надо комиссаров,  
Не надо и господ.  
Пока савраска старый  
Не писает в компот.

Засеем десятину  
Пшеницей да овсом,  
Заставим всю скотину  
Катиться колесом.

Непросто в бездорожье  
Проехать напрямик.  
Надеюсь, воля божья  
Не заведет в тупик.



На чье плечо опереться?  
Услышь меня, родня.  
Устал, ребятки, греться  
У звездного огня.

Пожертвую немногим,  
Теряя лишний вес.  
Нет милости к убогим  
У жителей небес.

Кого мы беспокоим,  
Срывая их режим?  
Я в небе был изгоем  
И на земле чужим.

Пускай на шпагах бьются  
Спешащие к рулю.  
Налейте чаю в блюдце,  
Я так его люблю.



Последний порыв леденящего  
счастья,  
И тронется в путь вороной.  
Жасмином дыша, я сжимаю  
запястья  
У кофты твоей продувной.

Безбожное лето, тревожные  
встречи.  
Все призрачно в мире людей.  
В траве придорожной лежит,  
незамечен,  
Платок твой - цветок чародей.

Исчезнешь за дымкой, в тумане  
растает,  
В огне светофоров сгоришь.  
Я стану преданьем, какого  
не знаешь,  
Пылинкой над скопищем крыш.

О, как ты грустна, бледнолика,  
однако.  
Не мыслю глаза отвести.  
Чужая жена - не чужая собака.  
Какого ж нам бога трясти?

Пребуду в надежде, хотя  
не уверен,  
Смогу ль удержаться в кругу.  
Тот влажный платок, что  
тобою потеряи,  
Достаться не должен врагу.



Диктуй, Господь, диктуй.  
Я - ученик прилежный.  
Не только Галич; Буй  
Падет с любовью нежной.

Сказать не побоюсь:  
- Заботливая муза  
Еще разбудит вкус  
У дикого тунгуса.

Проявим с нею прыть,  
В сафьяне выйдут книги,  
Почнут меня зубрить  
Цыгане и калмыки,

А, погода, спою  
И для красоток римских.  
Видал я на Бую  
Товарищей «белинских»!

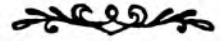


Куда, букашка, прешь?  
Ослепла что ли?  
Уже не сеют рожь  
На нашем поле.

Не выросла на нем  
И кукуруза.  
Лишь застит окоём  
Пивное пузо.

Тут зайцев русаков  
Борзыми травят.  
Страною дураков  
Блатные правят.

Посмотришь и вздохнешь  
Протяжно, тяжко.  
Куда же ты ползешь?  
Вернись, дурашка.



Понимают это все,  
Видно всякому слону:  
Ты - цветок мой в росе,  
Я люблю тебя одну.

Прихожу я на поклон  
Неуклюж и неказист,  
Очарован и влюблен,  
Как безусый гимназист.

На гитаре побренчу  
Под окошком иногда.  
Ты поверь, я не хочу  
Причинить тебе вреда.

Прежде я не примечал  
В мире столько красоты.  
Ты мне снишься по ночам,  
Снятся милые черты.

Ты среди любой толпы  
С глаз моих не пропадешь.  
Я сдуваю пыль с тропы,  
По которой ты идешь.

Если в тучах небо сплошь,  
С неба милости не жди.  
Ты руками разведешь  
Эти тучи и дожди.

## СНЕЖИМ ЦВЕДОМЖИТЬ



Недавно в Костроме вышел новый сборник стихов Сергея Потехина «Молодой бобыль». Издан он областной писательской организацией и комитетом по делам молодежи администрации Костромской области. Приобрести сборник можно в киосках Роспечати и областной писательской организации по адресу: пл. Конституции, 1.

Я мечтаю об одном,  
Слыша твой негромкий смех:  
Чтоб на шарике земном  
Ты была счастливей всех.

Понедельник трудный день,  
Не в порядке голова.  
Платье новое надень,  
С бахромою рукава.

Я такой же как и все,  
От любви бываю пьян.  
Ты - цветочек мой в росе,  
Непоставленный в стакан.



Поклонюсь березе, клену,  
Липе, ясеню, сосне:  
- Помогите мне Лене  
Увидать хотя б во сне.

Не по этой тропке ходит?  
Все равно скажите ей:  
Для нее во всем народе  
Нету преданней парней.

Строит глазки мне Наташка,  
Почему не знаю сам,  
Ну а я вздыхаю тяжко  
По аленкиным глазам.

Говорят, любовь, что порох.  
Я взорваться ей не дам,  
Золотых ромашек ворох  
Уронию к её ногам.

Не обидится природа  
Возместит сама урон,  
Не такая нынче мода  
Чтоб в углу считать ворон.

Всем друзьям добра желаю,  
Всех приятелей люблю,  
Но соседу Николаю  
Морду все-таки набью.

Это он ушел с Аленой,  
Он ромашки ей всучил,  
А меня, арбуз соленый,  
В туалете заточил.

Ну какой же он зараза:  
До утра обязан я  
Слушать пенье унитаза  
Вместо трелей соловья.



На ветру березки гнутся,  
Ходит волнами овёс.  
Мне б на родину вернуться,  
Но ведь я - бездомный пёс.

Продил дедову избушку,  
Пропил батькины часы.  
Все с меня снимают стружку,  
Ничего, что сами псы.

Не сержусь, мужик артельный,  
Да и ты, браток, не злись.  
На топчан в моей котельной  
Претендентов завались.

Накоплю целковых жменю,  
В кассе выстою билет,  
Нивещу сестренку Феню,  
Не видались двести лет.

На фигу бродяге деньги?  
Не в матрас же их зашить?  
Если родина до феньки,  
Человек не должен жить.



Кочка с подозром  
У кумы Лукеры.  
Выставлен с позором  
Я из ейной кельи.

Думал, что милашка  
Тёртая морковка,  
А она - монашка,  
Самому целовко.

Я же не Иуда,  
Никого не предал.  
Не случилось чуда,  
Все накрылось пледом.

В луже постираю  
Грязные рубахи  
И, пожалуй, к Маю  
Запишусь в монахи.



Ядрёнее чем репа,  
Владела сердцем страсть.  
Расстались мы нелепо,  
Как вобла и карась.

Поджарен он в сметане,  
Она пошла с пивком.  
Грузин приехал к Мане,  
Командует полком.

Меня жена Матрена  
Похитила смеясь.  
Ах, как была ядрёна  
Оборванная связь!



В раздевалке драмтеатра  
Выдру встретила Ондатра.  
Спор у кумушек возник:  
Чей красивей воротник.



Заманила роцца желтая  
И не хочет отпускать.  
Позабыл, куда и шел-то я,  
Звать кого, кого искать...

Все находки и подарки  
За плечами в узелке.  
Точно звездные огарки  
Тлеют листья на песке.

Подниму один, понюхаю,  
 Попроцаюсь насовсем.  
Я последнею краюхою  
Поделился бы... А с кем?





С.В.МАКСИМОВ

## АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ОСТРОВСКИЙ (По моим воспоминаниям)

Будучи коренным и оставаясь постоянным жителем Москвы, где его все знали, горячо любили и искренно гордились им, он тем не менее каждым летом оставлял ее для милого и родного Приволжья.

В Кинешме надо пересечь Волгу, чтобы попасть на проселочную дорогу, идущую на Галич, на тот довольно бойкий проезжий тракт, по которому в известные времена года возвращается из столиц на побывку в родные деревни партией рабочий люд, выходящий на отхожие промыслы из Галицкого, Чухломского и Кологривского уездов Костромской губернии. На восемнадцатой версте находится поворот влево и через версту по стоялому и хорошо сбереженному лесу дорога приводит к глубокой долине, на дне которой бежит речка с запрудой для мельницы, а на пологой горе противоположного берега высится здания усадьбы Щелькова, принадлежащей нашему знаменитому драматургу вместе с братом Михаилом Николаевичем.

Местность, где расположено Щельково, действительно одна из самых живописных. Ее пересекают три речки: первые две (Кускша и Сендега) быстрые в своем течении по оврагам, где они красиво извиваются и шумят, делая бесчисленные каскады. Мера — спокойная, сплавная река, текущая в красивых берегах (на ней Александр Николаевич любил ловить рыбу несводом). Не было ни одного гостя в Щелькове, который бы не восхищался его местоположением. Говорят, что отец братьев Островских, чувствуя приближение смерти, просил приподнять его с кровати, на которой кончался, чтобы дать ему возможность в последний раз взглянуть на окрестные виды, открывающиеся из окон дома.

В усадьбе имеется старый деревянный двухэтажный дом с огромным каменным скотным двором и каменным зданием кухни и прачечной с мезони-

ном. В мезонине этом и в верхнем этаже старого дома находили уютно приезжие гости. Всех чаще жил здесь актер Александринского театра Фед.Алкс.Бурдин с семьей, издавна находившийся в дружеских отношениях с Александром Николаевичем, пользовавшийся особенным его вниманием перед прочими и полным доверием. Редкое лето не навещали здесь Александра Николаевича кто-либо из литературных и театральных друзей, и всех чаще, конечно, И.Ф.Горбунов.

С балкона открывается не подлежащий описанию живописный вид на окрестности с речкой внизу горы и с красивой рисующейся среди зелени церковью Никольского погоста. После покупки братьями Островскими у своей мачехи Щелькова Михаил Николаевич не в далеком расстоянии от старого дома выстроил собственно для себя небольшой деревянный домик, соединенный со старым березовой аллеей. В этом домике проживал Михаил Николаевич в редкие свои приезды в Щельково, чтобы отдохнуть от нелегких и многосложных своих обязанностей по управлению министерством государственных имуществ. В верхнем же этаже этого домика Александр Николаевич постоянно занимался вырезными работами из дерева, которые он страстно любил и в которых был очень искусен. Вид из этого домика еще лучше, чем из старого дома.

По кончине Александра Николаевича брат его разбил и устроил обширный парк, идущий частью сосновым лесом по волнистой местности, частью лужками и полянками и наконец по берегу речки Кускши.

Мы видели Александра Николаевича среди этих красот природы здоровым и жизнерадостным. С необыкновенно ласковой улыбкою, которую никогда невозможно забыть и которую высказывалось пол-

нейшее удовольствие доброю памятью и посещением, радушно встречал он приезжих и старался тотчас же устроить их так, чтобы они чувствовали себя как дома. На деревенское угощение имелось достаточно запасов в погребе и на огороде, на котором сажалась и сеялась всякая редкая и нежная овощь и которым любил похвастаться сам владелец. У него, как у опытного и прославленного рыбака, что ни заносуды, то и клев рыбы - обычно щурят - в омуте речки перед мельничной запрудой, и в таком количестве при всякой ловле, что довольно было на целый ужин. Оставаясь таким же радушным и хлебосольным, как и в Москве, в деревне своей он казался упростившимся до детской наивности и полного довольства и благодущия. Несомненно, он отдохнул, повеселел и стал совершенно беззаботен, а чтобы не обратили ему это все в упрёк и обвинение, то вот, когда открывается съезд мировых судей, он, в качестве почетного судьи, каждый месяц ездит в город Кинешму, да и вообще ее старается посещать: там у него есть где остановиться и с кем поговорить. А затем вот и газеты и журналы высылают из Москвы: «Читаем, гуляем в своем лесу, ездим на Сендегу ловить рыбу, собираем ягоды, ищем грибы». «Отправляемся в луг с самоваром - чай пьем. Соберем помочь; станем песни слушать; угощение жницам предоставим: все по предписанию врачей и на законном основании». Богатырь в кабинете с пером в руках - в столовую к добрым гостям выходил настоящим ребенком, а семье всегда предьявлялась им сильная и глубокая любовь к домашнему очагу. В маленьком скромном хозяйстве, не дающем ни копейки дохода, ощущалась полная благодать для внутреннего довольства и для здоровья, которое начало сдавать: усилилось колотье в боках, увеличилась одышка; очень пугает сердце. В деревне меньше и реже приходится схватываться за грудь и жаловаться на боли, а по возвращении в город, конечно, опять начнется старая история и напомнят о себе застарелые недуги. В городе много работы; не стало отдыха.

- Надо освежить голову: потруднее какой-нибудь пасьянс разложить, - обычно говаривал А.Н.Островский, когда, достаточно поработав над отдельную сцен своих драм и комедий и довольный работой, желал отрешиться от нее и отдохнуть.

Он, по издавна усвоенной привычке, когда приготавливался что-либо писать, то долго, до утомления, расхаживал по комнате, то раскладывал легкие пасьянсы. Знал он тех и других способов подбора карт очень много: трудно было кому-либо показать ему неизвестные. Он не покидал этого стариковского развлечения, столь удачно приспособляемого в досужее время на случаи воспоминаний о прожитом, - не покидал и в молодые годы, когда создавал лучшие свои произведения, прибегая к нему даже и в те дни, когда начал письменную работу.

Писать предпочитал Александр Николаевич по ночам, по крайней мере в первое время своей литературной деятельности, пользуясь теми тихими и молчаливыми, какими славятся и красятся все московские захолустья, а в том числе и воробинское. Обыватели очень рано, по крайней мере не позднее соседней Таганки, и всегда в урочный час, как по команде, засыпали мертвым сном. В соседних Серебряных банях усталый до изнеможения дежурный банщик бросал на каменку последнюю шайку, и вода не только не вылетала паром, но и не



А.Н.Островский

шипела. Будочник Николай, живший прямо перед окнами, приставлял алебарду к двери, приседал на пороге и, уткнувши голову в колени, также засыпал до утра. Московский день кончался, и для писателя, счастливого необычайными успехами, и для человека, доступного всем и приветливого, беспокойный день оставался позади и с приятными, и с докучными посещениями, которые особенно учащались после каждого представления новой пьесы его на сцене.

По свойству природного характера делать все не спеша, вдумчиво и основательно, Александр Николаевич обыкновенно писал долго, допуская большие перерывы. Так, например, над «Банкротом» («Свои люди - сочтемся») он работал свыше четырех лет, несмотря на то что писал уже умело и привычною рукой после сцен и очерков Замоскворечья и особенно после «Картины семейного счастья», которая произвела сильное впечатление на Гоголя. Писал Островский разгонистым и крупным, четким почерком, круглые буквы которого напоминали неуверенный женский, что приводило в некоторое недоумение Тургенева, одно время увлекавшегося мимоходом возможностью по внешним характерным признакам автографов определять не только состояние духа в данный момент писания, но и вообще душевные природные качества писавшего лица. Впрочем, то было время орешковых чернил и гусиных перьев. Для чиненья их продавались в лавках особые чиновники, изготовлявшие для начальства этого рода изделия.



# ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ТЕАТРА

...- Пойдемте сегодня в театр? - обратился Плавин к Павлу.

- Пойдемте, - отвечал тот; у него при этом как-то скнуло сердце.

- Что сегодня играют? - спросил Плавин Симонова.

- Не знаю, не спросил - дурак, не соблазил этого. Да я сейчас сбегая и узнаю, - отвечал Симонов и, не медля ни минуты, проворно отправился.

- Я никогда еще в театре не бывал, - сказал Павел слегка дрожащим голосом.

- Я сам театр очень люблю, - отвечал Плавин; волнение и в нем было заметно сильно.

Симонов не заставил себя долго дожидаться и возвратился тоже в каком-то возбужденном состоянии.

- Сегодня отличное представление! - сказал он, развертывая и подавая заскорузлой рукой афишу: - «Днепронская русалка», - прибавил он, тыкая пальцем на заглавие.

- Билеты теперь же надо взять, - проговорил Плавин.

- Да я сбегая, пожалуй, - вынужден и на это с полною готовностью Симонов и действительно сбегал, принес, а потом куда-то и скрылся.

Гимназисты мои после того остались в очень беспокойном состоянии. Время казалось им идущим весьма медленно. Плавин еще несколько владел собой, но Павел беспрестанно смотрел на большие серебряные часы, которые отец ему оставил, чтобы он не опаздывал в гимназию. Его по преимуществу волновало то, что он слышал названия: «сцена», «ложки», «партер», «занавес»; но что такое собственно это было, и как все это соединить и расположить, он никак не мог придумать того в своем воображении. Часу в седьмом молодые люди наконец отправились. Время было - осень поздняя. Метель стояла сильная. Темнота была - зги не видеть; надобно было сходиться довольно большой горы; склоны ее были изрыты яминами, между которыми проходила тропинка. Плавин шел по ней привычной ногой, а Павел, следовавший за ним, от переживаемых ощущений решительно не видел, по какой дороге он идет, - наконец споткнулся, упал в яму, прямо лицом и руками в снег, - перепугался очень, ушибся. Плавин только захохотал над ним. Павлу показалось это очень обидно. Не подавая виду, что у него околочили от холоду руки и сильно болит нога, он поднялся и, когда они подошли к театру, в самом деле забыл и боль и холод.

Надобно сказать, что театр помещался не так, как все в мире театры - на поверхности земли, а

Глава из романа  
А.Ф.Писемского  
“Люди сороковых годов”,  
в которой речь идет о  
первом городском театре  
в Костроме.

под землей. Он переделан был из кожевенного завода и до сих пор еще сохранил запах дубильного начала, которым пропитаны были его стены. Посетителям нашим, чтобы попасть в партер, надобно было спуститься вниз, по крайней мере, сажени две. Когда они уселись наконец на деревянные скамейки, Павел сейчас понял, где это ложи, кресла, занавес. Заиграла музыка. Павел во всю жизнь свою, кроме одной скрипки и плохих фортепьян, не слыхивал никаких инструментов, но теперь, при звуках довольно большого оркестра, у него как бы вся кровь прилила к сердцу; ему хотелось в одно и то же время подпрыгивать и плакать. Занавес поднялся. С какой жадностью взор нашего юноши ушел в эту таинственную глубь какой-то очень красивой рожи, сзади которой виднелся занавес с Бог знает куда уходящею далью, а перед ним что-то серое свелось на полу - это была река Днепр!

Виднелся Видостан, в бирхатном кафтане, обшитом подушками, и в шапочке па-бекрен. После него выбежали Тарабар и Кыфар. Все эти лица мало заняли Павла. Может быть, в рожденное эстетическое чувство гонорил в нем, что самые роли были чепуха великая, а исполнители их - еще и хуже того. Тарабар и Кыфар были именно те самые драчуны, которым после представления предстояло отправиться в часть.

Занавес опустился. Плавин (это решительно был какой-то всемогущий человек) шепнул Павлу, что можно будет пробраться на сцену и потому он шел бы за ним, не зевая. Павел последовал за приятелем, сжигаемый величайшим любопытством и страхом. После нескольких переходов они достигли наконец двери на сцену, которая оказалась незатворенною. Вошли, и, Боже мой! что представилось глазам Павла! Точно чудовища какие, высились огромные кулисы, задвинутые одна на другую, а за ними горели тусклые лампы, - мелькали набеленные и не совсем

красивые лица актеров и их пестрые костюмы. По средине сцены стоял огромный куст, подпертый сзади палками; а сверху даже и понять было невозможно всех сцеплений. Река оказалась не что иное, как касающиеся рамки, между которыми было большое отверстие в полу. Павел заглянул туда и увидел внизу привешенную доску, уставленную по краям лампами, а на ней сидела, качалась и смеялась какая-то, вся в белом и необыкновенной красоты, женщина... Открытие всех этих тайн не только не уменьшило для нашего юноши очарования, но, кажется, еще усилило его; и пока он осматривал все это с трепетом в сердце - что вот-вот его выведут, - вдруг раздался сзади него знакомый голос:

- Здравствуйте, барин!

Павел обернулся; перед ним стоял Симонов с пафосными усами и в новом вицмундире.

- Ты как здесь? - воскликнул Павел. - Я, ваше высокородие, завсегда ведь у них занавес поднимаю; сегодня вот с самого обеда здесь... починил им тоже кочто.

- Что же ты занимаешься, что ли?

- Нет, ваше высокородие, так, без платы, чтобы нуцали только - охотник больно я смотреть - то на это!

Плавин все это время разговаривал с Видостаном и, должно быть, о чем-то совещался с ним или просил его.

- Хорошо, хорошо, - отвечал тот.

- Господа публика, прошу со сцены! - раздался голос содержателя.

Павел почти бегом бросился на свою скамейку. В самом начале действия волны реки сильно заколыхались, и из-под них выплыла Леста, в фальговой короне, в пышной юбке и в трико. Павел сейчас же догадался, что это была та самая женщина, которую он видел на доске. Она появлялась еще несколько раз на сцене; унесена была наконец другими русалками в свое подземное царство; затем - пересна декораций, водяной дворец, бенгальский огонь, и занавес опустился. Надо было идти домой. Павел был как бы в тумане: весь этот театр, со всей обстановкой, и все испытанные там удовольствия показались ему каким-то необыкновенными, не воздушными, не на земле (а как и было на самом деле - под землей) существующими, каким-то пиром гномов, одуряющим, не дающим свободно дышать, но тем не менее очаровательным и обольстительным!

## Нина Басова

# БИБЛИОТЕКА ОСТРОВСКОГО

Личная библиотека А.Н.Островского, собранная им на протяжении всей жизни и находившаяся частично в Москве, частично в Щелькове, к сожалению, в полном виде до нас не дошла. Но, благодаря усилиям исследователей из Академии наук СССР, было составлено ее научное описание, выпущенное в 1963 году отдельным изданием. Оно содержит сведения о книгах, хранившихся в обеих библиотеках - московской и щельков-

ской, служа при этом единственным ориентиром для их воссоздания. Поиски ученых базировались на списках книг, составленных по распоряжению Михаила Николаевича, брата А.Н.Островского, хранившихся в архиве его сына Сергея Александровича. Оригиналы этих списков хранятся в институте русской литературы в Петербурге (по московской библиотеке) и в музее А.Н.Островского в Щелькове (по щельковской библиотеке).

Что же из себя представляли эти библиотеки? В московской значилось по спискам 588 названий из русской литературы и 299 книг и журналов на иностранных языках. Причем, в количественном отношении их было гораздо больше, так как преобладали многотомные издания. Большинство книг этой библиотеки было посвящено театру - около 280 драматургических произведений, начиная от древнегреческих трагедий Софокла и Еврипида и кончая

### С АВТОГРАФОМ ДРАМАТУРГА

Обратившись к фондам областной научной библиотеки, мы найдем почти все основные издания произведений А.Н.Островского, начиная с первого, предпринятого издателем «Русского слова» А.Г.Кушелевым-Безбородко в 1859 году и представляющего собой двухтомник из 11 пьес. Второе, пятитомное издание, выпущено было в 1867-1870 годах петербургским издателем и книгопродавцом Д.Е.Кожанчиковым. Оно включало в себя все пьесы драматурга, вышедшие к тому времени. Третье издание сочинений, вышедшее в 1874-1884 годах, состояло из десяти томов. Последним прижизненным изданием было Полное собрание сочинений в восьми томах, выпущенное петербургским издателем и книгопродавцом Н.Г.Мартыновым.

Из первых посмертных изданий в фондах библиотеки есть десяти томное Полное собрание сочинений, вышедшее в Петербурге в издательстве «Просвещение» в 1904-1905 годах под редакцией артиста Александринского театра, близкого друга писателя М.И.Писарева. Это была первая попытка научного издания наследия А.Н.Островского.

Издания советского времени в библиотеке представлены 16-томным Полным Собранием сочинений, выпущенным в 1949-1953 годах, десяти томным собранием сочинений 1959-1960 годов и целым рядом различных сборников и отдельно изданных пьес, а также биографической и критической литературой.

Среди этого разнообразия книг особого внимания заслуживают те, которые содержат авторские пометки или дарственные надписи.

Пьеса А.Н.Островского «Доходное место», изданная в Москве в 1857 году, подарена была автором Александру Ивановичу Григорьеву, вероятно, - отцу поэта и критика Аполлона Григорьева. Чем была примечательна эта личность? Родился он в семье владимирского помещика и, по словам поэта П.Сухотина, - был «первым мещанином в семье Григорьевых, рачительно сберегшим силы, полученные от отца и передавшим их своему сыну Аполлону». Учился в Московском благородном пансионе; служил сначала в Сенате, затем - в Московском магистрате секретарем. По словам того же П.Сухотина «Александр Иванович был склонен к стихотворству и написал комедию, отрывки из которой нередко декламировал с жестами».

Экземпляр драмы «Не от мира сего», написанной А.Н.Островским в 1884 году, подарен был автором актеру Малого театра М.А.Адамову, о чем свидетельствует надпись на книге. Кроме того, рядом с героями пьесы, указаны фамилии актеров Малого театра, игравших в этой пьесе: Ленский, Макшесев, Садовская, Колосов и др.

Михаил Андреевич Адамов был артистом балета с 1869 по 1882 год. С 1881 года «подрабатывал» переписыванием пьес и ролей в Малом театре, а в сезоне 1888-1889 годов играл на его сцене.

А.Е.Нос, автор биографического очерка об А.Н.Островском, написанного в декабре 1889 года и изданного в Москве в 1890 году, счел должным для себя один из экземпляров подарить Народной читальне имени А.Н.Островского в Костроме, о чем свидетельствует надпись на обложке, сделанная золотым тиснением. Позднее эта книга попала в фонды областной научной библиотеки.



современными авторами. На втором месте по количеству шли исторические книги, среди которых были исследования по новой и древней истории, а также беллетристика. Их было чуть более 100. Русскую художественную литературу представляли 60 авторов, а зарубежную около 40. Из произведений самого А.Н.Островского в списке значилось 6 пьес. Книги по истории литературы и филологии насчитывали около 20 названий.

Особый раздел, 22 названия, составляли книги по фольклору (сборники сказок, песен, исследования русского народного творчества и языка). Естественно - научным дисциплинам посвящено около 20 книг. Учебников иностранного языка и словарей указано в списке - 9.

Журналов и газет было немного, всего 13. Сохранившаяся часть московской библиотеки была перевезена Сергеем Александровичем в Петербург, а после его смерти в 1929 году И.М.Шателен передала ее в дар ИРЛИ (Пушкинский Дом), где и находится по настоящее время.

Что касается щельковской библиотеки, то о ней сохранилось сведений гораздо больше. Начало ей было положено, по всей вероятности, отцом писателя - Николаем Федоровичем, о чем свидетельствуют годы издания ряда книг и журналов, приобретенных им в год покупки имения - 1847-й.

В дальнейшем она регулярно пополнялась Александром Николаевичем и Михаилом Николаевичем, который в 1868 году прислал в Щельково первую посылку с книгами и журналами весом в 11 пудов и затем присылал их неоднократно в 1872, 1876 и 1881 годах.

В списке этой библиотеки значатся 223 названия русских книг, в том числе и многотомных, 43 - книг и журналов на иностранных языках.

Первое место по количеству занимали книги исторические, в том числе и беллетристика - 69 названий. На втором месте стояла художественная переводная литература - 36 названий. Журналов - 36 названий, газет - 7.

11 книг из русской художественной литературы, 9 по ма-

тематике и технике, 6 по иностранным и славянскому языкам, 2 по народному творчеству. Кроме того в библиотеке имелся 17-томный энциклопедический словарь А.А.Плюшара. Месяцеслов на 1864 год, 6 альманахов и 3 книги детские. Были в его библиотеке и довольно оригинальные сборники пьес, которые он сам собирал из журнальных оттисков и вырезок.

Особое внимание уделяли Островские книгам по сельскому хозяйству. Так, из книг, оставшихся от отца, преобладали издания данной тематики, да и сам А.Н.Островский думал в свое время оставить занятия литературой и посвятить себя целиком земледелию, поэтому тоже приобретал подобную литературу. Много было в щельковской библиотеке журналов, альманахов и газет. Вот некоторые из них: «Московский телеграф», «Московский вестник», «Московский наблюдатель», «Телескоп», «Библиотека для чтения», «Современник», «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Морской сборник», «Русская старина», «Невский альманах» и другие.

Как пишет исследователь жизни и творчества А.Н.Островского А.И.Ревякин, библиотека пополнялась усилиями обоих братьев - Александра Николаевича и Михаила Николаевича, а находилась она во флигеле или как он еще назывался в «Гостевом доме», в котором обычно останавливался во время своих приездов в Щельково Михаил Николаевич. Для книг были сделаны специальные шкафы по эскизам художника Б.Г.Кноблоха.

После Октябрьской революции 1917 года библиотеке постигла печальная участь: большая часть книг погибла, оставшаяся часть вместе со шкафами была вывезена в Кинешму, а затем в Иваново, в губернский архив, где следы ее и затерялись.

Научные сотрудники музея А.Н.Островского в Щелькове поставили перед собой труднейшую задачу - воссоздать уникальное книжное собрание драматурга. Работа эта ведется на протяжении нескольких десятилетий и, если учесть, что комплектоваться изданиями прошлых веков не так-то легко, то те результаты, что опубликованы в «Щельковском сборнике» 1973 года, говорят о ее результативности. В частности, там есть сведения о том, что на конец 1972 года в библиотеке музея было собрано 200 книг, дублирующих подлинные, принадлежавшие А.Н.Островскому, и 700 томов журналов, находившихся в московской и щельковской библиотеках, что составило 30 % от общего количества книг обеих библиотек.

Наряду с оригинальной библиотекой музей комплектует научно-справочную библиотеку, состоящую из нескольких разделов: собрания сочинений А.Н.Островского, критическая литература о нем, книги по истории русского и зарубежного театра XIX-XX вв.; книги об отдельных актерах, по истории искусств, истории отдельных городов и т.д.; собрания сочинений русских классиков и драматургов-современников А.Н.Островского.

## ИМЕЕМ СООБЩИТЬ



Одну из комнат большого деревянного дома в Щелькове, где многие годы работал писатель, теперь занимает библиотека.

Центральное место в ней отведено нотному сборнику «Романсы и песни» русского композитора Константина Петровича Вильбоа. Вместе с Островским К.Вильбоа ездил по Волге, записывая народные песни. Некоторые из них вошли в составленную позже и очень любимую драматургом работу.

Сборник Вильбоа - единственная книга, оставшаяся от подлинной библиотеки Островского.

# ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Может возникнуть вопрос, почему я, саратовский патриот, выбрал для своих театральных экспериментов небольшой городок верхнего Поволжья, богоспасасную Кострому?

Дело в том, что Кострома, - я уже говорил об этом, - родина моей жены Анна Александровны Преображенской-Поповой. Там жили ее родители. И во время летних отпусков я несколько раз бывал в Костроме. Подружился там с друзьями моей жены, которые впоследствии оказали мне большую помощь в организационных и материальных вопросах, связанных со студией. Не последнее значение имело и то обстоятельство, что ко времени моего ухода из МХТ жена уехала в Кострому, так как на свет появился сын Андрей!

Тяготение мое к природе и родной Волге Кострома в полной мере удовлетворила. Жили мы на улице, круто спускавшейся к Волге и густо поросшей травой. Налево от дома высилась деревянная пожарная каланча, а направо тянулась улица - бульвар, знаменитая Муравьевка, с высоты которой любовался волжскими дачами Александр Николаевич Островский. Я и до сих пор убежден в том, что живописцу, музыканту, писателю, артисту необходима как воздух живая, тесная связь с природой. И тем более она нужна ему, что он пишет о людях, работает для них.

Я ходил на крутой берег Волги в деревянную беседку, где, по преданию, сживала Катерина из «Грозы» и откуда она кинулась в Волгу.

Мне было известно, что и в Рыбинске и в Кинешме существуют такие же беседки и их тоже связывают с драмой Катерины, но это не мешало моему воображению, волновало мое сердце, и мне хотелось работать, работать до самозабвения. Я хотел передать всем поток того душевного тепла, любви к жизни, к людям, какой я чувствовал в своем сердце.

Движимый подобными побуждениями, я и взялся за организацию костромской драматической студии.



Н.А.Шипов в "Сверчке"

Как это ни странно может показаться на первый взгляд, основными нашими противниками оказались профессиональные театры, которые называли нас любителями и видели в работе студии подрыв своего авторитета. Куда бы ни приезжала на гастроли наша студия, ей «авторитетно» предсказывался безусловный художественный и материальный провал. Неоперившиеся претензии, только что кончившие школы драматического искусства, и мальчишки-"любители" отваживались соревноваться с труппами крупных провинциальных театров в таких городах, как Нижний Новгород, Томск, Ярославль. Но «провала» не происходило. Наоборот, нас сопровождал успех, и вскоре многие актеры профессионального театра, пострадавшие от его путины, стали друзьями нашего начинания...

В городе оказался театральный кружок студентов и курсисток костромичей, откуда я привлек Н.А.Шипова, А.А.Кроткову, Л.Н.Ларину и Б.М.Седого. Кроме них в студию вошли Н.И.Колосовская,

К.А.Брин, С.В.Яблоков, Г.В.Колесова, Е.А.Мескатинов, Е.Н.Вартанов, Е.П.Понизовская, Г.А.Аден, С.Г.Изаксон, Ю.М.Корепанов, художник Б.А.Кутуков и ряд других товарищей. В основном это была молодежь, мечтающая о театре и готовая работать день и ночь.

Вопрос о помещении для Студии обсуждался особенно тщательно. Оно должно было иметь зрительный зал на 250-300 человек, не более, чтобы можно было повторять каждую новую постановку не менее тридцати-сорока раз. В противном случае над нами висела бы угроза сокращения репетиционного периода, а это было равносильно смерти студии. Малый размер зала сокращал доходную часть нашей сметы. Но мы на это шли сознательно и самоотверженно сокращали расходы. Наш выбор пал на помещение бывшей читальни имени А.Н.Островского, где, как мы знали, иногда давались любительские спектакли. Зрительный зал нас устраивал, но закулисных помещений в читальне почти совсем не было. Все административные, хозяйственные и технические обязанности были распределены среди студийцев.

Первой и единственной штатной единицей был сторож, он же и смотритель студии. Студийцы сами шили костюмы, холсты для декораций, клеили бутафорию, переставляли декорации, а тот, кто был свободен от спектакля, стоял на контроле, проверяя билеты. Все это делалось по специальному дежурному расписанию, не просто в целях экономии средств, а главное - следуя завещанию Станиславского, опыту создания Художественного театра. Эта работа сплачивала коллектив, прививала любовь и творческое отношение ко всем деталям сценического оформления, ко всем деталям театрального дела. Такая работа пресекала зазнайство и премьерство у тех, кому выпадало счастье играть в спектаклях главных роли. Само собой разумеется, что выполнение работ по оформлению проводилось под

придирчивым руководством художника спектакля.

Для открытия студии мной были выбраны «Потоп» Бергера и «Сверчок на печи» Диккенса, пьесы, на которых выросла Первая студия Художественного театра. Вафишах и программах писалось: «Режиссерская разработка пьесы принадлежит Студии Московского Художественного театра». (Только третья моя постановка в Костромской студии - «Ученик дьявола» Б.Шоу - была целиком самостоятельна как в самом выборе пьесы, так и в ее режиссерском решении). Делалось это сознательно. Я решал задачи воспитания молодых актеров на известном мне материале, снимая с себя постановочные трудности и целиком отдавая педагогическим задачам.

В костромской печати тех лет «Ученик дьявола» был встречен доброжелательно, хотя, конечно, не столь восторженно, как «Потоп» и «Сверчок». Говорилось опять об общей сырности, разработке мизансцен и о серьезном, любовном отношении студийцев к своей работе. В.П.Кожич в роли Ричарда вырос в интересного, талантливую актера.

В течение первого года студия показала четыре новых спектакля. Кроме упоминавшихся пьес к весенней поездке по губернии был подготовлен вечер чеховских миниатюр.

Помимо «Предложения» и «Ведьмы», шедших в студии Художественного театра, были поставлены «Свадьба», «Налим» и «Унтер Пришибеев».

В годовщину открытия Костромской студии было дано сороковое представление «Потопа» - цифра повторения, небывалая для периферии тех лет.

Гастрольный выезд со спектаклями в Кинешму, Юрьевец на Волге и потом поездка по реке Унже до Макарьева были необычайно интересными. Такие гастроли являлись нашей прямой обязанностью как студии губернской, призванной обслуживать не только Кострому, но и отдаленные глухие углы. Такой глухоманью в те далекие времена был Макарьев. Железной дороги к нему не было, а на пароходе не во всякое время лета можно было туда добраться. Мы добирались до Макарьева по реке, иногда прыгая в воду и пыхая паромом в корму. Впоследствии это вошло



А.Д.Понов (в центре) с актерами Костромской студии.

красочным эпизодом в мою кинокомедию «Два друга, модель и подруга».

Вернувшись из гастрольной поездки, я выехал в Москву, считая себя обязанным отчитаться перед К.С.Станиславским. Опять был у него на квартире, в том же Каретном ряду, на втором этаже. «Отчет» мой состоял из короткого сообщения о проделанной работе, потом я показал Станиславскому альбом фотографий постановок студии, все рецензии на спектакли и дневник занятий по системе, который вела актриса студии А.А.Кроткова. В дневник входили мои беседы со студийцами и записи всех упражнений. Константин Сергеевич без особого интереса перелистал альбом с фотографиями, совсем не заглянул в рецензии и внимательно, долго читал дневник. Я ждал, как ученик, подавший учителю письменную работу...

- Ну, что ж, это интересно. Теперь вы считаете, что ваши студийцы уже все знают и могут стряпать спектакли, как пирожки? - улыбнувшись, спросил Константин Сергеевич.

Я облегченно вздохнул:

- Нет, конечно, Константин Сергеевич, мы не думаем прекращать занятий. Наоборот, мы установили перед репетициями часовой урок для разминки творческого аппарата актера.

- Да? А откуда же вы берете время?

- Пока еще нас не поджимают сроки новых постановок. Мы работаем без спешки.

- Ну, что ж, очень рад, если вам действительно удалось заинтересовать публику и костромские власти новым студийным методом...

Он говорил так, а в тоне и в глазах его я читал: «Что с возу упало, то пропало». Моя работа его, видимо, уже мало интересовала. Мы расстались, он - с облегчением, а я - с грустью.

В этот же приезд в Москву я должен был оформить перевод Костромской драматической студии при Губнаробразе в ведение ТЕО Наркомпроса.

Постановлением Центроттеатра под председательством А.И.Южина-Сумбатова студия стала автономным передвижным театром РСФСР и была переименована в «Театр студийных постановок».

Нам, актерам, в бытовом отношении жилось совсем не сладко. Получали мы восьмушку хлеба, пили морковный чай с сахаром, ходили в село Саметь за реку Костромку, чтобы принести в заплочном мешке ведро мерзлой картошки, охотились в Татарской слободке за мерзлой кониной как за лакомством. Но мы не торговали искусством и не играли спектаклей и концертов за пшено, за муку...

Спасал нас ток высокого напряжения, увлеченность любимым делом и та жажда, которую мы чувствовали у нового зрителя, ринувшегося в театр с первых лет революции.

Публикуется в сокращении.

Островский и время. Избранные места из старых театральных рецензий красноречиво говорят о том, что вечные истины, о которых размышлял драматург в своих сочинениях, могут звучать свежо и молодо, духовно питая человека, в какое бы время он не жил.

ИГОРЬ ДЕДКОВ

## ПУТЬ НАВЕРХ. РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ.

А.Островский. «На всякого мудреца довольно простоты». Режиссер А.Сагальчик. Кострома, 1966 г.

Время от времени кто-нибудь да называет старинную Кострому «родиной Островского», на какое-то мгновение забыв, что родился Александр Николаевич в Замоскворечье. Будто что-то давно и прочно соединило эти два имени - Островский и Кострома, хотя от наездов писателя в этот златоглавый волжский город и остались сегодня лишь легенды да мемориальная доска на бывшей гостинице: «В этом доме жил Александр Николаевич Островский». Легенды глухо толкуют о том, что писатель снимал комнаты недолго и быстро съехал по причине известных ночных неудобств.

Шутки шутками, а может Кострома без Островского доныне не может, доныне ревниво и трогательно любит его и горько разочаровывается, если театральные сезоны открывают не его комедией, а каким-нибудь мимолетным, суетным сочинением. У Костромы есть на то право, да и нужно ли право, когда живо чувство духовной и нравственной общности, не подверженное моде, когда жива гордость за то, что гулял человек по этим же тихим улицам, любил легкую березовую рощу и старую часовенку на правом берегу Волги, бродил в своем Щелькове по лугам и оврагам и писал, не думая, что пишет на такие долгие годы.

Что Кострома без Островского и Кустодиева! Сквозь все индустриальные штрихи проглядывает она - такая спокойная, устойчивая, такая белокаменная и высокая с Волги, такая провинциальная - в хорошем, необходимом смысле этого хорошего слова. И новый театральные сезоны здесь начинался спокойно, как всегда. Благодатьно. На афишах стояло: «Костромской драматический театр имени Островского. «На всякого мудреца довольно простоты»...

Торжественный миг начала, а герои комедии, что вот-вот тронутся в путь, деловито суетятся, расставляя кресла и стулья, как бы готовя себе рабочее место. И вдруг поехала, зашпешила, закружилась под вспыхнувшую бравурную музыку карусель вальжных, самодовольных Мамаевых, Турусиных, Городулиных, Крутицких, и нет на той карусели места для Егора Глумова и его маменьки.

Умен и зол Егор, но много ли в том проку, когда беден, когда на ступенях служебной лестницы невообразимая толчея, и если никто по-отечески не подсадит тебя повыше, не растолкает жаждущих власти, то так и прозябать тебе, Егор, и писать свои эпиграммы веки вечные, и размножать их по Москве в списках! А не взять ли Егору за панегирики? ("Мы в Москве любим поговорить. И чтобы в этой обширной говорильне я не имел успеха!"). Вот она минута, с которой двинется скорым маршем вся комедия, эта веселая и серьезная игра. Егор Глумов принялся за панегирики, он ринулся против всех. И кто это придумал, что один в поле не воин?

В самом конце 30-х годов образ Глумова был в ходу у некоторых наших публицистов для обозначения двурушников. Такая была горькая мода - на

двурушников. Нехитрая была бы и ныне штука: обличить двурушника Глумова, приспособленца, продажную душу. Не раз уж обличали - дорога торная. Но давным-давно русский литературный и театральные критик А.А.Григорьев горестно удивлялся, когда Островского истолковывали как борца против самодурства и прочих отрицательных сторон русского быта. Григорьев видел в пьесах Островского органическое единство национальной жизни, в которой все «отрицательные» и «положительные» элементы неразрывны, неподразделимы, и в этом единстве - истина и правда. Мы вовсе не хотим сказать, что Сагальчик поставил «Мудреца» «по Григорьеву», но что он ушел от «обличения и разоблачения глумовщины», - это верно...

Ох уж эти новации, благоденствия, реформы; это только кажется, что прежде было иначе, - сетует Глумов: «...все бумага и форма. Целые стены, целые крепости из бумаг и форм. И из этих крепостей только вылетают, в виде бомб, сухие циркуляры и предписания». И вдруг нам чудится, что в голосе Егора больше, чем обычно, волнения, искренности. Под блестяще освоенной «левой» фразеологией не только ирония, но и едва различимая серьезность, убежденность, хотя, полно, не мерещится ли она в Глумове да еще в его разговоре с этим дельцом от свободомыслия, для которого в глумовской формуле об увеличении количества добра ударение давно и непоправимо сделано на первых двух словах: главное - увеличить количество, а добро ли там выйдет, или полудобро, или нечто обратное добру - не важно.

Нет, этот Глумов не двурушник, не слуга всех господ и всех направлений. Он живет по правилам, которые застал в мире или которые ему навязаны. Он и впрямь искреннее обычного, когда может сказать злое, обличающее слово. Не из кого, не из чего выбирать Глумову. Не Чацкий же он, родословная не та, не крикнуть ему: «Карету мне, карету!», не подадут ему никакой кареты. И если путь к ут-

верждению собственной личности лежит через панегирики самому Крутицкому, этому оголтелому защитнику бывшего российского «величия» и противнику перемен, то и льстить он будет с истинным талантом и наслаждением...

А может быть, безнравственно желать Глумову успеха? Но припомним, кого он, собственно, дурачит? И не благо ли весь этот обман, это талантливое надувательство, которому мы сочувствуем с жаром сообщников?

Мамаевы, Крутицкие, Городулины сами вызывают к жизни и деятельности таких Глумовых, не оставляя молодым иных путей наверх, кроме путей лести, лицемерия, бесконечного послушания, ущербного раздвоения личности, так пусть и получают по заслугам...

Что ж, на сцене мир, все связаны круговой порукой, изъятие из обращения одного нарушит «гармонию», целостность общественного устройства: Крутицкий немислим без Городулина (какой же консерватизм без оттеняющей его либеральной фразы?), а Городулин - без Крутицкого (какое же свободомыслие, если нет жандармов?), и все они немислимы без Глумова, вначале их пацаны, затем помощника и, наконец, партнера в их многозначительной «государственной» игре.

Так заканчивается стремительный и веселый спектакль, безжалостно иронический, какой-то очень высмеивающий и серьезный. Уходишь, а Глумова жаль.

Глумов вроде бы уже наверху, но он допущен туда на зыбких условиях, а если помнить, что выше этого верха еще верх, то восхождение будет продолжаться долго, пока не столкнут вниз или не вознесут...



ОЛЬГА ГУССАКОВСКАЯ

## ТРАГЕДИЯ ЧИСТОЙ ДУШИ

А . О с т р о в с к и й .  
«Бесприданница». Режиссер  
В.Шиманский. Кострома, 1978 г.

Островский неотделим от моей души. Ребенком я играла белыми митенками и перламутровым веером, которые моя прабабка-актриса хранила, как талисман. Посчастливилось удачно выступить именно с ними в роли Ларисы перед лицом самого автора «Бесприданницы».

Митенки и веер я же и «заиграла», а вот старинная чашка, подаренная Александром Николаевичем за исполнение роли Кручининой в «Без вины виноватые» сохранилась до сих пор. Прабабка моя, по сцене Елена Кислинская, была человеком разносторонне одаренным и ярким.

Истовая любовь к театру через ее сына, моего деда, передалась и мне. Видела я много спектаклей и писала о многих, в том числе и о тех, что шли на сцене Костромского театра им.Островского...

Однажды А.Н.Островский писал актрисе М.Г.Савиной, что все лучшие его пьесы «писаны... для какого-нибудь сильного таланта, и под влиянием этого таланта». Не составляет исключения и «Бесприданница», рассчитанная в свое время именно на талант М.Г.Савиной. Однако сценическая судьба этой пьесы А.Н.Островского была и остается очень сложной. Каких только Ларис не видела со дня ее премьеры 10 ноября 1878 года русская сцена... И, пожалуй, до В.Ф.Комиссаржевской не было исполнительницы главной роли, которая отвечала бы всему замыслу автора. Та же М.Г.Савина при всем своем таланте чайный драматурга не оправдала. В чем же дело? Наверное, камень преткновения в многозначности образа Ларисы. Актриса, берущаяся за роль Ларисы, должна обладать

огромным талантом и большой душевной тонкостью. Не все, что за один-единственный трагический день переживает Лариса Огудалова, выражено словами, а показать надо и то, что осталось в прошлом. Сложнейшая задача... И для режиссера, и для исполнительницы главной роли.

...На костромской сцене «Бесприданница» не впервые. Сегодняшняя постановка режиссера В.Ф.Шиманского — третья. Не знаю, какими были предыдущие, скорее всего они выглядели достаточно традиционно.

Нынешняя «Бесприданница» как раз претендует на полный слом театральной традиции.

Что же произошло с Ларисой и во имя чего ее образ претерпел самые неожиданные изменения? Перед нами провинциальная барышня, очень юная, миловидная, женственная... и предельно заурядная.

Глядя на нее, невольно вспоминается рецензия критика «Нового времени» на премьеру «Бесприданницы»: «Мы, впрочем, более склонны видеть в Ларисе недалекую романтическую меццаночку, весьма способную прельщаться «сильными мужчинами», «героями» в меццанском смысле этого слова... Неужели стоило г.Островскому тратить свои силы и свое время на драматическое воспроизведение банальной старой, неинтересной истории о глупенькой обольщенной девице?»...

А у Ларисы не может быть простой судьбы, она (по словам Вожеватова)... «барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное». Тут очень важная последняя характеристика - «обращение свободное». За несколько старомодными словами Вожеватова скрывается намек отнюдь не на распущенность Ларисы, а на то единственное, что выделяет ее из целой толпы хорошеньких барышень: эмоциональную раскованность и природную артистичность. Этои божий дар, и залог гибели для Ларисы в том обществе, где она живет.

О том и вся пьеса: о неизбежной трагедии чистой и свободной женской души в мире, где женщина - вещь. Не будь у Ларисы крыльев, и ее спихнула бы деловая маменька за како-

го-нибудь кавказского князька. И не за молодость и кукольное личико платит Кнуров, не крохотному пасхальному ягнечку предлагает он «такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления».

Кнуров покупает талант. Вещь по сути бесценную, потому и сулит Ларисе золотые горы. Только не понимает бывалый купец, что в тот момент, когда он вступил в торг, покупать уже нечего, душа у Ларисы мертва, чудесная птица улетела, и выстрел Карандышева по сути не значит ничего.

Можно по-разному играть Ларису, но тему гибнущего таланта, его купли и продажи изъять из пьесы нельзя. А у сегодняшней Ларисы таланта нет, она просто юна и мила, и все что происходит в пьесе, начиная с приезда Паратова, словно бы к ней и не относится. Может быть, отчасти поэтому от внутреннего разлада живого образа и драматургии так странно, почти нелепо выглядит трагический финал «Бесприданницы»?

Бесконечно долго кружится в луче света раненая (умирающая на самом-то деле!) Лариса, раскинув руки-крылья с натянутой на них шалью. Что это, попытка прямой аналогии с ее именем: Лариса-Чайка? Воспоминание о сердцеприщипательном романсе «Вот вспыхнуло утро...»? Но романс появился позднее и связывают с ним образ совсем другой Чайки...

Может быть, Карандышев промахнулся? Тогда причем разговор о смерти и эти не всем понятные слова о любви ко всем людям? Лариса так и не падает, даже не опускается на стул, как сказано у Островского. И слова ее не достигают сердец зрителей. А между тем вот в той последней фразе: «...вы все хорошие люди... я вас всех... всех люблю!» - скрыт заключительный аккорд трагедии гибнущего таланта. Только таланту дана всепрощающая великая сила любви. Лариса жила не так, как все, и умирает не так, как все. Но что может сказать зрителю Лариса, лишенная таланта?

Веннамин Бекишев

## ЧАРОДЕЙ ИЗ СТРАНЫ БЕРЕНДЕЕВ

(Филателия об А.Н.Островском)

Филателия об А.Н.Островском - это маркированные почтовые конверты и открытки, марки, штемпеля специальных гашений, на которых воспроизведены портреты и памятники великого драматурга, многочисленных известных писателей, актеров, композиторов, ученых, с которыми были связаны его жизнь и творчество, театры, места, где он жил, которые посещал. Значительное количество этих филателистических материалов посвящено Щелькову, Костроме.

В глубине старого тенистого парка перед крутым спуском в долину стоит двухэтажный деревянный дом с колоннами и террасами - Дом-музей А.Н.Островского. Этот дом изображен на четырех конвертах и трех почтовых красочных маркированных открытках. Художники П.Вьюев, Г.Комлев, В.Завьялов, В.Скворцова, автор фотографии Н.Веселов каждый по своему, в разных цветовых тонах сумели передать оригинальную архитектуру дома. А с 1988 года вся корреспонденция, отправляемая из Щелькова, гасится в местном отделении связи постоянным памятным штемпелем с изображением занавеса сцены, рукописи и текстом: «Государственный музей-заповедник А.Н.Островского «Щельково».

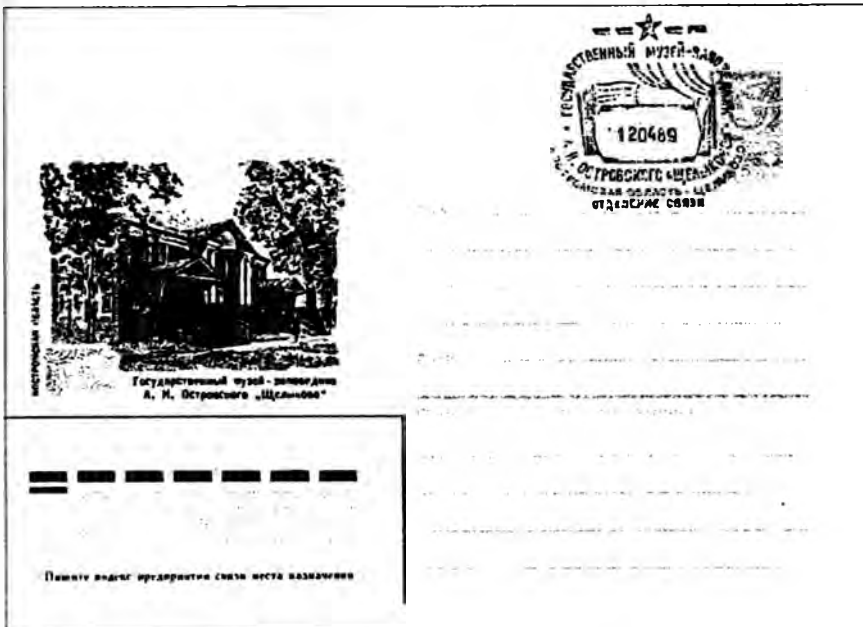
Народный артист СССР А.Н.Грибов оставил в книгу отзывов такую восторженную запись об этом доме: «Волшебный дом! Здесь все дышит настоящим русским, и край волшебный. Природа здесь сама поет».



На трех советских марках изображен известный портрет А.Н.Островского, написанный в 1871 году для Третьяковской галереи художником В.Г.Перовым. Александр Николаевич сидит в кресле, одетый в теплый, подбитый мехом халат. Копия этого портрета, мастерски выполненная старшей дочерью драматурга Марией Александровной, находится в гостиной щельковского дома. Среди многочисленных фотографий артистов и литографий картин на одной из стен дома висит литография с картины Перова «Птицелов» с дарственной надписью художника. Портрет В.Г.Перова и его картина также изображены на марках.

Мария Александровна и ее муж, выдающийся ученый-электротехник Герой Социалистического Труда М.А.Шателен (сму посвящена одна из марок), внучка Островского Мария Михайловна Шателен сделали очень много, чтобы в доме-музее было все так, как и при жизни драматурга, восстановили обстановку дома, сохранили и передали в музей много различных экспонатов - мебель, семейные фотографии и документы, книги.

А.Н.Островский, работая над пьесами, часто использовал интерьеры своего дома, а также окрестную природу и местность. Поэтому посетители, видевшие пьесы «Воспитанница», «Дикарка», «Лес», «Волки и овцы», приходя в музей, знакомясь со Щельковым, оказывались в знаковой обстановке.



нсцов, И.Левитан. В 1900 году в Московском Художественном театре пьесе «Снегурочка» поставил К.С.Станиславский. Снегурочка изображена на красочной миниатюре художника Т.Зубковой в серии марок «Искусство Палеха».

Режиссер, народный артист СССР П.П.Кадочников снял в окрестностях Щелыкова сказочный фильм о Снегурочке. Деревня берендеев пересекла в Кострому и прочно прописалась в одном из парков. Этой неповторимой «Берендеевке» посвящены 10 почтовых открыток и конвертов.

Много памятных мест связано с пребыванием в Костроме. На берегу Волги возвышается беседка Островского, в здании драмтеатра, носящем его имя, он был на репетициях и просмотрах, посещал Ипатий, прогуливался по тихим, уютным улицам города. Конверты и открытки напоминают и рассказывают нам об этих достопримечательностях любимого драматургом города. Имя Островского присвоено районному центру, улицам костромских городов.

Иконография об Островском в филателии включает 6 марок, 3 маркированных открытки и 8 конвертов. На этих почтовых изданиях воспроизведены портреты и скульптурные памятники драматурга. Среди них известная скульптура Н.Андреева перед «домом Островского» — Малым театром в Москве, памятник, установленный в 1973 году в Щелыкове (скульптор А.Тимченко), бюст А.Н.Островского работы Н.Саркисова, перенесенный из Щелыкова к Костромскому драмтеатру.

Костромичи всегда помнят и свято чтут память великого русского драматурга. Почтовые же сувениры с костромской тематикой в память об А.Н.Островском разлетаются по всей России.

В щелыковском кабинете прошли многие часы творческой работы великого драматурга, здесь создавались «Бесприданница», «Поздняя любовь», «Таланты и поклонники». В 1876 году Островский написал пьесе «Правда — хорошо, а счастье лучше», сцена из четвертого действия которой изображена на марке из серии «Писатели нашей Родины». В Щелыкове Островский работал также над переводами пьес Итало Франко и Карло Гольдони, создал для П.И.Чайковского и А.Н.Серова либретто опер «Восвода» и «Вражья сила».

В пьесах А.Н.Островского роли исполняли выдающиеся русские артисты П.М.Садовский, М.С.Щепкин, П.С.Мочалов, М.Н.Ермолова, Г.Н.Федотова, В.Ф.Комиссаржевская, постановки пьес осуществляли режиссеры К.С.Станиславский и В.И.Немирович-Данченко. Всем им посвящены марки и конверты.

О театральной деятельности Островского, постановках его произведений в различных театрах страны рассказывают экспонаты литературно-театрального музея А.Н.Островского, здание которого мы видим на «щелыковской» открытке выпуска 1977 года.

Особую страницу в филателии об Островском занимают почтовые издания, связанные со «Снегурочкой».

С высокой горы открывается вид на Ярилину долину, в которой происходит последнее действие «Снегурочки». Сюда собрались берендеев, чтобы встретить восход солнца. Здесь Снегурочка



признается в любви, познав ее жгучую радость, и гибнет в лучах Ярилы-Солнца. На месте, где растаяла Снегурочка, образовался голубой ключик, на дне которого бьется ее пылающее сердце. Так народная поэзия чудесно слилась в сказке-феерии Островского с красотой заповедных мест Щелыкова.

Эта сказка увлекла многих художников и музыкантов. Музыка к «Снегурочке» писали П.И.Чайковский и А.Т.Гречанинов, а в 1882 году в Мариинском театре была поставлена опера «Снегурочка» Н.А.Римского-Корсакова. Островский был очарован: «Музыка Корсакова к моей «Снегурочке» удивительна».

В этой опере в разное время пели А.В.Нежданова, В.В.Барсова, Л.В.Собинов. Эскизы к декорациям писали Н.Рерих, В.Вас-



# УШЛА ПРИМАДОННА

Ушла Примадонна.  
Как же так, Люся? Как же так...

Далсе не приходит ни слова. Надо раскачивать этот колокол, эту враз оглушнную голову, чтобы вытянуть из себя нечто связнос...

Не любила яблок, белого хлеба, холодной погоды, материи в полоску, клетку... Сантана из последнего сериала ее раздражала; говорила: похожа на крокодила (или на обезьяну?)

Что же это происходит, господи?!

В народе говорят: грибное лето - к войне. К смертным потерям.

Нынче грибов - прорва. На затоптанном уличном газоне у меня под окном вылупились две сыроежки...

Среди театральных грибников Свердлова была номером первым. Перед ней могла пройти толпа с корзинами, в лесу могла стоять великая сушь - ее грибы ждали только се... Потом баночки с маринадом раздавались друзьям, увозились в Ленинград сестре Ларочке, выставлялись на пирушках...

Нет, Люся, все это совершенно невозможно...

Она жила на улице с дремучим названием Новый быт. К этому Новому быту, дом № 7, приходилось пробираться бестолково длинным и конечно же темным закоулком. Однажды, когда она поздним вечером возвращалась из гостей, ей навстречу из машины с потушенными фарами вышел человек с ножом. И что же она? Бежит, кричит, замирает на месте? Ничего подобного. Она подходит к вооруженному полуночнику и произносит буквально следующее: «Мужчина, что это вы по ночам с ножом тут разгуливаете? Я ведь могу подумать, что вы меня убить собираетесь». И, отчитав остолбеневшего Джэка, с достоинством удаляется к подъезду, чтобы одним махом взлететь на свой четвертый этаж.

Вот такая женщина жила рядом с нами. Всегда имющая при себе нитроглицерин. По причине порока сердца с детских лет.



Актриса и Режиссер. Лиеная. 1966 год.

Ей, миниатюрной, шло все, что идет высоким стройным женщинам: широкополые шляпы, длинные бархатные платья, меховые пальто. По причине прирожденного артистизма.

Если надо назвать лучший театральный портрет, раздумывать не приходится: это портрет Людмилы Свердловой в роли Марии Стюарт. Громадная, едва ли не метровой фотографией, была снята со стены ее комнаты и за ночь отреставрирована друзьями-художниками. Тусклый невыразительный фон был заменен белым подрамником, и 25-го августа, в день прощания с актрисой, на белом мраморе театрального

фойе сияло лицо шотландской королевы в белых одеждах...

Впрочем, ни ситцевый сарафан, ни какой самый что ни на есть затрапез не могли погасить ее обаяния, ее женской привлекательности.

Сотни любительских снимков хранят ее мягкую улыбку, роскошные волосы, пленительные плечи... Людмила: людям милая...

На одном из таких снимков рядом с хозяйкой сидит ее лохматый любимец Топ. Свердлова, «дама с собачкой», появилась в Костроме весной 73-го. Через год для дамы с собачкой нашлась роль в спектакле «Вишневый сад»: экс-



центричная сюр-гувернантка Шарлотта-Люся и фокусник Топ...

Она умела и любила делать все, что положено уметь женщине: шить, вязать, стряпать, украшать дом. У нее был красивый дом.

Она все делала быстро. Подгоняла время. Наверно, так же торопились ее мама Александра Ивановна, вывозя дочку и старшего сына по «дороге жизни», через Ладогу, из ленинградского ада.

Она и умерла так же быстро, вернее - мгновенно, во сне.

В народе говорят: благая смерть.

Врач объяснил: захлопнулся клапан. Захлопнулся и не открылся.

Сколько раз старый, малинового бархата занавес, закрывшись на финальной сцене, снова и снова раскрывался - по воле зрителей, очарованных черноволосой Примадонной! Если бы можно было растворить его и теперь...

У нее было много поклонников. Мужчины и женщины, в преклонных летах и совсем еще юные. Ей оставляли цветы на проходной, посвящали стихи, предлагали руку и сердце. Художники просили ее позировать...

На первой странице ее записной книжки для адресов и телефонов стоит цитата из Льва Толстого: «Чтобы поверить в добро, надо начать делать его».

У нее был дар понимать, прощать, помогать. Она могла примчаться в 2 часа ночи, чтобы утешить, отвести беду... Когда у ее молодой подруги родился сын, она в полной мере испытала радость и труды материнства. Семь лет нянчилась, кормила, водила по врачам, баловала, возила показать Ленинград... Никита звал ее Люсей...

На второй странице ее записной книжки-стихи Цветаевой: «Пригвождена к позорному столбу...» и еще одно восьмистишие. Вот его заключительные строки:

Никто, в наших письмах роюсь,

Не понял до глубины,  
Как мы вероломны, то есть -  
Как сами себе верны.

Она была умна, обязательно, иронична. Называла вещи своими именами; в театральной среде это чревато болезненными последствиями. Она их не боялась.

У нее была поразительная интуиция - во всем. В хитросплетениях театральной политики - тоже. Она просчитывала на три хода вперед. Ошибалась редко. Во всяком случае, реже других.

Чтила границы театра и жизни. Не оскорбляла законов профессии проблемами личных взаимоотношений. В этом смысле была на сцене надежным и благородным партнером.

Мгновенно реагировала на вирус демагогии. Слово принцесса - горошину под семью тюфяками, чувствовала фальшь - улыбки, общания, исповеди.

Могла быть резкой: небрежного, бестактного отношения к себе не терпела.

Была не просто жизнерадостна, но - жизнестойка. Поддерживала добрые инициативы и помогала их воплотить. Клуб творческой интеллигенции во многом обязан ее энергии.

Занималась общественной работой. И здесь оставалась сама собой. Не уходила от сложных проблем, старалась свести к минимуму формальности. Помню ее отчетный доклад в качестве председателя профсоюзного комитета театра. Оказалось, что все эти цифры, статьи, мероприятия можно изложить кратко, без занудства и завирания, нормальным человеческим языком.

Чем была для нее сцена? Мы никогда об этом не говорили.

Она с удовольствием играла все: классические костюмные роли, блистательных дам голубой крови, старух, стареющих мамонск и невест Островского, странных и страстных героинь Уильямса и Кокто, дурочку унтер-офицершу в «Ревизоре», усато-темпераментную Бабу-Ягу-младшую из веселой и грозной пьесы-притчи Шукшина «До третьих петухов»...

Людмила Свердлова удачно работала с разными режиссерами. Но среди них был Единственный. Владимир Шиманский. Две ее самые любимые роли - Марии Стюарт и Филумены Мортурано -

Людмила Свердлова могла бы стать самой желанной гостьей в «Губернском доме». Она принадлежала к культуре не только по ведомственному признаку, но и по составу души. Журналисты любили её — за талант, доброту, искренность. Могла бы ... Только журнал стал выходить поздно, а она ушла так рано. Но светлый образ её в духовном пространстве Дома останется навсегда.

сыграны в его спектаклях. Писать об этих работах мимоходом не имеет смысла: настолько они глубоки, серьезны, подробны.

Высокородная шотландка носила диадему. Итальянская простолюдинка Филумена украшала волосы белым цветком. 25-го августа этот цветок был исключен из списка реквизита: театр возвратил его законной хозяйке, отныне он принадлежит только ей.

Людмила Свердлова и Владимир Шиманский проработали вместе в Костроме 15 лет. Не станем уловлять в сети слов то, что их связывало. Прибавим лишь общность безвременного ухода.

Она пережила его на шесть лет и один месяц. До конца так и не примирилась с его потерей. Не раз, с полной убежденностью, говорила, что ощущает его присутствие.

За три месяца до последнего часа, сидя в театре за праздничным столом, сказала вполголоса: когда умру, дайте мне попрощаться со сценой.

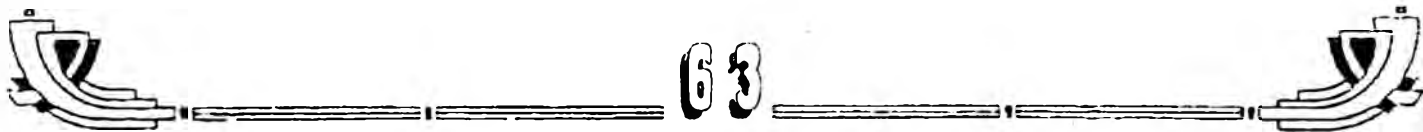
Ее волю исполнили. 25 августа сцена в последний раз была раскрыта для Примадонны. Сверху, от колосников, неожиданно метнулась тень. Туда, через открытый люк, случилось, и раньше залетали воробьи. Но теперь это была большая птица. Кто-то определил: стриж.

Сбросив высоту над сценой, крылатое существо устремилось в зрительный зал и закружилось вокруг старинной люстры.

В народе говорят: (...)

В последнее время Свердлова заканчивала сценарий по Агате Кристи. Мечтала сыграть Коринкину в «Без вины виноватых». 21-го августа, субботним утром, в сусанинском лесу остались несобранными люсины грибы.

Ксения Котляревская.  
3 сентября 1993 года.



# НАПОСЛЕДОК

## ПРЕДАНИЕ

Вдоль Галичского тракта в старину были разбросаны кабаки - «бойкие места». Один из таких перепутных кабаков Островский изобразил в своей пьесе «На бойком месте». Старожилы Щелькова уверяли, что этот кабак стоял неподалеку от щельковской повертки и показывали две огромные ямы - следы этого кабака.

Старинные предания среди живущих в округе крестьян связывают героя пьесы Бессудного, содержателя постоянного двора, с местным разбойником Михаилом Титовым, а Жука, работника Бессудного, с известным в этом районе купцом Нарышкиным, разбогатевшим грабежом.

## ПЕСНЯ

Скачет галка  
По ельничку,  
Бьет хвостом  
По березничку:  
Наехали на галку  
Разбойнички,  
Сняли они с галки  
Синь сарафан,  
Не в чем галочке,  
Плачет галка,  
Да негде взять,  
По городу гулять.

Записано А.Н.Островским в Щельково.

## СЛУЧАЙ

Однажды в городе Торжке винный пристав Развадовский рекомендовался Островскому так: «Честь имею представиться - человек с большими усами и малыми способностями». Потом эта фраза включена была драматургом в рекомендацию Паратова.

(«Бесприданница», действие II, явл.9).



## ПОГОВОРКА

- \* Дай в долг, а порукой волк.
- \* Пошел по колун, да там и потонул.
- \* Эту снасть не руками класть (о рыбе - не ловится, так ничего не сделашь).
- \* Парит да марит да дожидчик приударит - хлеб будет добрый.
- \* Садись, старичок, поцарапай Волгу-то, поваляндись.

Записано А.Н.Островским во время этнографической экспедиции по Волге.

## СТИХИ

Александр Островский

## АРТИСТУ

Поэта - гения творенье,  
Резца и кисти образцы  
Живут векам на удивленье,  
И вечно славят их творцы.  
Но быстротечно обаянье,  
Которым нас чарует мим,  
Его мгновенное созданье  
Бесследно гибнет вместе с ним.  
Но пусть созданий

не оставит;

Себе великий лицедей  
При жизни памятник поставит  
В сердцах достойнейших  
людей.

Его минутны вдохновенья  
И вековечно торжество,  
Ему венки и поклоненья,  
Бессмертье имени его.  
Лето 1867 г. Щельково.

## СКАЗКА

Сказку «Иван-царевич» Островский написал задолго до «Снегурочки», в 1867, тоже в Щелькове, но почему-то про нее редко вспоминают. Осталась сказка несовершенной по неизвестной нам причине. Может, местный щельковский мельник-колдун виноват? В сказке этой сказывалось, что работали у него три Ивана, одногодки, которые не знали чьи они и как попали на мельницу. Однажды нищенка рассказывает им тайну их происхождения. Раз красавица-царица, что никак не могла родить дите, дала нищенку совет: закинуть несвод в пруд, поймать золотую рыбку. «Если ее сварить и скушай одна».

Вот сварили рыбку,  
Кушала царица,  
После ней поела  
Сенная девица.  
Да старуха мамка  
Кушала немножко;  
Голову да хвостик  
Отглодала кошка...

И вот  
родилось у них у  
всех по сыну, и  
назвали их:  
Иван-царицын,  
Иван-дсвкин,  
Иван-кошкин и  
Иван-старухин...  
А чем дело  
кончилось узна-  
те, если сами  
прочитаеце.



# ГУБЕРНСКИЙ

1/94

ИСТОРИКО-  
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ  
КУЛЬТУРНО  
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ  
НАУЧНО  
ПОПУЛЯРНЫЙ  
ЖУРНАЛ

# ДОМ

## ЛЮБЕЗНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Смеем напомнить, что в 1994 году исполняется 50 лет Костромской области. Земля наша - сейчас область, а прежде губерния - многим замечательна.

В следующем номере «Губернского дома»:

Люди ученые, мастеровые  
История целого земства и одного села  
Костромские святые  
Гербы уездных городов  
Кострома купеческая  
Чудо-поезд губернатора Шиловского  
Статистик и поэт  
Кострома в творчестве художников мира  
Светописец Ефим Честняков  
Народное краснословие.  
Детские потешки, дразнилки, загадки

И кое-что еще...

До свидания.

Редактор Николай Муренин.  
Художник Василий Чистов.  
Фото из коллекций Андрея Анохина,  
Георгия Беякова, Сергея Калинина.

Адрес редакции: 156601, г.Кострома, пл. Советская, 2, тел. 57-29-33.  
Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 10.08.93 г. Подписано к печати 10.09.93 г. Печать офсетная. Объем 8 н.л.  
Тираж 4000 экз. Цена договорная.  
Макет и верстка выполнены Издательской фирмой "Костромские ведомости".  
г.Кострома, ул.Советская, 3.

Отпечатано в областной типографии им.Горького управления по делам печати и массовой информации администрации Костромской области, г.Кострома, ул.П.Щербина, 2.



«Таланты и поклонники» — последняя премьера  
Костромского театра им. А. Н. Островского.